

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2014 – 9 (267)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2014**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке: *Е.С. Хазанов* – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2014. – № 9 (267). – 204 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>А. Алейников.</i> Посткрымские конфликты: Стоит ли Париж (шенген) мессы?	5
<i>Уолтер Рассел Мид.</i> Возвращение геополитики	15
<i>Я. Амелина.</i> Угроза исламизма	26

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Р. Патеев.</i> Роль исламского фактора в современном адыгском движении	32
<i>Г. Юсупова.</i> Суфизм в социокультурной традиции народов Дагестана.....	43
<i>И. Добаев, А. Добаев, Д. Умаров.</i> Особенности финансирования террористических структур на Северном Кавказе.....	53
<i>Томас де Ваал.</i> Азербайджан – что впереди?	68
<i>М. Лаумулин.</i> Политика США и ЕС в Центральной Азии. (Сравнительный анализ).....	81
<i>Е. Борисова.</i> История развития конфликтов по поводу водных ресурсов в Центральной Азии в пост-советский период	122

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Б. Ахмедханов.</i> Афганистан: В плену географии	134
<i>А. Демченко.</i> Иордания	144
<i>О. Бибикова.</i> Турецкие иммигранты в Германии: Проблемы и перспективы	168

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>В. Ахмадуллин.</i> Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» западными авторами	188
<i>Г Косов, Г. Станкевич.</i> Религиозный фактор в полити- ческом процессе: Опыт восточных политий. (Исламская проекция).....	194

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. Алейников,

доктор философских наук

(Санкт-Петербургский государственный университет)

ПОСТКРЫМСКИЕ КОНФЛИКТЫ: СТОИТ ЛИ ПАРИЖ (ШЕНГЕН) МЕССЫ?

*А потом будем долго огни принимать за пожары мы.
И людей будем долго делить на своих и врагов.
Владимир Высоцкий*

Динамика посткрымских конфликтов сегодня еще, в лучшем случае, может быть описана, но вряд ли объяснена и понята, не говоря уже о предложении концептуальных моделей, включающих сценарное прогнозирование и выработку рекомендаций. Недаром в социальных сетях среди экспертов, обсуждающих «крымский вопрос», популярен анекдотический диалог двух политологов: «Ты что-нибудь понимаешь?» – «Я тебе сейчас объясню...» – «Объяснить я могу и сам. Ты что-нибудь понимаешь?» Впрочем, и Конгресс США инициировал расследование работы своих спецслужб, так как те не знали о планах России на Украине. Сотрудников ожидает служебная проверка специальной комиссии Палаты представителей США.

Одно из оправданий случившегося конгрессмены видят в разном стиле работы аналитиков, что и объясняет разницу в выводах разных групп разведки. К сожалению, из сообщений СМИ не ясно, использовала ли какая-нибудь группа для работы теоретическую схему как-то постепенно выходящего из моды, зачастую высокомерно критикуемого «серьезными социологами», но штудируемого на всех мировых политологических факультетах Самюэля Хантингтона. Все его концепции – образец элегантной стройности, эрудированной аргументации, доступности формы изложения и брутальной простоты выводов. В период вьетнамской

войны «Карл Маркс Пентагона», как его называли, умело заточил теоретические положения исследования «Политический порядок в меняющихся обществах» под практическую политику Вашингтона. Протестующие против войны студенты пикетировали его кабинет в Гарварде, а он в это время лично выезжал во Вьетнам консультировать американское командование по стратегии борьбы с партизанами. Хантингтон рекомендовал Вашингтону не комплексовать и относиться прагматично-реалистически к своему вынужденному покровительству военным и авторитарным правителям Третьего мира и не стеснялся в качестве одного из лучших примеров модернизационной диктатуры называть сталинский режим в СССР [Дерлугьян 2013: 344–346].

В своей политконсалтинговой деятельности он предлагал модели, позволяющие политикам «систематизировать и обобщать реальность; понимать причинные связи между явлениями; предчувствовать и, если повезет, предсказывать будущие события; отделять важное от неважного; показывать, каким путем двигаться, чтобы достичь наших целей». К сожалению, С. Хантингтон ушел из жизни 24 декабря 2008 г., оставив Конгресс и спецслужбы США без своих мощных, теоретически аргументированных консультаций.

Но еще в 1993 г. он сформулировал ряд тезисов, цитируемых, как правило, по случаю, но которые сегодня выглядят пророчески:

- осознание различной культурной идентичности определяет модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта;
- наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут между народами различной культурной идентичности, и они всегда возникают вдоль «линий разлома»;
- относительное влияние Запада снижается;
- универалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам;
- русские сплачиваются вокруг символов своей идентичности;
- Украина является расколотой страной с двумя разными культурами, линия разлома проходит прямо по ее центру вот уже несколько столетий;
- конфликт между русскими и украинцами маловероятен, если политические лидеры приложат значительные усилия и избежат давления крайних националистов с обеих сторон;

– вероятным вариантом развития ситуации является раскол Украины по линии разлома на две части; восточная – войдет в состав России;

– вопрос отделения первым поднимется в Крыму;

– «обрезок» униатской и прозападной Украины может стать жизнеспособным при активной и серьезной поддержке Запада, которая может быть оказана только в случае серьезного ухудшения отношений между Россией и Западом вплоть до уровня противостояния времен «холодной войны»;

– Россия и Украина являются стержнем, необходимым для единства православного мира;

– выживание Запада зависит в том числе от принятия мировыми лидерами полицивилизационного характера глобальной политики и сотрудничества для его поддержания [Хантингтон 2003: 11–14, 254–258].

Малкольм Гладуэлл в социологическом бестселлере «Переломный момент» сформулировал ряд закономерностей социальных изменений. Одно из них гласит, что большие перемены следуют за малозаметными событиями, и иногда эти перемены могут быть очень стремительными. Силовой разгон студентов на Майдане ноябрьской ночью 2013 г. вряд ли сам по себе был смертельным для сложившихся глобальных правил, но стал триггером для реального воплощения фукуямовского «конца истории». Исторический резонанс этого события обрушил институциональную систему соотношения сил, суть политики и идеологии конфликто-разрешения (пусть прагматической и циничной), называемой то ли *realpolitik*, то ли *balance of power politics*.

Воронка втянула в себя ранее действующие условия, позволяющие сбалансировать силу участников конфликтов – внутренних и международных. От состояния, описываемого как посткоммунистическая, постсоветская трансформация, Россия переходит к какому-то новому, еще плохо поддающемуся артикуляции (не принимая в расчет ее истерические апокалиптические или урапатриотические формы) этапу формирования качественно иных форм и методов управления конфликтами между политическими лидерами, военно-политическими блоками и государствами.

Зафиксируем последствия, которые уже достаточно очевидны на данный момент (это далеко не полный перечень, но говорить о рисках надо, ибо, к сожалению, генералы всегда готовятся к прошедшей войне, а политики готовятся к прошлым конфликтам).

- Утрачена былая самоочевидность понятия «постсоветское пространство» и создана другая реальность, новое политическое, экономическое, культурное, образовательное и управленческое пространство. Нельзя в этом сюжете не отметить и роль социологических пророков в своем Отечестве. В 1995 г. как изысканный и загадочный интеллектуальный прикол воспринимался анализ российского социолога А.Ф. Филиппова, провидчески заметившего: «Действительно, сейчас есть международно признанные границы “России”, унаследованные новым государством от Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в составе СССР. Однако велика ли цена этой фактичности?.. Сегодня власть в Москве у политиков, сделавших ставку на признание административных границ между союзными республиками бывшего СССР в качестве межгосударственных. Завтра она может перейти к тому, кто хотел бы прирастить территорию за счет “исконно русских земель”. Наконец, сегодня “мировое сообщество” признает Россию в одних границах, а завтра, быть может, признает в других... Однако со времени формального распада СССР таких чрезвычайных событий набирается что-то уж слишком много, промежутки между ними невелики, и процесс, судя по всему, еще не пришел к завершению. Кто, кроме ангажированных политиков, возьмется сейчас предсказать ближайшие изменения в территориальном устройстве нынешней России? Кто решится определить, исходя из одного только фактического положения дел, что вообще есть Россия?» [Филиппов 1995].

- Расширены границы одного государства (России) при проблемности смыслов существования другого (Украины) даже в уменьшенных территориальных рамках.

- Россия находится в состоянии антагонистического конфликта и невооруженной конфронтации с Европейским союзом и США, экзистенциальной вражды со значительной частью украинского общества, перемаркировавшего внутrigосударственный конфликт в национальный, при котором внутренние разногласия переформируются во внешний выбор враждебности по отношению к России.

- В сложной ситуации оказалась Российская православная церковь (в украинских приходах Московского патриархата около половины общин РПЦ), неясны перспективы Всеправославного собора в 2016 г.

- Ухудшилась «политическая кредитная история» пророссийских лоббистских групп, и стало проблемным (на сегодняшний

день) использование Россией рычагов политического влияния на конфликты в мировой экономике, в том числе связанные с развитием точных производств и высоких технологий.

- Возможно обострение территориальных конфликтов на постсоветском пространстве, где появилась возможность апелляции к нарушению принципа нерушимости границ самой Россией, ранее обладавшей статусом признанного арбитра и гаранта соглашений, сложившегося баланса сил и интересов.

- Представляется потенциально конфликтным и сам процесс «вписывания» политического и экономического субъективирования Крыма в нынешнюю архитектуру Российской Федерации. Примечательны два высказывания в одной из телепередач представителей крымской элиты: «Мы научим Россию политической культуре референдумов» и «Мы не для того выгоняли донецких олигархов, чтобы позволить распоряжаться нашими ресурсами другим бизнес-пришельцам», вызвавшие ступор у присутствующих российских депутатов, которые предпочли «замять тему». Кроме того, Крыму предстоят выборы, а его электоральные традиции подразумевают реальный разговор и реальную борьбу, особенно с учетом «татарского фактора» и отсутствия российских механизмов реализации продекларированного до референдума принципа «национальной квотности» представительства в политических институтах.

- Принятие мер по защите российского бизнеса от западных санкций при определенной трансформации может привести к затуханию публичной политической борьбы с коррупцией.

- Конфликты переходят в личностную плоскость (коммуникации не друг с другом, а друг о друге), в ревность к чужому лидерству, которая приобретает у западных политиков характер агрессивной конфликтности, имеет провоцирующий характер максимального осложнения личной жизни (если не самому первому лицу, то его близкому окружению). Тезис Аль Капоне: «Это просто бизнес, ничего личного» – переворачивается, это теперь в основном «личное».

- Конфликтное поведение становится демонстрационным, широко используются «конфликты возмездия». «Истерически-инфантильная» конфликтность Барака Обамы, для которой характерно экзальтированное преувеличение своей роли, приводит к смеси мессианского стремления изменить Россию «по образу и подобию своему» и беспрецедентной публичной демонстрации идейной архаики – обычая кровной мести (высказывания о страте-

гии и тактике нанесения максимального ущерба, разрушения экономики Российской Федерации, о чем никогда не позволяли себе заявлять президенты США). Примеров подобного «радикализма слабости» немало и в посткрымском российском политическом дискурсе. При этом, чем мельче (по степени реального влияния, а не формального статуса) политик, тем активнее он замещает дефицит своего властного потенциала месседжами демонстрационной конфликтности, заботясь о виртуальном впечатлении от своей «крутизны».

- Возрастает аффективность конфликтов, для которой характерны нерациональная гиперреакция даже на незначительное раздражение, провоцирующее непропорциональность ответных действий: «Мы все равно покажем, кто здесь главный!»

Признаем, что Россия классически, прямо по Ральфу Дарендорфу, сумела тактически и территориально-локально (в Крыму) «справиться с конфликтами» и на этом этапе взяла «под свой контроль ритм истории». Упустившие такую возможность получили «этот ритм себе в противники»¹. По Ницше, любое важное историческое событие есть отражение меняющегося соотношения сил, находящихся в постоянной борьбе, признак того, что некая превосходящая сила установила свое господство. Исходя из этого, крымские события – не преднамеренное действие или реализация определенного проекта и не свободный контракт участвующих сторон. С его точки зрения, это последовательность «более или менее укоренившихся, более или менее не зависящих друг от друга и разыгрывающихся здесь процессов возобладания, включая и чинимые ими всякий раз препятствия, пробные метаморфозы в целях защиты и реакции, даже результаты удавшихся противоакций» [Ницше 1996: 456].

Социологические исследования ставок и целей различных государств в конфликтах классифицируются в литературе, исходя

¹ Здесь можно предположить серьезное внимание В.В. Путина к теоретическим проблемам конфликтологии вплоть до имплицитного, текстуально совпадающего цитирования Зиммеля и Дарендорфа, причем в формате свободного обмена мнениями. Вот одна из новелл: «Конфликты всегда есть. Понимаете, конфликта нет только на кладбище, там все тихо и спокойно. Поэтому это нормальное явление, когда есть конфликт. Вопрос в том, чтобы найти цивилизованные инструменты решения конфликта и выходить из конфликта, укрепляя общество и государство, а не разрушая его». Путин В. 2013. Встреча с представителями непарламентских партий. – Президент России. Официальный сайт, 20 ноября. Доступ: <http://www.kremlin.ru/news/19659> (Проверено 27.03.2014.)

или из логики поведения в конфликте, зависящей от склонностей государства: «плохие вещи исходят от плохих государств (плохих руководителей)», или из логики ситуации: «плохие вещи возможны, если хорошие государства оказываются в плохом месте» [Аллисон, Зеликов 2012: 65].

И. Кант писал, что «ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств... Сюда... нельзя отнести тот случай, когда государство вследствие внутренних неурядиц распалось на две части, каждая из которых представляет собой отдельное государство, претендующее на полную самостоятельность; если одному из них будет оказана помощь посторонним государством, то это нельзя рассматривать как вмешательство в политическое устройство другого (иначе возникла бы анархия)»... И еще: «...всякая попытка привить, как ветвь, государство, имеющее подобно стволу собственные корни, к другому государству означала бы уничтожение его как морального лица и превращение морального лица в вещь и противоречила бы идее первоначального договора, без которой нельзя мыслить никакое право на управление народом» [Кант 1966: 262–263, 266, 274, 260].

Возможны ли действия по принуждению к деэскалации конфликтов вне пределов своей территории и юрисдикции, если речь идет о защите «своей клиентелы»? Действует ли в этом случае либеральная парадигма «демократии никогда не воюют с другими демократиями», ибо в них изначально заложены механизмы и структурные ограничения в использовании силы, нормы мирного разрешения конфликтов?

В.В. Путин не сделал ничего не укладывающегося в различные, в том числе и либеральные, парадигматические социологические конструкции внешней политики и международных отношений, – «правление, сопровождающееся Нарвами без Полтав, есть бессмыслица» (В.О. Ключевский). Сужая анализ частными характеристиками Путина, многие западные политологи выбирают стилистически красивые («Он засыпает с мышлением Петра Великого и просыпается с мышлением Сталина»¹), но неверные индикаторы представлений о наборе факторов национальной стратегии России, зачастую разрывая и размывая конфигурацию «системы РФ» (Г.О. Павловский).

¹ New York Times, 2014. 23 марта.

Стандартное выделение лишь одних аспектов и их классификация и оценивание лишь одним способом искажают концептуальную призму. Симон Кордонский методологически изящно призывает при анализе российских контекстов отличать «в реальности» и «на самом деле», артикулируя, что «онтологическое единство и логическая несовместимость “реальности” и “на самом деле” порождают дискомфорт, когда слова не способны выразить в полной мере ни положения говорящего в структуре социального бытия, ни его отношения к этому бытию. От этого, наверное, и мучительный накал политико-философских дискуссий, когда один дискуссиант говорит о том, что есть “в реальности”, другой ему возражает – а “на самом деле” все не так... Раздвоенность придает жизни своеобразную авантюренность, от которой некоторые иностранцы впадают в ступор» [Кордонский 2000: 53–64].

Наряду с «фантазмагорическим модерном» (Вальтер Беньямин) аналитики-россиеведы легитимируют свой фокус оптики политологическим фундаментализмом, тоталитаризируя концептуальные основания исследования России одной специфической доктриной (в концентрированном виде ее выразил американский сенатор Д. Маккейн: «Россия – это автозаправка, маскирующаяся под страну. Это клептократия, это коррупция. Это нация, которая основывает свою экономику исключительно на нефти и газе»).

Более рафинированные и не столь русофобски-ангажированные эксперты, к числу которых относится Майкл Макфол, полагают, что одновременность внедрения демократии, экономической депрессии и ощущения имперской потери сгенерировали «контрреволюционную реакцию», тоску по старому порядку, недовольство итогами «холодной войны». Суть рассматриваемой посткрымской ситуации и поведения России бывший посол определяет так: «Мы не искали эту конфронтацию. Новая эпоха подкралась к нам исподволь, потому что мы не добились решительной победы в “холодной войне”. Россия не интегрировалась в западную модель мироустройства» [McFaul 2014]. Это – «в реальности».

«На самом деле» Запад не уловил (не смог, не сумел, не захотел, не успел) мегатренды изменения самой реальности, ее социально-политической физики и химии, смену социального кода поведения. Посткрымский сюжет – это точка, в которой государство Российское лишь «зафиксировало вес» на определенном этапе постсоветской трансформации, который П. Штомпка характеризовал как преодоление «посттравматического синдрома».

На наш взгляд, нет особой необходимости в поиске экзистенциального смысла в крымском конфликте, более перспективен его анализ в структурах и практиках повседневности, где сложилась ситуация, когда корректирующие действия врача после травмы совпали с желанием самого больного.

Созданный новый мир России и Запада отнюдь не идеален. Разногласия имеются, они серьезны и требуют принятия сложных системных решений.

Какие конфликтные модели мы видим сегодня?

1. Стороны вступают во взаимодействие, которое ведет к нанесению серьезного вреда каждой из них, пока одна из них не выйдет из игры. В теории игр примером является ситуация, когда два автомобиля идут навстречу друг другу, и тот, который первым сворачивает в сторону, считается «слабаком». Надо создать напряжение, которое бы привело к устранению игрока. Стороны не могут ничего выиграть, и только гордость заставляет их сохранять противостояние до финальной точки. И если никто не уступает, то столкновение и фатальная развязка неизбежны. При этом, как правило, ограничителями, красными флажками трагического исхода являются как убежденность одного субъекта конфликта в своем здравомыслии («я никогда не доведу дело до взрыва»), так и уверенность другого субъекта в знании своим противником его готовности к любым решительным действиям («он остановится, потому что знает: я-то пойду до конца»).

2. Стороны конфликта могут или демонстрировать свою силу, запугивая противника (стратегия «голубя»), или физически атаковать противника (стратегия «ястреба»). Если обе стороны выбирают стратегию «ястреба», то они сражаются, наносят друг другу увечья. Если же одна сторона выбирает стратегию «ястреба», а вторая – «голубя», то первый побеждает второго. В случае если обе стороны выбирают стратегию «голубя», то стороны приходят к компромиссу, получая выигрыш, который оказывается меньше, чем выигрыш «ястреба», побеждающего «голубя».

3. Известная «дилемма заключенного» утверждает, что максимальный выигрыш достигается кооперацией, соглашением, балансом сил и интересов.

В этой архитектуре конфликт не может быть разрешен полной капитуляцией одной из сторон. От них обеих требуется не разрушение коммуникаций, а иная логика, другая этика и новая эстетика управления договороспособностью.

Томас Шеллинг, тяжеловес среди разработчиков стратегии конфликта, классик и непререкаемый авторитет для западных теоретиков дипломатии и международных отношений, подчеркивал, что, безусловно, обязательным является допущение существования у участников конфликта как общих, так и взаимно противоречащих интересов. «Чистый конфликт, в котором интересы двух противников полностью противоположны, – особый случай; он появляется в случае войны до полного истребления, но даже для войн другого типа он неприменим. По этой причине “выигрыш” в конфликте не имеет строго состязательного смысла; это не победа, одержанная над врагом. Здесь подразумевается выигрыш относительно своей собственной системы ценностей, и его можно добиться путем переговоров, компромиссов, а также избегая поступков, наносящих обоюдный ущерб» [Шеллинг 2007: 17].

Нельзя прятаться от чужих ценностей и неприемлемых идей, обосновывая в экстазе идейной архаики истового пафоса борьбой с ними внутреннюю и внешнюю политику и обеспечивая идейный и ценностный консенсус подавлением инакомыслия, загоняя социум (и российский, и западный) в ограничения, разрывая логику и смысл договоренностей и обязательств, норм и правил. Но это не означает терпимость в отношении того, что заведомо неистинно, когда трезвый анализ подменяется моральным негодованием (конфликт в России – больше, чем конфликт). Это дискурсивное публичное поле выражено в известном вопросе: «Вам шашечки или ехать?»

Ясно, что череда посткрымских конфликтов обеспечит драйв перехода российской политико-экономической системы в иное состояние. И его нельзя редуцировать к различным вариантам концепта «отката к тоталитарному СССР» или, напротив, выстраивания России в качестве самостоятельного цивилизационного центра, осознанно формирующего собственный самобытный путь с опорой на свою ценностную матрицу. Из 1983 г. к нам возвращается сенсационно-горькое разочарование Юрия Андропова: «...мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, и вынуждены действовать эмпирически, весьма нерациональным методом проб и ошибок». Но это уже совсем другая история – конфликта дискурсов о России.

Литература

1. Аллисон Г., Зеликов Ф. 2012. Квинтэссенция решения. На примере Карибского кризиса 1962 г. – М.: УРСС: КД «ЛИБРИКОМ», 528 с.
2. Дерлугьян Г. 2013. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. – М.: Изд-во Института Гайдара, 384 с.
3. Кант И. 1966. К вечному миру. – Сочинения в 6 т. Т. 6. – М.: Мысль. – С. 257–310.
4. Кордонский С. 2000. «В реальности» и «на самом деле». – Логос. – № 5/6. – С. 53–64. Доступ: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5-6_07.htm (Проверено 27.03.2014.)
5. Ницше Ф. 1996. К генеалогии морали. Полемическое сочинение. – Сочинения. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль. – С. 407–520.
6. Филиппов А. 1995. Смысл империи: К социологии политического пространства. – Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 3. Россия как идея. – М.: Аргус. Доступ: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/filipp.htm> (Проверено 27.03.2014.)
7. Хантингтон С. 2003. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 603 с.
8. Шеллинг Т. 2007. Стратегия конфликта. – М.: ИРИСЭН, 366 с.
9. McFaul M. 2014. Confronting Putin's Russia. – New York Times, March, 23.
«Власть», М., 2014 г., № 4, с. 10–16.

Уолтер Рассел Мид,
профессор международных отношений
(Бард-колледж), колумнист журнала
«The American Interest»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Ответный удар ревизионистских держав

2014 год начался очень бурно – на первый план вновь вышло геополитическое соперничество. Российские вооруженные силы захватывают Крым, Китай выступает с агрессивными заявлениями из своей прибрежной акватории, Япония отвечает на это все более резко, Иран пытается использовать альянс с Сирией и «Хезболлой», чтобы доминировать на Ближнем Востоке... Словом, старомодные силовые игры возвращаются в международные отношения.

Соединенные Штаты и Европейский союз обеспокоены таким поворотом событий. Они предпочли бы оставить в прошлом территориальные и силовые проблемы геополитики, сосредоточиться на вопросах мирового порядка и глобального управления,

связанных с либерализацией торговли, нераспространением ядерного оружия, правами человека, верховенством закона, изменениями климата и т.д. С момента окончания «холодной войны» главной целью внешней политики США и ЕС было смещение акцента международных отношений с противостояний с нулевой суммой на тематику обоюдной выгоды. Втягивание в соперничество, от которого веет временами старой школы международных отношений, как сейчас на Украине, не только отвлекает от важных тем, но и влияет на сам характер международной политики. Атмосфера становится мрачной, перспективы поддержания и продвижения мирового порядка туманны.

Но Запад и не мог рассчитывать на то, что классические приемы геополитики так легко уйдут в прошлое. Крах Советского Союза был истолкован в корне неверно: речь шла об идеологическом триумфе либеральной капиталистической демократии над коммунизмом, а не о том, что жесткий режим отжил свой век. Китай, Иран и Россия так и не смирились с геополитическим порядком, сложившимся после «холодной войны», и предпринимают все более активные попытки его разрушить. Процесс не будет мирным и, независимо от того, преуспеют ли в этом ревизионисты, их действия уже подорвали баланс сил и изменили динамику международной политики.

Ложное чувство безопасности

Когда закончилась «холодная война», многие американцы и европейцы, по всей видимости, думали, что наиболее жгучие геополитические вопросы в принципе решены. Оставалось несколько относительно менее значимых проблем, таких как раздираемая противоречиями бывшая Югославия и палестино-израильский конфликт. Границы, военные базы, борьба за национальное самоопределение и раздел сфер влияния перестанут, как они полагали, быть важнейшими проблемами мировой политики. Людей нельзя винить в том, что им свойственно надеяться. Подход Запада к реалиям мира после биполярного противостояния был разумным. Вообще трудно представить, как обеспечить стабильность, не отказавшись от геополитического соперничества в пользу либерального миропорядка. Однако на Западе часто забывают о том, что сам этот проект базируется на геополитическом фундаменте, заложенном в начале 1990-х годов.

Реалии тогдашней Европы включали объединение Германии, распад Советского Союза, интеграцию государств бывшего Варшавского договора и республик Балтии в НАТО и Евросоюз. На Ближнем Востоке это доминирование суннитских держав – союзниц США (Саудовской Аравии, государств Персидского залива, Египта и Турции) и взаимное сдерживание Ирана и Ирака. В Азии – безоговорочное господство Соединенных Штатов, имевших договоры о безопасности с Японией, Южной Кореей, Австралией, Индонезией и другими странами региона.

Такое положение отражало тогдашнее соотношение сил, и оно оставалось стабильным, пока эта расстановка не менялась. К сожалению, многие наблюдатели ошибочно восприняли геополитические условия, временно сложившиеся в начале 1990-х годов, и окончательный исход идеологической борьбы между либеральной демократией и советским коммунизмом как единое целое. Знаменитый тезис политолога Фрэнсиса Фукуямы о том, что с завершением «холодной войны» наступил «конец истории», касался идеологии. Но для многих распад СССР означал не только прекращение идеологической борьбы человечества, но и финал геополитики.

На первый взгляд, такой вывод представлялся экстраполяцией аргументов Фукуямы, а не их искажением. В конце концов идея конца истории вытекала из геополитических последствий идеологической борьбы со времен немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, который сформулировал ее в начале XIX в. По мнению Гегеля, битва при Йене в 1806 г. положила конец войне идей. Для Гегеля полный разгром прусской армии Наполеоном в результате короткой кампании символизировал триумф Французской революции над лучшей армией предреволюционной Европы. Это означало конец истории, утверждал Гегель, потому что в будущем только государства, перенявшие принципы и методы революционной Франции, будут способны соперничать и выживать.

В приложении к реалиям постбиполярного мира аргумент был истолкован в том духе, что в будущем, чтобы сохранять способность к конкуренции, государства должны перенять принципы либерального капитализма. Закрытые коммунистические общества типа СССР явили полное отсутствие творческой инициативы и неспособность развернуть эффективное производство. Поэтому они не смогли соперничать с либеральными государствами ни в экономическом, ни в военном отношении. Их политические режи-

мы оказались непрочными, поскольку либеральная демократия – единственная форма общественного устройства, обеспечивающая свободу и человеческое достоинство, столь необходимые для поддержания стабильности современного общества.

Чтобы успешно бороться с Западом, нужно уподобиться ему, но тогда возникает риск превратиться в слабое пацифистское общество, не готовое вообще ничего отстаивать. Поэтому угроза миру может исходить только от «государств-изгоев», вроде Северной Кореи, но, хотя у них достаточно воли, чтобы бросить вызов Западу, устаревшая политическая и социальная структура не позволит им подняться выше уровня простого раздражителя (если, конечно, они не обзаведутся ядерным оружием).

Таким образом, бывшие коммунистические государства, включая Россию, оказались перед выбором. Они могли запрыгнуть на подножку уходящего экспресса модернизации и стать либеральными, открытыми и миролюбивыми, а могли продолжать держаться за свое оружие и свою культуру и смотреть, как их обгоняет весь остальной мир.

Вначале казалось, что это сработало. История закончилась, фокус сместился с геополитики на развитие экономики и ядерное нераспространение, в международной политике на первый план вышли такие вопросы, как изменение климата и торговля. В совокупности «закат геополитики» и «конец истории» открывали перед Соединенными Штатами заманчивые перспективы: меньше вкладывать в международную систему и больше от нее получать. Можно было сократить военные расходы, урезать ассигнования Госдепартаменту и уделять меньше внимания внешней политике – а мир все равно оставался бы процветающим и все более свободным.

Такое видение казалось привлекательным и либералам, и консерваторам. Администрация Билла Клинтона сократила бюджеты Пентагона и Госдепа и с трудом убедила Конгресс продолжать выплачивать взносы в ООН. В то же время политики полагали, что международная система станет более прочной и всеобъемлющей, продолжая при этом отвечать американским интересам. Республиканские неоизоляционисты, в частности бывший член Палаты представителей от Техаса Рон Пол, утверждали, что, учитывая отсутствие серьезных геополитических вызовов, Соединенные Штаты могут существенно сократить расходы на военные нужды и международную помощь, продолжая получать выгоду от глобальной экономической системы.

После 11 сентября 2001 г. президент Джордж Буш-младший строил внешнюю политику, рассматривая в качестве единственно опасных оппонентов ближневосточных террористов. Поэтому он начал против них длительную войну. В некотором отношении казалось, что мир вернулся в поле истории. Но представление администрации Буша о том, что демократию можно быстро перенести на Арабский Ближний Восток, начиная с Ирака, свидетельствовало о глубокой вере в американскую фортуна.

Президент Барак Обама исходил из убеждения, что «война против терроризма» чрезмерно раздута, история действительно закончилась и, как и во времена Клинтона, приоритетом является распространение либерального мирового порядка, а не классические геополитические игры. Администрация сформулировала амбициозную повестку дня по поддержанию этого порядка: противодействие стремлению Ирана получить ядерное оружие; урегулирование палестино-израильского конфликта; глобальный договор об изменении климата; масштабные торговые соглашения в Тихоокеанском регионе и в Атлантике; договоры по контролю над вооружениями с Россией; налаживание отношений США с мусульманским миром; продвижение права на однополые браки; восстановление доверия европейских союзников и прекращение войны в Афганистане. Обама планировал значительно сократить военные расходы и уменьшить вовлеченность в дела ключевых регионов мира – Европы и Ближнего Востока.

Ось короедов?

Все эти благие намерения вот-вот пройдут проверку. Спустя четверть века после падения Берлинской стены мир выглядит менее постисторическим. Об этом говорит противостояние между ЕС и Россией по поводу Украины, в результате которого Москва присоединила Крым; активная конфронтация Китая и Японии в Восточной Азии; межрелигиозные конфликты как элемент международного соперничества и гражданские войны на Ближнем Востоке. Разными способами и с разными целями Китай, Иран и Россия пытаются пересмотреть итоги политического урегулирования коллизий «холодной войны».

Отношения между этими тремя ревизионистскими державами очень непростые. В долгосрочной перспективе Россия опасается подъема Китая. Взгляды Тегерана на мировое устройство практически не совпадают с представлениями Пекина и Москвы. Иран

и Россия экспортируют нефть и заинтересованы в том, чтобы цены оставались высокими; Китай – крупнейший потребитель, и ему было бы выгодно снижение цен. Политическая нестабильность на Ближнем Востоке может дать преимущества Ирану и России, но представляет серьезные риски для Китая. Поэтому говорить о стратегическом альянсе трех государств не приходится, а со временем, особенно если им удастся подорвать американское влияние в Евразии, противоречия между ними, скорее всего, усилятся.

Единственное, в чем они не перечат друг другу, так это убеждение в необходимости пересмотреть статус-кво. Россия хочет восстановить Советский Союз, насколько это возможно. Китай не намерен ограничиваться второстепенной ролью в мировых делах и не готов принять нынешний уровень влияния Соединенных Штатов в Азии и территориальный статус-кво в регионе. Иран мечтает изменить нынешний порядок на Ближнем Востоке, где лидирует Саудовская Аравия и доминируют суннитские государства, став его центром.

Лидеры трех стран также едины во мнении, что основным препятствием на пути к воплощению их ревизионистских планов является мощь США. Их враждебность по отношению к Вашингтону и поддерживаемому им миропорядку носит одновременно наступательный и оборонительный характер: они не только надеются, что ослабление Америки поможет установить собственные порядки в соответствующих регионах, но и опасаются, что Вашингтон попытается их свергнуть в случае роста недовольства внутри. Ревизионисты стараются избегать прямой конфронтации с Соединенными Штатами, за исключением тех редких случаев, когда ситуация явно складывается в их пользу (как при вторжении России в Грузию в 2008 г. и при захвате и аннексии Крыма в этом году). Вместо того чтобы напрямую бросить вызов статус-кво, они ищут возможности ослабить нормы и отношения, на которые он опирается.

С тех пор как Обама стал президентом, каждая из трех стран реализовывала определенную стратегию с учетом своих сильных и слабых сторон. Парадоксально, но Китай, обладающий наибольшим из всей тройки потенциалом, недоволен результатами больше других. Его попытки укрепить позиции в регионе лишь прочнее сплотили азиатских союзников вокруг США и подогрели национализм в Японии. По мере роста возможностей Пекина у Токио все меньше надежды. Стремление Китая к власти встретит адекватное

сопротивление Японии, и напряженность в Азии, скорее всего, отразится на глобальной экономике и международной политике.

Иран, по многим аспектам самое слабое из трех государств, оказался самым успешным. Вторжение американских войск в Ирак и их преждевременный вывод позволили Тегерану укрепить давние связи с основными центрами влияния вдоль иракской границы, что существенно изменило конфессиональный и политический баланс сил в регионе. В Сирии Иран при содействии «Хезболлы», своего давнего союзника, смог остановить наступление повстанцев и поддержать правительство Башара Асада, несмотря на активное противодействие со стороны США. Триумфальное шествие *Realpolitik* в регионе серьезно повысило влияние и авторитет Ирана. В целом «арабская весна» ослабила суннитские режимы, баланс сил продолжает смещаться в пользу Тегерана. Этому способствуют и растущие разногласия между суннитскими правительствами по поводу «Братьев-мусульман», их последователей и ответвлений.

Россия оказалась ревизионистом средней руки – более влиятельным, чем Иран, но слабее Китая, более успешным в геополитике, чем КНР, но не добившимся таких результатов, как Иран. России удалось достаточно эффективно вбить клинья в отношения между Германией и США, но стремление президента Владимира Путина возродить Советский Союз сковано недостаточными экономическими возможностями страны. Чтобы построить реальный евразийский блок, как мечтает Путин, России придется списать долги и оплачивать счета бывших советских республик, а это непозволительная роскошь.

Несмотря на подобную слабость замысла, российский президент тем не менее действовал необычайно успешно, срывая проекты Запада на бывшей советской территории. Ему удалось остановить экспансию НАТО, Грузия лишилась части территории, Армения вошла в сферу влияния России, присоединен Крым. Действия по ситуации на Украине стали неожиданным, неприятным и унижительным ударом для Запада. С западной точки зрения, Путин обрекает свою страну на беспросветное будущее – бедность и маргинализацию. Но Путин не верит, что история закончилась. На его взгляд, он укрепил свою власть внутри страны и напомнил враждебным западным державам, что у русского медведя по-прежнему острые когти.

Державы, которые будут

Ревизионистские державы преследуют различные цели и обладают далеко не одинаковыми возможностями, поэтому обеспечить глобальное, системное противодействие им, как это было во времена СССР, невозможно. Как следствие, американцы очень медленно осознают, что эти государства подорвали евразийский геополитический порядок и затруднили реализацию планов США и Европы по строительству выгодного всем постисторического миропорядка.

Следы ревизионистской деятельности остались повсюду. В Восточной Азии, где расположены самые быстрорастущие экономики мира, агрессивная позиция Китая пока не принесла ощутимых геополитических результатов, но уже кардинально изменила политическую динамику. Политика в Азии сегодня строится вокруг национального соперничества, территориальных претензий, наращивания ВМС и весьма схожих между собой исторических споров. Возрождение национализма в Японии как реакция на действия Китая запустило в регионе процесс, когда националистический подъем в одной стране подпитывает аналогичные настроения в соседних. Китай и Япония используют все более жесткую риторику, наращивают военные расходы, чаще провоцируют двусторонние кризисы и в целом все более явно вводят в практику противостояние с нулевой суммой.

Европейский союз по-прежнему остается в постисторической эпохе, но республики бывшего СССР за пределами Евросоюза живут в совершенно иных реалиях. В последние несколько лет надежды на трансформацию бывшего Советского Союза в постисторический регион померкли. Захват украинской территории Россией – только последний из серии шагов, превративших Восточную Европу в зону острого геополитического конфликта и сделавших невозможным стабильное и эффективное демократическое управление за пределами стран Балтии и Польши.

На Ближнем Востоке ситуация еще острее. Мечты о том, что арабский мир решительно движется к демократии, – а ими руководствовались администрации Буша и Обамы во внешней политике, – не оправдались. Вместо того чтобы строить либеральный порядок в регионе, Соединенные Штаты столкнулись с разваливающейся государственной системой, созданной еще в 1916 г. в результате соглашения Сайкса–Пико, по которому были разделены ближневосточные провинции Османской империи. Система

управления разрушена в Ираке, Ливане и Сирии. Обама предпринимает максимум усилий, чтобы отделить рост влияния Ирана в регионе как геополитическую составляющую от вопроса соблюдения им Договора о нераспространении ядерного оружия. Но из-за того, что Израиль и Саудовская Аравия опасаются региональных амбиций Ирана, делать это все труднее.

Еще одним препятствием на пути заключения соглашений с Ираном является Россия, которая использовала свое место в Совете Безопасности ООН и поддержку Асада, чтобы помешать США добиться целей в Сирии.

Россия считает влияние на Ближнем Востоке важным фактором соперничества с Соединенными Штатами. Это не означает, что Москва на рефлекторном уровне будет противодействовать США, используя каждую возможность, но взаимовыгодные решения, к которым так стремятся американцы, иногда будут заложниками российских геополитических интересов. Решая, как надавить на Россию в связи с украинским кризисом, к примеру, Белый дом не может не просчитывать возможные последствия для ее позиции по войне в Сирии и ядерной программе Ирана. Россия не способна превратиться в гораздо более богатую или более крупную державу, но ей удалось утвердить себя как более важный фактор в американском стратегическом планировании, и теперь у нее в руках рычаги, которые она может использовать, чтобы добиться важных для себя уступок.

Успех ревизионистских держав осложняет положение государств, обеспечивающих статус-кво. Ухудшение ситуации особенно заметно в Европе, где катастрофа с единой валютой разделила общественное мнение и заставила сосредоточить все внимание на проблемах ЕС. По-видимому, Евросоюзу удалось избежать худших последствий кризиса евро, но его готовность и способность предпринимать эффективные действия за пределами европейских границ существенно подорвана.

Соединенные Штаты не испытали того экономического недуга, который пришлось перенести Европе. Но страна столкнулась с тяжелым внешнеполитическим наследием эры бушевских войн — масштабной системой слежки, медленным восстановлением экономики, непопулярным законом о здравоохранении. Общество охвачено пессимизмом. Американцы, придерживающиеся как левых, так и правых взглядов, ставят под сомнение преимущества нынешнего миропорядка и компетентность его архитекторов. К тому же простые обыватели разделяют мнение элиты о том, что в мире

после «холодной войны» Америка должна меньше вкладывать в международную систему и больше от нее получать. Поскольку этого не произошло, люди стали винить своих лидеров. В любом случае общество не жаждет новых масштабных инициатив дома или за границей, а циники с презрением и скукой отворачиваются от поляризованного Вашингтона.

Придя к власти, Обама планировал сократить военные расходы и уменьшить значимость внешнеполитических вопросов, укрепляя при этом либеральный миропорядок. Пройдя чуть больше половины своего президентского пути, он оказался вовлеченным в разного рода геополитические соперничества, которых надеялся избежать. Реваншизм Китая, Ирана и России пока не разрушил миропорядок, сложившийся в Евразии после «холодной войны»; возможно, и не разрушит. Но эти государства превратили бесспорный статус-кво в оспариваемый. Американские президенты больше не обладают свободой действий при продвижении либеральной системы, им приходится укреплять геополитический фундамент.

Сумерки истории

22 года назад Фукуяма опубликовал книгу «Конец истории и последний человек», но возвращение геополитики в современный мир, кажется, окончательно опровергает его тезисы. И все же реальность намного сложнее.

Идея конца истории, напоминал читателям Фукуяма, принадлежит Гегелю. Последний утверждал, что хотя революционное государство восторжествовало над старым режимом, противостояния и конфликты продолжатся. Он предсказывал мятежи на периферии, даже когда коренные земли европейской цивилизации перейдут в постисторическую эпоху. Учитывая, что к периферии Гегель относил Китай, Индию, Японию и Россию, неудивительно, что спустя более 200 лет мятежи не прекратились. Мы живем скорее в период сумерек истории, нежели ее конца.

Если взять за основу гегелевское представление об историческом процессе, сегодня можно было бы сказать, что с начала XIX столетия мало что изменилось. Чтобы обладать влиянием, государства должны предлагать идеи и развивать институты, которые позволяют им использовать титанические силы индустриального и информационного капитализма. Альтернативы нет — общества, которые не способны или не готовы идти по этому пути, превращаются в марионеток истории, а не ее творцов.

Но путь к постмодернити тернист. Чтобы укрепить свою мощь, Китаю, например, придется пройти процесс экономического и политического развития, требующего решения проблем, с которыми сталкивалось и современное западное общество. Однако нельзя быть уверенным, что движение Китая к стабильной либеральной современности будет менее бурным, чем, скажем, Германия. Сумерки истории – беспокойное время.

Вторая часть книги Фукуямы привлекла к себе меньше внимания – возможно, потому, что была не слишком лестной для Запада. Рассуждая о том, каким будет постисторическое общество, Фукуяма пришел к обескураживающему открытию. В мире, где главные проблемы решены и геополитика подчинена экономике, человечество будет очень похоже на склонного к нигилизму «последнего человека», созданного воображением философа Фридриха Ницше. Это самовлюбленный потребитель без особых устремлений, если не считать очередной поездки в торговый центр.

Другими словами, люди будут очень напоминать сегодняшних европейских чиновников или вашингтонских лоббистов. Они достаточно компетентны, чтобы решать свои проблемы в среде постисторических людей, но им трудно понять мотивы и противодействовать стратегии силовых политиков старого образца. В отличие от менее развитых и менее стабильных оппонентов, постисторические люди не готовы чем-то жертвовать, они сосредоточены на ближайшей перспективе, легко отвлекаются и не способны на дерзновенные поступки.

Реалии личной и политической жизни в постисторическом обществе кардинально отличаются от ситуации в таких странах, как Китай, Иран и Россия, где солнце истории еще высоко. Дело не только в личностях и ценностях, которые выходят на передний план, – по-разному работают институты, и сами общества сформированы на иной идеологии.

Общество, где преобладают ницшеанские «последние люди», не понимает и недооценивает своих предположительно примитивных оппонентов в считающихся отсталыми обществах. Это подобно слепому пятну, которое, пусть и временно, но закрывает другие преимущества этих стран. Возможно, история неумолимо течет в направлении либеральной капиталистической демократии, а солнце истории действительно может скрыться за горами. Но даже если тень увеличится и появятся первые звезды, такие фигу-

ры, как Путин, останутся на мировой политической сцене. Они не исчезнут в ночи, а будут бороться до последнего луча света.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2014 г., № 2, март-апрель, с. 67–77.*

Я. Амелина,
политолог (РИСИ)
УГРОЗА ИСЛАМИЗМА

Радикальный исламизм¹ – одна из наиболее серьезных угроз общественному порядку и государственному строю Российской Федерации. Именно он в течение как минимум последних семи лет является главной движущей силой действующих на Северном Кавказе незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ). В 2010 г. НВФ, мотивированные идеями политического ислама, впервые с конца 90-х годов прошлого века вновь проявили себя и в Поволжье (в Татарстане и Башкортостане). Конечной целью радикальных исламистов является построение на территории Северо-Кавказского региона (в идеале – всей России) исламского халифата – государства, основанного на исламистской идеологии в наиболее жесткой ее форме.

Среди основных тенденций, характеризующих исламский радикализм в России в целом и на Северном Кавказе в частности, следует выделить следующие:

– подрыв позиций традиционного ислама путем физического истребления знаковых для мусульманского сообщества фигур

¹ Согласно определению доктора философских наук Александра Игнатенко, исламизм – идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе норм, выведенных из Корана и Сунны). «Иными словами, речь идет о реализации проекта по созданию политических условий для реализации исламских (шариатских) норм общественной жизни во всех сферах человеческой жизнедеятельности». Именно поэтому исламизм именуется еще политическим исламом или политизированным исламом (Игнатенко А. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор: Доклад, прочитанный на семинаре «Исламизм – глобальная угроза?» 22 сентября 2000 г. // Институт социальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.niiss.ru/nb/News/ignatenko.htm> (Дата обращения: 14.09.2012.)

(19 июля 2012 г. – Валиулла хазрат Якупов, 29 августа 2012 г., на сороковины со дня убийства Якупова – Саид афанди Чиркейский), что ведет к дезориентации уммы;

- постепенное оформление «единого исламистского фронта», объединяющего исламистов Северного Кавказа и Поволжья;

- формирование эклектичной исламистской идеологии, а также соответствующих ей оргструктур;

- усиливающаяся ориентация на зарубежное, в первую очередь арабское, исламское сообщество, внешним признаком которого является архаизация радикальной части российской уммы («арабизация», «хиджабизация»);

- активная деятельность федерального исламистского лобби, популяризирующего и пропагандирующего идеи исламистов в общероссийских СМИ и государственных структурах.

Указанные тенденции окончательно сформировались на протяжении последних полутора-двух лет. Есть все основания предполагать, что в ближайшие годы именно эти процессы будут определять дальнейшую эволюцию радикальной части российского исламского сообщества, что неизбежно окажет влияние на сопредельные страны и регионы (определенное влияние на Азербайджан это оказывает уже сейчас). Рассмотрим эти процессы подробнее.

Оформление «единого исламистского фронта»

Исламисты, ведущие вооруженную борьбу против Российского государства на Северном Кавказе, приступили к расширению джихада на Поволжье, и конкретно Республику Татарстан. Эта тенденция окончательно оформилась в последние три-четыре года, совпав с качественными изменениями, наблюдавшимися в татарстанском мусульманском сообществе.

Указы об образовании Поволжского и Уральского фронтов были подписаны «амиром моджахедов Кавказа» Докой Умаровым 9 июля 2006 г. В ноябре 2010 г. в Интернете появился специализированный сайт «Вилаят Идель – Урал» (Волга – Урал, куда входит и Татарстан). «Братьев и сестер в исламе» призывают «сплотиться вокруг Имарата Кавказ и его амира», который «после развала русни» станет «центром нашего государства». Показательно, что этот сайт зарегистрирован в США. В настоящее время «Вилаят Идель – Урал» остается виртуальным проектом, который, однако, постепенно приобретает сторонников.

В последние годы наблюдается сращивание части татарского национального движения (в особенности его молодого поколения) с радикально-исламистским, что в будущем может привести к полному слиянию националистов с фундаменталистами при идейном преобладании последних. Осознавая опасность подобных процессов для татарской нации и мусульман Республики Татарстан, руководство и идеологи татарстанского исламского сообщества в последние два-три года активно противостояли этому явлению, отстаивая «татарскую мечеть» и национальные особенности «татарского ислама», против чего резко выступают исламисты. Однако убийство Валиуллы хазрата Якупова практически перечеркнуло эти планы.

Постепенное реформатирование татарского национального движения, вытеснение исламистской национальной составляющей, нарастание конфликта между «бабаями» (старшим поколением) и салафитизированной молодежью происходят параллельно с усилением джихад-агитации на интернет-форумах и в социальных сетях, рассчитанной на молодое поколение. За последние два года общий тон высказываний на исламистских (в первую очередь, кавказских) форумах и размещаемых на них материалов существенно изменился в сторону усиления пропаганды джихада в Поволжье и учащения призывов к скорейшему его началу. Грамотно используя методы информационной войны, кавказские джихадисты пытаются «разогреть» ситуацию в Татарстане, вбрасывая в информационное пространство все новые материалы о необходимости перехода к вооруженному сопротивлению законной власти. В 2012 г. стало очевидно, что в Татарстане (по примеру Северного Кавказа) появились группы сторонников «джихада до победного конца». В этом смысле обстановка в Татарстане очень похожа на положение в Северной Осетии. Не вызывает сомнений, что попытки одновременного «разогрева» ситуации в этих республиках синхронизированы неслучайно и являются частью общего плана по дестабилизации обстановки в стране и «замыканию» исламистской дуги через Северный Кавказ на Поволжье.

Формирование эклектичной исламистской идеологии

При этом грань между приверженцами различных исламистских течений становится все более размытой. Эклектичная идеология включает идеологические элементы как радикальных, настроен-

ных на силовое противостояние государственным структурам, так и относительно «мирных» исламистских течений, ранее находившихся в конфронтации между собой. Так, у членов радикальных исламистских НВФ, нейтрализованных в Татарстане в 2010–2012 гг., была обнаружена как салафитская, так и «хизбовская» литература. Именно активисты запрещенной в РФ исламистской партии «Хизб ут-Тахрир» выступили в авангарде кампании против так называемого нарушения прав мусульман в Татарстане, развязанной радикалами после начала следственных действий по делу об убийстве Валиуллы хазрата Якупова.

Северокавказские исламисты все больше ориентируются на мировое, прежде всего арабское, исламское сообщество. Так, 3,3% ингушских мужчин и 2,3% женщин назвали арабов среди желательных для брака национальностей (они заняли 5-е и 4-е места соответственно). Этот факт отражает не реальную брачную перспективу, а постепенную фундаментализацию ингушской молодежи. То же фиксируется и в ответах на вопрос о родном языке: арабский назвали таковым 1,1% ингушских женщин (среди мужчин подобный ответ не зафиксирован), тогда как в действительности родным для них является ингушский: опрошенные женщины не только не знали арабского, но и не были знакомы ни с одним арабом.

К аналогичным выводам приходят и в Чечне, однако социологические данные по этой республике на данный период отсутствуют. Тенденция к так называемой арабизации культуры заметна сейчас на всем Северном Кавказе. Зримым проявлением этого феномена является постепенная экспансия типично арабского варианта хиджаба, приобретающего (в некоторых случаях – насильственным путем) все большую популярность среди женского мусульманского населения северокавказских и поволжских республик.

Влияние «арабской весны» и активная деятельность федерального исламистского лобби

Определенное влияние на развитие российского мусульманского сообщества оказывают и последствия «арабской весны». По мнению активистов федерального исламистского лобби, России необходимо изменить свое отношение к происходящему в арабском мире, сосредоточившись на «налаживании отношений» с умеренно исламистской организацией «Братья-мусульмане»

(«Аль-Ихван аль-Муслимун»), представители которой (ихваны) уже пришли к власти в Египте, Тунисе и Марокко, а также непосредственно с идеологом этой организации Юсуфом аль-Кардави. Согласно идеям лоббистов, российское исламское сообщество якобы ориентируется на общеисламский тренд, и если Россия не изменит своей политики на Ближнем Востоке, то фактически получит внутри себя «пятую колонну». Одновременно Москву настоятельно призывают отказаться от поддержки шиитского Ирана, не вписывающегося в планы создания арабского (иногда упоминают и Турцию) суннитского халифата.

Отметим, что решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. организация «Братья-мусульмане» признана террористической, а ее деятельность на территории РФ запрещена. Целью ихванов является «устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания “Великого исламского халифата” первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ». Позицию «Братьев-мусульман» по отношению к России также нельзя назвать дружественной или хотя бы нейтральной. 12 октября 2012 г. идеолог «Братьев-мусульман» и проекта «умеренного ислама» «Аль-Васатыйя» шейх Юсуф аль-Кардави в эфире катарского телевидения заявил, что «Москва стала врагом номер один для ислама и мусульман, потому что она выступает против сирийского народа. Арабы и исламский мир должны выступить против России. Мы должны объявить России бойкот. Мы должны рассматривать Россию как нашего врага номер один... Иран – это тоже наш враг. Он враг арабов, он воюет с сирийским народом. Иранцы и русские убивают нас, арабов... Поэтому нашими врагами являются русские и иранцы».

Реализуемый в России на протяжении последних двух лет (особенно активно – в текущем году) кувейтский проект «Аль-Васатыйя» (срединность, умеренность) является вторым важным направлением, на которое исламистское лобби пытается переориентировать российскую умму.

25–27 мая 2012 г. (первые два дня в Москве, последний в Грозном) в России прошла Международная богословская конференция «Исламская доктрина против радикализма». Ее итогом стало принятие Московской богословской декларации мусульманских ученых по вопросам джихада, применения норм шариата и халифата, объединившей содержание нескольких фетв (частных богословских заключений). Организаторами конференции выступили

Международный центр «Аль-Васатыйя» (Кувейт), научно-просветительский центр «Аль-Васатыйя-Умеренность» (Россия), являющийся филиалом кувейтского, и Международный союз исламских ученых (председатель – Юсуф аль-Кардави) при финансовой поддержке Фонда поддержки исламской науки, культуры и образования и Фонда им. Ахмата Кадырова. В конференции участвовали несколько сотен «исламских ученых международного уровня», исламоведов и экспертов из 23 стран мусульманского мира, в том числе ближайшие соратники аль-Кардави.

В резолютивной части декларации констатируется, что «не являются джихадом и не имеют к нему никакого отношения убийства, покушения, взрывы, совершаемые фанатиками на Кавказе и в других регионах под лозунгами джихада, борьбы с вероотступниками, под которыми они понимают всех, кто лояльно относится к немусульманам». Несмотря на, казалось бы, верные положения декларации, она не удержала радикалов от убийств Якупова и Чиркейского. В ней приводятся многочисленные цитаты основателя идеологии салафизма Ибн Таймийи, т.е. в документе, призывающем к отказу от религиозного радикализма, обильно использованы слова проповедника, заложившего основы этого учения. Очевидно, что реализация проекта «Аль-Васатыйя» в его нынешнем виде означает дальнейшее усиление чуждого иностранного влияния на российских мусульман.

Все перечисленные тенденции свидетельствуют о серьезности намерений фундаменталистов. Ясно также, что после того, как новые арабские режимы окончательно сформируют структуры власти, они обратят пристальное внимание на российский Северный Кавказ и Поволжье с целью распространения там исламистских идей. Обострение борьбы традиционного ислама с исламистами, подкрепленное финансовыми вливаниями с Арабского Востока, представляется практически неизбежным. Информационная подготовка к реализации подобного сценария ведется уже сегодня.

Важнейшими направлениями развития российской уммы должны оставаться укрепление позиций традиционного ислама и ориентация российских мусульман на внутренние, а не на внешние исламские авторитеты. Кроме того, необходимы ликвидация федерального исламистского лобби и недопущение пропаганды абсурдных идей о «налаживании отношений» с ихванами и лично шейхом аль-Кардави.

«Москва», М., 2014 г., № 1, с. 174–178.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Р. Патеев,

кандидат политических наук

(Южный федеральный университет)

РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В СОВРЕМЕННОМ АДЫГСКОМ ДВИЖЕНИИ

Актуальность данного исследования обусловлена широко дискуссионными вопросами о роли ислама и других сопутствующих религии факторов в адыгском национальном движении. На сегодняшний день, несмотря на некоторые совпадения, у исследователей есть разные точки зрения по данному вопросу. Не менее спорными являются и мнения адыгских национальных активистов, которые также по-разному смотрят на роль ислама в общественном сознании своего народа. Попытаемся раскрыть особенности проявления «исламского фактора» в адыгском национальном движении, проанализировать позиции активистов, ученых и представителей зарубежной диаспоры.

Теоретическими предпосылками в анализе роли исламского фактора в адыгском¹ национальном движении, по нашему мнению, может стать теория социального конструирования, предложенная западными социологами П. Бергером и Т. Лукманом [1]. В данном контексте создание этнических концептов с использованием религиозного (исламского) элемента является целенаправленным конструированием определенной воображаемой реальности среди этнических групп. Она представлена в виде конструкта, предполагающего определенные формы солидаризации. Этнические и рели-

¹ Следует отметить, что в данном случае под понятием «адыгский» автор подразумевает всю совокупность данных этнических групп. Речь идет об адыгцах, кабардинцах, черкесах и т.д. При этом сама дискуссия о соотношении данных понятий, вопросах идентичности и конкретных этнонимов-самоназваний остается за рамками рассуждения.

гиозные традиции выступают основой в процессе формирования и институционализации подобных социальных феноменов в виде идейных конструкторов [3]. В данном контексте можно выделить два проекта, которые существуют, скорее, виртуально – «Имарат Кавказ» и «Великая Черкесия».

Интересными также представляются идеи о социальной аномии, изначально разработанные Эмилем Дюргеймом, а потом развиваемые Робертом Мертоном. Социальная аномия – феномен отказа от устойчиво действующих общественных норм, по мнению Дюргейма, проявляется в результате распада системы ценностей, которая может проявляться в различных формах девиаций [3]. Мертон, в свою очередь, указывал, что элементы социальной системы, неспособные отвечать на ее запросы в процессе саморегуляции, выполняют роль дисфункций (расстройства системы). Однако если данным элементам не удастся перестроить систему или выполнять функции ее саморегуляции, они неизбежно погружаются в социальную аномию [4]. В нашем случае данные идеи получают новое звучание. С одной стороны, после распада СССР все постсоветские этногруппы оказались в определенной степени погружены в состояние социальной аномии. Распад идеологической системы, которая за годы СССР была воспринята, в том числе, этнонациональными элитами на местах, породил целую волну «этнических» концепций с теми или иными элементами религиозного содержания.

Опустевшую идеологическую нишу стали заполнять достаточно радикальные концепции. Значительная часть предложенных концепций так и не смогла найти реализацию в повседневности в силу неспособности выполнять свои функции в сложившейся структуре постсоветских этнонациональных сообществах. В конечном итоге это привело к адаптации отдельных боевиков, совершивших атаку на город, их численность составляла не менее 250 человек. В результате нападения погибли 35 сотрудников силовых структур и 15 гражданских лиц, 129 силовиков и 66 гражданских лиц были ранены. В результате боев в городе были убиты 95 боевиков [9]. Среди лидеров экстремистского джамаата КБР были кабардинцы Анзор Астемиров (обучался в Саудовской Аравии) и Муса Мукожев (обучался в Иордании).

А. Астемиров после нападения на здания силовых структур в Нальчике дал интервью представителям турецкой организации «Кавказский Фонд», которая поддерживает тесные связи, в том числе с сепаратистскими движениями Северного Кавказа, и в ос-

новном состоит из представителей кавказских общин в Турции. По словам А. Астемирова, вернувшись в КБР из Саудовской Аравии, он со своими соратниками создал «гражданское объединение», «джамеат», основной целью которого было воспитание и обучение молодежи. Во всем случившемся он упрекает официальное духовенство, которому не понравилась активность молодых мусульман. А. Астемиров обвинил их в алчности, утверждая, что они берут деньги за совершение похоронных обрядов и бракосочетаний, т.е. «с живых, мертвых и вообще со всего». Не признавая вину в организации кровавых событий, утверждая, что они были спровоцированы и носили спонтанный характер, А. Астемиров заявил: «Мы не подчинились тем, кто превратил религию в доходный сектор, и были атакованы силами безопасности» [10]. В продолжение своего интервью он подтвердил свою связь с Шамилем Басаевым и указал, что ему было известно о планировавшемся нападении, но с чеченским подпольем сам А. Астемиров лишь координировал свои действия [11].

При этом адыгские активисты в России часто сами открыто дистанцировались не только от использования исламского фактора в своих интересах, но и фактически от признания роли религии в произошедших событиях. В частности, в конце 2005 г. Черкесский конгресс направил обращение к президенту России В. Путину, указывая, что «адыгский этнос выступал одним из стабилизирующих факторов на Северном Кавказе», однако «из-за невнятной политики федерального центра» часть адыгской молодежи «может пересмотреть свое отношение к политике России». При этом показателем подобного процесса могут служить именно события, связанные с нападением на Нальчик в октябре 2005 г., однако «придание религиозного оттенка произошедшему неверно». По мнению адыгских активистов Черкесского конгресса, «это был акт отчаяния и протеста молодежи в условиях безысходности и невозможности как экономической, так и политической самореализации» [7, с. 22]. Очевидно, что подобная позиция связана с основным вектором общественно-политических претензий адыгских активистов. Они не только подчеркивали свою светскую направленность, но и явным образом пытались демонстрировать отказ от использования исламского фактора в своих целях.

Следует отметить, что ситуация в исламистском движении КБР в целом никогда не увязывалась с адыгским национальным движением и самими исламистами. В структуре виртуального «Имарата Кавказ», который был провозглашен Доку Умаровым в

2007 г., адыгскому пространству не отводится отдельного места. В частности, формально существовал «Объединенный валият Кабарды, Балкарии и Карачая», который до некоторых пор возглавлял А. Астемиров, уничтоженный в 2010 г. При этом адыгская народность – кабардинцы – формально получала ведущий статус, поскольку в названии употреблялась первой. Тюркские этносы, несмотря на определенную «вторичность», получали представительство сразу двух «титულных» народов – балкарцев и карачаевцев. Причем отдельные виртуальные «административные образования», якобы действовавшие на территории Ставропольского края, получили даже менее многочисленные народы: ингуши («Валият Галгай чо») и даже ногайцы («Валият Ногайская степь»).

Очевидно, что руководители виртуального «Имарата» понимали, что открытое использование адыгского фактора столкнется с объективными проблемами. Во-первых, сам проект изначально был исламистским, опиравшимся на религиозный иредентизм¹. Это исключало прямое использования этнонационального фактора, даже несмотря на то что сама структура «Имарата» опиралась на этническую основу народов Северного Кавказа. Во-вторых, прямое использование идеологом, ретрансляторов и их носителей в сложившихся социально-политических реалиях. В частности, их кооптация в сложившуюся постсоветскую политическую систему, в первую очередь, на местном уровне. Однако в отдельных случаях это приводило к радикализации части подобных этнических, либо религиозных концепций, а также маргинализации их носителей.

Необходимо подчеркнуть, что исламский фактор в адыгском национальном движении, скорее, вспомогательный, вторичный элемент, уступающий этническому контексту конструирования, а иногда – и открыто конкурирующий, либо даже отчасти противоречащий ему. В отношении роли исламского фактора в адыгском движении не существует единого мнения, как и глубоких концептуальных исследований.

С одной стороны, принято считать, что адыгские народы Северного Кавказа являются наименее исламизированными. Ислам распространяется среди адыгских народов в XV–XVII вв. При этом уровень религиозности народов Северо-Западного Кавказа значительно отставал от Восточной части. На Западном Кавказе основной этап исламизации был проведен турецкими султанами и крымскими ханами. Это предопределило распространение хана-

¹ Иредентизм – стремление объединить народы по религиозному признаку.

фитской философско-правовой школы суннитского ислама – наиболее пластичного и либерального направления. Религиозное рвение этого направления вполне удовлетворялось исполнением религиозных обрядов, а на все повседневные вопросы отвечал традиционный адат. Поэтому «многие требования кабардинского адыгэ хабзэ и балкарского адет (адаты) оказались интегрированными в состав шариатских предписаний» [5]. На Северо-Западном Кавказе число мусульманских культовых учреждений было значительно ниже, чем на Востоке Кавказа. В советский период ислам сохранял существование лишь в виде отдельных обычаев. Постоянно действующих культовых учреждений не было [6].

К. Казенин, касаясь роли исламского фактора в «балкарском вопросе» и постсоветского религиозного возрождения, указывает, что низкая роль ислама в КБР была связана с отсутствием укорененной традиции «местного ислама». При этом автор лишь частично подчеркивает более высокую роль исламского фактора в балкарской – тюркской среде, что связано лишь с отдельными событиями. Сравнивая ситуацию с Северо-Восточным Кавказом, исследователь указывает на религиозную практику, которую смогли сохранить шейхи в Чечне, Ингушетии и Дагестане в советское время. В связи с отсутствием подобной суфийской традиции религиозное возрождение в КБР началось с «чистого листа» [7, с. 110]. При этом, рассматривая ситуацию в Карачаево-Черкесии, этот же автор подчеркивает, что исламский фактор, «который у черкесов несколько уравновешен сложной религиозной историей этого народа», в большей степени ощущается у карачаевцев (тюрок. – *Р.П.*) в связи с ролью сельского «джамаата» в карачаевских аулах [7, с. 119].

Подобного рода точка зрения о более «скромной» роли религии у адыгов подтверждается современными социологическими опросами. В частности, по опубликованным данным, о «большой» роли религии в жизни народов Северного Кавказа в среднем заявили 62% опрошенных. При этом наиболее высокие показатели зафиксированы на Северо-Восточном Кавказе: Чечня (81%), Ингушетия (68%), Дагестан (66%). Более скромные показатели, соответственно, были зафиксированы в КБР (42%) и КЧР (52%) [8]. При этом следует учитывать, что представленный опрос отражает позицию не только опрошенных адыгских респондентов, но и позицию других этнических групп. В частности, тюркских народов КБР и КЧР – балкарцев и карачаевцев, – которые, по мнению некоторых авторов, сохраняют большую религиозность.

Тем не менее в начале 90-х годов прошлого столетия – после религиозного возрождения – роль ислама в адыгском сообществе возрастает. Многие адыги, черкесы и кабардинцы стали практикующими мусульманами. Были восстановлены мечети, открыты медресе. Некоторые представители адыгской молодежи получили возможность выехать на религиозное обучение в мусульманские страны. Иногда процессы религиозного возрождения приобретали радикальный характер. Наиболее драматичной оказалась ситуация в Кабардино-Балкарской Республике. Сложности во взаимоотношениях между официальным муфтием и молодыми мусульманами, часть из которых активно радикализировалась, привели к драматичным событиям конца 2005 г. В итоге 13 октября 2005 г. произошло вооруженное нападение на столицу Кабардино-Балкарии город Нальчик. Численность этнического фактора провоцировала бы сложности межэтнического характера, обостряя фактор соперничества, в первую очередь между адыгскими и тюркскими народностями. Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что в радикальном исламистском проекте «Имарат Кавказ» использование адыгского фактора изначально имело свои непреодолимые сложности.

Впрочем, не менее проблематичными представляются и попытки муссирования вопросов укрепления «адыгского субъекта» в составе Российской Федерации. Здесь усматривается не только проблема отсутствия соответствующего демографического потенциала, но и проблема межэтнической конфликтогенности с другими «неадыгскими» этническими группами и отсутствием у данной идеи реальной общественной поддержки. Так, известный исследователь О. Цветков по этому поводу указывает: «Идея укрупненного адыгского субъекта РФ несет в себе риски, поскольку масштабная перекройка административных границ неизбежно сопровождалась бы протестами этнических активистов из неадыгских этнических групп, проживающих в пределах гипотетической Черкесии. Идея Большой Черкесии имеет мало шансов на практическую реализацию в силу сложности ее осуществления, а также в силу того, что в реальности она не находит массовой поддержки» [12].

Следует отметить, что значение ислама и исламского фактора было и остается более значимым в кругах адыгской диаспоры за рубежом. В частности, в среде мухаджиров Турции исламский фактор имеет более важное значение, чем для адыгских народов, проживающих в России. Предки адыгских народов, проживающих за рубежом, всегда были более последовательными мусульманами

и подчеркивали свою традиционную приверженность к исламу. Очевидно, что новая волна процессов исламизации адыгской среды динамично продолжалась и в период мухаджирства XIX в.

По мнению некоторых авторов, именно связи с зарубежной диаспорой способствовали росту интереса к исламу у российских адыгов в постсоветский период: «Тесные контакты с зарубежной адыгской диаспорой начались со второй половины 80-х годов, и это также способствовало росту интереса к исламу у адыгов, проживающих в России» [13]. Поэтому происходящие процессы вокруг ислама на Северном Кавказе активно обсуждались в кавказских кругах адыгских мухаджиров и находили свое отражение в информационном пространстве, являясь фактором реконструкции этнического сознания.

Изначально в интернет-пространстве – на сайтах кавказской диаспоры Турции – основное внимание уделялось событиям в Чечне, Дагестане и т.д. После радикализации исламистского движения в КБР исламской тематике в адыгской среде также стало уделяться внимание. Однако следует подчеркнуть, что исламский фактор никогда не увязывался с адыгским этнонациональным движением. Уже вышеупомянутое интервью А. Астемирова – лидера исламистского подполья КБР, было опубликовано на многих сайтах кавказских сообществ Турции: «Кавказский фонд», «Агентство Нарт», «Кавказский дом» и т.д. Примечательно, что одним из авторов этого интервью был обозначен Хаджи Байрам Болат (Hacı Bayram Bolat). Этот человек, будучи этническим адыгом и представителем кавказской диаспоры Турции, некоторое время проживал в КБР. Однако был дважды депортирован из республики в течение 2002–2003 гг. [14].

По нашему мнению, с начала 90-х годов черкесский вопрос в Турции, непосредственно связанный с адыгскими этническими группами, продолжал оставаться на «втором плане». Следует напомнить, что к самим черкесам в Турции относили не только представителей адыгских этносов, а всех потомков выходцев с Кавказа. Ситуация изменилась в 2007 г. после принятия решения Международным олимпийским комитетом о проведении зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. После данного решения реконструкция информационного пространства в отношении черкесского вопроса в Турции начинает происходить в контексте проблем именно адыгских этнических групп. Вопросы, связанные с адыго-черкесской проблематикой в самой Турции, выходят на первое место в «общекавказских» дискуссиях. Однако и здесь исламский

фактор по-прежнему не стоял на первом месте. По крайней мере, речь не идет о слиянии адыгского национального движения и радикального исламистского проекта. Даже наоборот, иногда звучали достаточно противоположные точки зрения.

Интересным в данном контексте звучит мнение Сезаи Бабакуша (Sezai Babakuş), представителя черкесской диаспоры в Турции. Свою позицию он озвучил в статье «Традиция, религия, демократия и мы...». Вспомнив о событиях в Нальчике в октябре 2005 г., он отмечает, что радикализация молодежи действительно имеет место. Приведя несколько исторических параллелей, он указал на современный рост влияния ислама как на Кавказе, так и во всем мире. Не отрицая того, что ислам это часть традиционного наследия адыгских народов, сам автор больше склоняется к мнению, что радикализация вызвана целым набором социально-политических проблем [15]. Не согласившись с идеей президента А. Канокова о создании гражданских комитетов обороны в КБР, автор указывает на неэффективность попыток противопоставить идеи религии и традиции. В частности, Сезаи Бабакуш, ссылаясь на идеи применения традиционного родового права ответственности, считает, что это только усложнит ситуацию. В заключении он отмечает, что «в современных обществах государственным языком является демократия и право» [16]. Таким образом, автор в большей степени настаивает на идеях либерального характера, которые выносят религию за пределы значимой социально-политической роли в адыгском сообществе.

Можно выделить и другие примеры реконструкции религиозного элемента в адыго-черкесском сознании. Таким примером может являться сайт «Adigeyaislam.com», видимо, имеющий турецкие корни, о чем свидетельствует наличие контента не только на русском, но и на турецком и английском языках. Примечательно, что сайт был открыт в 2005 г., но прошел реконструкцию и начал вещание в новом формате в 2008 г. [17], т.е. после принятия решения о проведении Олимпиады в Сочи.

В целом сайт имеет традиционное содержание, и основной контент по религиозной проблематике представлен материалами известных русскоязычных исламских сайтов (www.islamnews.ru; www.islam.com.ua и т.д.). Но многие материалы в новостной ленте посвящены адыгской проблематике: «Обращение черкесских неправительственных организаций Российской Федерации»; «Абхазия — страна мусульманской души»; «Адыги — представили проблемы сирийских соотечественников в Представительстве

ООН по делам беженцев»; «Заявление черкесских общественных организаций Республики Адыгея» и т.д. Также представлены видеоролики на религиозные темы адыгского проповедника, косовского репатрианта Рамадана Цея. Известно о конфликте муфтията Адыгеи с данным репатриантом, который не признавал местных представителей Духовного управления мусульман и якобы называл их «скрытыми врагами ислама». Окончивший факультет религии Амманского университета в Иордании, Рамадан Цей, видимо, в том числе под давлением местного муфтията, 13 мая 2004 г. был депортирован из Адыгеи [18]. Сам Рамадан Цей сейчас проживает в Турции. Следует отметить, что его проповеди, видимо, как и сам сайт «Adigeyaislam.com», большой популярностью не пользуются¹.

Несмотря на попытки новой реконструкции религиозного компонента в адыгском сознании, традиционный этнический аспект продолжает превалировать. Черкесская активистка Алина Кабардокова пыталась проанализировать соотношение традиционного и религиозного компонента в адыгском обществе в статье «Черкесы: кто мы и куда идем?». Вот лишь некоторые тезисы: «Нужно не забывать, что Адыгэ Хабзэ – это этико-правовая система... Это как шариат у приверженцев мусульманской веры – источником его легитимизации является ислам». Далее она утверждает: «Христианство и ислам – это два крыла одной птицы – универсальные авраамические доктрины». В заключении она отмечает: «Многие из живущих сейчас черкесов считают, что на сегодняшний день в теме “Адыгэ Хабзэ и Ислам” не может быть компромисса. Нельзя сделать кентавра, трудно совместить обе системы, если ни одна из них не нуждается в другой» [20].

Мнения российских экспертных кругов в отношении исламского фактора и адыгского национального движения в основном едины в оценках. А. Ярлыкапов в докладе «Роль и место ислама в современном черкесском движении в России (на примере “Черкесского конгресса”)» отмечает, что «активисты “Черкесского конгресса” в основном считают невозможным какое-либо взаимодействие национального движения с исламом, а другие рассматривали ислам как неотъемлемую часть культуры. К экстремистским проектам создания исламского государства обе группы активистов относились отрицательно» [21].

¹ В частности, по данным сервиса «YouTube», ролик, размещенный 3 декабря 2013 г., к 5 марта 2014 г. набрал всего 67 просмотров [19].

Такие авторы, как Александр Скаков и Николай Силаев, в отношении исламского фактора выразили другую позицию: «Этническая консолидация черкесских народов в границах отдельных административно-территориальных образований наряду с широким развитием радикального исламского движения может стать фактором мощной дестабилизации (“войны всех против всех”) в случае дальнейшего разложения нынешнего политического порядка на Северном Кавказе» [22].

Таким образом, несмотря на отсутствие системного взаимодействия между адыгскими национальными движениями и исламистским радикальным проектом, ислам продолжает оставаться элементом конструирования этнического самосознания. При этом в самой адыгской среде подобная реконструкция этнического самосознания воспринимается по-разному – от частичного принятия до некоторой степени отторжения. В большинстве случаев конструкты этнического сознания, где ислам играет значимую роль, присущи представителям адыгской диаспоры зарубежья.

Исторически адыгские группы мусульман оставались наименее религиозными на Северном Кавказе. Такая ситуация сохраняется и на сегодняшний день. Более значимой в среде адыгского мухаджирства была роль ислама. Кроме того, отчасти именно диаспора и ее связь с мухаджирством повлияли на новые процессы реисламизации постсоветского периода.

События, связанные с проявлениями радикального ислама на Северном Кавказе, воспроизводились в адыгской зарубежной диаспоре в контексте общей ситуации в данном регионе. Само исламистское движение – в лице отдельных представителей адыгских народов – никогда не связывало свою деятельность с национальным движением. При этом неприятие радикальных исламистских проектов проявляется как в диаспоре, так и в среде российских адыгов. Такие проекты, будучи нереалистичными, с очевидностью воспринимаются большинством адыгов как неосуществимые (т.е. дисфункциональные), а сами исламистские радикалы – как маргинальные группы.

Однако отдельные попытки реализовать исламо-адыгский проект проявляются на практике через реконструкцию этнорелигиозного самосознания. В том числе не столько через радикальный ислам, сколько через умеренно исламистские конструкции. Однако большой популярностью эти идеи также не пользуются.

Лишь некоторые эксперты рассматривают консолидацию адыгских народов и реализацию исламистского проекта как от-

дельные факторы возможной общей дестабилизации Северо-Кавказского региона в случае дальнейшего обострения политической ситуации.

Литература

1. См. подробнее: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 324 с.
2. См.: Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – 150 с. – С. 102.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд: Пер. с фр. с сокр. / Под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 400 с.
4. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
5. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – С. 150.
6. Кратов Е.В. Ислам в Северо-Кавказском крае (1924–1934 гг.) // Гуманитарная мысль Юга России. – 2005. – № 1. – С. 111–112.
7. Казенин К. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М.: Изд-во «REGNUM», 2009. – С. 110.
8. Ислам на Северном Кавказе: История и современность / Под ред. И. Текушева, К. Шевченко. – Прага: Изд-во «Medium Orient», 2011. – С. 11–12.
9. Нападение на Нальчик 13–14 октября 2005 г. // Кавказский Узел [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/219748/>
10. Erol Karayel, Hacı Bayram Bolat. Camagat'in En Öndeki İsmi Anlatıyor -1- // Kafkas Evi [Электронный ресурс]. <http://www.kafkasevi.com/index.php/article/detail/95>
11. Erol Karayel, Hacı Bayram Bolat. Camagat'in En Öndeki İsmi Anlatıyor – 2 // Kafkas Evi [Электронный ресурс]. <http://www.kafkasevi.com/index.php/article/detail/96>
12. Цветков О.М. «Черкесский вопрос»: Этноидеологические вызовы гражданскому единству // Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак. Сборник научных статей. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2011. – С. 91.
13. Ханаху Р.А., Ляушева С.А., Цветков О.М., Мусхаджиев С.Х. Ислам у адыгов Северо-Западного Кавказа. – Майкоп, 2001. – 48 с. – С. 15.
14. Хаджи Байрам Болат вторично депортирован в Турцию // Regnum. Информационное агентство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/314522.html>
15. Дегтярев А.К., Черноус В.В. Исламизм: Социологический дискурс // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 2. – С. 33–39.
16. Sezai Babakuş. Gelenek, din, demokrasi ve biz... // Kafkas Federasyonu [Электронный ресурс]. URL: http://www.kafkasfederasyonu.org/dokuman/kose_yazi_s_babakus10.htm
17. Обновился наш сайт «Адыгея ислам» // Adigeya İslam [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adigeyaislam.com/ru/files/index.php?page=newsdetail&newsID=38>

18. Муфтий Нурбий Емиж. Адыги-репатрианты не должны быть служителями религии в Адыгее и занимать посты имамов // СОВА. Информационно-аналитический центр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/news/intraconfessional/muslim/2007/04/d10646/>
19. Youtube. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=QOMggjIGqYE/>
20. Кабардокова А. Черкесы: Кто мы и куда идем? // Адыгэ Хэкум и макъ. Голос Черкесии [Электронный ресурс]. URL: <http://hekupsa.com/cherkesiya/obzor/950-cherkesy-kto-my-i-kuda-idem>
21. В России ученые-кавказоведы создают рабочую группу по «черкесскому вопросу» // Кавказский Узел. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/182895/?print=true>
22. «Черкесский фактор» в современной политической ситуации в Кавказском регионе // Московский центр Карнеги Black Sea Peacebuilding Network. Российская экспертная группа доклад № 2010. № 1. С. 3.

*«Научная мысль Кавказа»,
Ростов н/Д., 2014 г., № 1, с. 93–99.*

Г. Юсупова,

доктор философских наук, профессор,
(РЦЭИ ДНЦ РАН, г. Махачкала)

СУФИЗМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Социокультурные трансформации последних десятилетий оказали существенное влияние на духовную культуру народов Дагестана. Сегодня, несмотря на свое многообразие, культура Дагестана развивается как единая социокультурная целостность. Культурные особенности прошлого и историческое наследие советского периода создают социокультурную матрицу общества, делающую его неповторимым. В настоящее время можно выделить четыре культурные традиции, оказавшие влияние на современную культуру дагестанцев: русская культура; восточная культура, тесно переплетающаяся с исламскими традициями; западная массовая культура; информационная культура, имеющая свои специфические особенности.

В культурной традиции ислама, по нашему мнению, перво-степенная роль принадлежит суфизму. Поражение неоваххабизма в Дагестане привело к еще более активному распространению традиционной суфийской идеологии, имеющей здесь глубокие исторические корни.

«История суфизма – мистико-аскетического течения ислама в Дагестане насчитывает более тысячи лет. Впервые на территории Российской Федерации суфизм начал свое распространение именно с территории Дагестана. Суфизм проник в Дагестан еще в раннем Средневековье» [1]. По степени идеологического влияния на психологию, быт, культуру и образование дагестанских народов суфизму нет равных в более чем пестром и широком спектре религиозных традиций в Дагестане. Невозможно представить исламскую культуру без суфизма, уходящего своими корнями в глубокую древность.

«Исламский мистицизм на самой ранней стадии представлял собой движение, в которое входили отдельные личности, мистики-одиночки, т.е. это было выражение личной веры индивида. Первые объединения аскетов и кающихся грешников создались, по словам Массиньона, в Куфе в VII–VIII вв. и Басре в VII в. Багдад стал центром этого движения во второй половине IX в.» [1, с. 130].

По мнению швейцарского востоковеда А. Меца, первые суфийские общины появились в Египте в начале IX в. [2, с. 269].

Исламский мистицизм развивался параллельно с основным мусульманским учением. «Суфизм возник в конце VIII в. н.э. как мистико-аскетическое течение в “народном исламе” и окончательно сформировался в X–XI вв.» [3, с. 155].

Вот что пишет по поводу происхождения суфизма Хазрат Инайят Хан: «У суфизма нет и никогда не было начала, и он никогда не возникал как историческое явление, он существовал всегда. Потому что свет всегда был внутренней сущностью человека. В высших своих проявлениях этот свет может быть назван знанием Бога, божественной мудростью – суфизмом. Суфизм был практикуем всегда, а его провозвестниками были люди сердца; поэтому он принадлежит мастерам-основателям так же, как и всем остальным» [4, с. 9].

Приведем точку зрения Карла В. Эрнста: «Ислам считают имеющим искомые свойства жесткого следования закону, тогда как суфизм рассматривают проявляющим безразличие к вопросам религиозного права; отсюда всего один шаг, чтобы положить внешний источник суфизма в Индии или еще где-то. Все большее при исследовании религий обращение в сторону социологии и идеологии как раз приводит к нынешнему пониманию суфизма как своего рода мистической философии, распространенной в мусульманских странах, куда можно запрягать обитающих на окраине общества некоторых его представителей-маргиналов (дервишей и

факиров), а заодно и политически значимые массовые движения» [5, с. 42].

В суфийских текстах, как мы видим, слово «суфии» имеет другое значение. Оно берет начало от арабского слова «шерсть», которую использовали в грубой одежде, которую носили аскеты Ближнего Востока. Некоторые суфийские авторы полагают, что большинство пророков носили именно шерстяные одежды. Простой образ жизни Пророка Мухаммада и его сподвижников рассматривался как важный аспект аскетического существования. Бируни связывал слово «суфий» с греческим словом «софия» – мудрость.

Суллами, живший в Восточном Иране, заложил основы исторического толкования суфиев как наследников и последователей пророков, создав образ мусульманской духовности и мистицизма. Главный смысл данного термина, как мы полагаем, отражает цели нравственного и духовного совершенствования.

Одна из традиций связывает происхождение слова «суфизм» с названием горы Джафа. Суфии с горы Джафа первыми откликнулись на призыв Мухаммада и поддержали его. Он открыл путь суфиям в Аравию, где у них появились многочисленные последователи, в том числе Садик и Али.

Оттуда суфизм проник в Персию. Следует отметить, где бы суфии ни высказывали своих свободных взглядов, они неизменно страдали от нападков господствующей религии. Своеобразной отдушиной для них стало искусство. К примеру, мудрость суфизма передана миру великими суфийскими поэтами Хафизом, Руми, Саади, Омаром Хаййомом, Низами, Джами и др. Именно благодаря им суфийская традиция распространилась в пространстве и во времени, создав уникальное соцветие культурно-исторического и психолого-мистического характера.

Уникальным элементом социокультурной традиции суфизма является суфийское искусство, не оцененное, по нашему мнению, по достоинству и значимости до конца. Искусство суфизма достигло совершенства в Индии. Оно вобрало в себя традиции индийского культурного мистицизма. Мистицизм был для индусов наукой и главной целью в жизни. Так было во времена Махадэвы и позднее Кришны. Попав в эту благодатную почву, зерно суфизма дало чудесный цвет. Важной частью жизни и духовной практики суфизма была музыка. Поэзия, музыка, орнаментальная живопись – это некие элементы, знаковые системы на пути духовного разви-

тия суфиев, практическая реализация суфийского мистицизма и трансцендентного мировосприятия и мироощущения.

Сущность духовного пути в суфизме замечательно передал Хазрат Инайят Хан: «Трудность на духовном пути – это всегда то, что приходит из нас самих. Человек не любит быть учеником, он любит быть учителем. Если бы только человек знал, что величие и совершенство великих, приходивших время от времени в этот мир, заключалось в их бытии учениками, а не в учительстве! Чем более велик учитель, тем лучшим учеником он был. Он учился у каждого: у великих и ничтожных, мудрых и глупцов, старых и молодых. Он учился у их жизней и изучал человеческую природу во всех ее аспектах. Человек, обучаясь ступать по духовному пути, должен стать подобен пустой чаше, для того чтобы вино музыки и гармонии могло быть налито в его сердце» [6, с. 189].

Согласно суфийской традиции, музыка является миниатюрой гармонии всей вселенной, потому что гармония вселенной есть сама жизнь, а человек, так же будучи миниатюрой вселенной, демонстрирует гармоничные или негармоничные аккорды в своем пульсе, в ударах сердца, в своей вибрации, ритме и тоне. Его здоровье и болезнь, его радость и горе – все говорит о музыке или отсутствии музыки в его жизни.

«А чему музыка учит нас? Музыка помогает нам тренировать себя в гармонии, и именно в этом магия, или тайна, стоящая за музыкой. Когда вы слышите музыку, которая вам нравится, она настраивает и приводит вас в гармонию с жизнью. Потому человек нуждается в музыке; он стремится к музыке» [7, с. 188].

Начало современного изучения суфизма принято относить к колониальной эпохе (примерно 1750–1950). Современная концепция суфизма возникла на основе множества европейских источников, включая повествования путешественников об экзотических странах и востоковедческие представления о суфизме как о секте, имеющей смутное отношение к исламу.

При сравнении такого изображения суфизма с трактовкой суфийской традиции «изнутри» возникает ряд несоответствий. Терминология сторонних наблюдателей, касающаяся суфизма, подчеркивает все экзотическое, особенное в нем, образ жизни суфиев, который отличается от норм европейского общежития. В условиях колониализма такая терминология заостряла внимание европейских властей на опасности сопротивления «туземных фанатиков».

Местная знать в Индии, Египте, Алжире, на Яве была лишена всякого влияния со стороны британского, французского и голландского колониальных правительств, колониального чиновничества. Центры традиционного обучения, которые зависели от покровительства мусульманских правителей, утратили их поддержку. Во многих мусульманских областях суфийские ордена, часто воспринимаемые европейцами как монашеские братства, оказались единственными местными организациями, которых не задело установление колониального господства.

В годы, последовавшие за открытием суфизма востоковедами, был достигнут значительный прорыв. Благодаря печатным изданиям все больше суфийских текстов становилось доступным на языке оригинала, как в мусульманских странах, так и на Западе. Перевод на европейские языки суфийской литературы позволил читателям приблизиться к суфизму для его изучения или познания через личный опыт. Распространение суфийской традиции на Западе имело место, по нашему мнению, во второй половине XIX в.

«Традиция существует как функция развития человечества, а не как древний монумент, призванный повергать последующие поколения в восторженный трепет или таинственные ощущения» [8, с. 12].

Как принято в суфийской традиции, человечество сотворено с определенной целью. Оно знало эту цель до того, как облачилось в человеческую форму. Память об этой цели, согласно суфизму, стирается в момент рождения, а вспоминание этой цели начинает пробуждаться под воздействием стимулов. После физической смерти человек продолжает свое существование, которое в некотором смысле претерпело изменения на стадии его земного пути.

«Хотя для современного человека такая формулировка может звучать как нечто из области научной фантастики. Тем не менее она была широко распространена и глубоко почитаема именно в такой форме столетия до того, как возник научно-фантастический жанр со всеми вытекающими из этого последствиями» [9, с. 78].

Поразительно то, что многие откровения, признанные в суфийском учении, нашли доказательства или подтверждение в современных научных открытиях. К примеру, суфии отрицают абсолютную реальность времени, пространства и физической формы. Все это, по их мнению, имеет относительную и локальную значимость, абсолютность этого только кажущаяся. Согласимся, что кратко изложенная идея теории относительности Альберта

Эйнштейна аналогична взглядам суфийских мастеров, живших много веков назад.

«Представьте себе, что Эйнштейн взял бы один из аспектов своей Теории Относительности и “подсунул” его астроному, а другой аспект, скажем, – биологу и т.д. Вполне вероятно, что после этого в различных областях науки начались бы поистине революционные процессы, хотя при этом никто бы даже и не подозревал, что ко всему этому приложил руку мастер» [10, с. 20].

Многие религиозные формулировки, какими бы распространенными и известными они ни были, на самом деле являются сокращенными и искаженными версиями некоего первоначального учения, совершенно неизвестного тем, кто ныне практикует эти формулировки. В этом смысле интересны для исследователей суфийские термины «полировка зеркала» и «удаление пыли». Они, по сути, обозначают процесс освобождения от тех элементов, как врожденных, так и приобретенных, посредством которых человечество изолируется цивилизационным умом от Великой Истины.

В Дагестане суфизм начал распространяться с города Дербента, откуда по мере дальнейшего распространения ислама идеи суфизма проникли в другие районы горного края. Как отмечает в работе «Мюридизм и Шамиль» М. Казембек, суфийское учение привнесли в Дагестан первые миссионеры ислама.

В последние годы в изучении истории суфизма в Дагестане достигнуты определенные результаты, которые свидетельствуют о глубоких корнях духовных и культурных связей народов Дагестана со странами Востока.

«И политические, и экономические обстоятельства активно содействовали этому культурному общению. Вхождение Дагестана (частичное) в состав Арабского халифата, а затем в государство сельджукидов, покровительствовавшее культурным достижениям всех регионов империи, способствовало широкому распространению в Дагестане культурных достижений эпохи, интенсивному становлению новых идейных движений» [11, с. 194].

Проанализировав работы многих исследователей, мы пришли к выводу, что распространение суфизма в Дагестане хронологически совпадает с главными этапами распространения ислама.

Первый период связан с эпохой классического ислама. «Классический ислам – это время от зарождения мусульманского вероучения в начале VII в. и образования Арабского халифата до его падения в 1258 г. под ударами монгольских войск» [там же].

Впервые арабы захватили Дербент в 643–644 гг. В VIII в. здесь построены джума-мечеть и квартальные мечети. В это же время Дербент становится не только крупнейшим на Кавказе политическим, торгово-ремесленным и идеологическим центром, но и главным оплотом арабов в распространении ислама на завоеванных землях Северного Кавказа. Появление новой монотеистической религии, культурно-экономические и военно-политические контакты привели к проникновению на Кавказ арабоязычной (арабо-мусульманской) культуры, в том числе духовной культуры, и исламской литературы, что на много веков определило пути развития многих кавказских народов.

Таким образом, вместе с исламской религией в Дагестан пришла и арабо-мусульманская культура, ставшая, в определенной степени, неким синтезом древнейших культур Востока и Запада.

«Всемирная история указывает, что, усвоив и переработав значительную часть культурного наследия персов, сирийцев (арамеев), коптов, иудеев, а также наследия эллинистическо-римской культуры, арабы достигли больших успехов в области художественной литературы, филологии, математики, логики, философии, архитектуры, орнаментального искусства и художественных ремесел и передали эти ценности своим кавказским братьям-мусульманам, в том числе и дагестанскому народу» [12, с. 52].

Классическая арабо-мусульманская цивилизация породила множество духовно-интеллектуальных движений, среди которых суфизм занимает важное и почетное место. Суфийские мыслители и философы внесли выдающийся вклад в развитие средневековой арабо-мусульманской мысли, в том числе средневековой философии. Суфийская философия, по нашему мнению, является самым живым глубоким элементом всей средневековой философии. Невозможно представить дальнейшее развитие философской мысли без влияния философии. В некоторых странах мусульманского мира, таких как Иран, суфизм в определенные эпохи становился едва ли не преимущественной формой выражения исламского мировоззрения.

В XI–XII вв. усилилось влияние тюркского элемента в процессе исламизации Дагестана. Этот период принято считать следующим этапом распространения суфизма в Дагестане. Сельджуки благосклонно относились к идеям суфизма и поощряли создание суфийских обителей на подвластных им территориях.

С XI в. в Дербенте действовали суфийские общины. Об этом свидетельствует энциклопедический труд Мухаммада б. Мусы б.

Ал-фараджа Абу Бакра аш-Шафии ас-Суфи ад-Дербенди «Базилик истин и сад тонкостей». Исторические особенности распространения суфизма в Дагестане в XI–XIII вв. подробно рассматриваются в монографическом исследовании А.К. Аликберова «Эпоха классического ислама на Кавказе».

Как считают дагестанские исследователи истории распространения ислама на территории нашей республики, суфизм в эпоху Средневековья имел здесь довольно сильные позиции. Хотя суфизм обычно воспринимается как элемент или явление городской культуры, в XV–XVI вв. суфизм был распространен именно в сельской местности Дагестана.

Роль суфизма в Дагестане можно иллюстрировать, как считает К.М. Ханбабаев, «географией» списков сочинений выдающегося мыслителя мусульманского мира и идеолога суфизма аль Газали (1058–1111), сохранившихся в различных районах Дагестана в составе рукописных коллекций: государственных, при мечетях, частных [13, с. 197].

Интерес к произведениям крупнейшего представителя суфийской философской мысли аль Газали был особенно сильным в XV–XVII вв. В этот же период, как полагают дагестанские ученые, Дагестан полностью переходит на собственное местное воспроизведение текстов. По нашему глубокому убеждению, для этого уже тогда существовала вполне развитая местная суфийская традиция, опиравшаяся на достаточно большое количество последователей суфийского учения в данном регионе. Кроме того, имела место интенсивная практика обучения выходцев из Дагестана в городах Ближнего Востока. Это также свидетельствует об определенной государственной поддержке суфизма, которая во многом содействовала развитию науки, культуры и образования и также определила тематику и характер рукописной продукции, поступавшей в Дагестан и тиражировавшейся затем местными переписчиками.

«Суфийская идеология и практика сыграли заметную роль в деле утверждения ислама у дагестанских народов. Несмотря на трагическую судьбу суфизма в годы советской власти, суфийские традиции не были совсем утеряны. Они сохранились и продолжают в многочисленных суфийских братствах в современном Дагестане. Они сыграли и играют большую роль в духовно-нравственном воспитании верующих, в деле сохранения мира и стабильности в Дагестане» [14, с. 126].

Суфизм оказал серьезное влияние на развитие философской мысли. Как отмечает М.И. Билалов, культовая сторона суфизма

соответствует принципиальным идейным установкам его философии. Суфии считают, что лучше свою точку зрения стараться превратить в жизнь, чем пытаться разрушить чужие твердые убеждения и идеалы. Подобный диалектический подход проистекает из «изначальных попыток философских основоположников суфизма гармонично вписать в него положительные и привлекательные идеи из других учений и культур для получения целостной картины мира, что в этическом плане сказалось в мировоззренческой толерантности и социальном гуманизме суфиев и их последователей» [15, с. 76].

Таким образом, можно отметить колоссальный потенциал идей миротворчества и толерантности в философии суфизма. Тысячелетняя история суфизма оказала существенное влияние на развитие мировоззрения, нравственно-эстетических, духовно-культурных ценностей дагестанцев. По различным экспертным оценкам, общее число активных суфиев в республике превышает 60 тыс. человек, 85% из которых проживают в Северном и Западном Дагестане. Несмотря на свое определенное положительное влияние, современное развитие суфизма в Дагестане достаточно противоречиво. Суфийские идеи часто искажаются, неправильно понимаются и используются не всегда в благих целях.

В Дагестане действуют три суфийских тариката: накшбандийский, кадирийский и шазилийский. Многоликость российского, в том числе дагестанского, ислама, как мы считаем, обусловлена этнической пестротой и тесным переплетением религиозного сознания с местными традициями, обычаями, нравами и правовыми нормами. Отметим, что социокультурная традиция суфизма в современном Дагестане практически не исследована и ждет своих первооткрывателей и, соответственно, последователей.

Один из наиболее знаменитых суфийских мыслителей мировой величины второй половины XX в. Идрис Шах отмечал, что в суфийской сфере не все так просто. Публика больше любит культы, чем подлинное учение. К примеру, и в современном Дагестане больше рекламируются гуру, чем суть учения. Промежуточная, замещающая литература значительно доступнее взвешенного руководства.

Он видел причину этого обстоятельства в том, что суфизм, в сущности, в своем наиболее эффективном и истинном виде, слишком деликатен, слишком зависит от восприятия, чтобы его можно было выразить в грубых внешних формах, упаковать в систему –

но именно этого требуют люди при первом знакомстве с чем бы то ни было.

«Оценка суфизма основана на его восприятии. А восприятие суфизма – это не то же самое, что грубые тени от суфизма, привлекающие интеллектуальные и эмоциональные натуры. Если тонкой реальности необходимо найти форму гармонических отношений с какой-либо культурой, то и воспринимающая культура обязана воспитать достаточное число людей с соответствующим интересом на должном уровне. Это почти тот случай (хотя и не совсем тот), когда люди получают таких “суфиев”, которых они заслуживают» [16, с. 27–28].

Литература

1. Массэ А. Ислам. – М., 1982. – С. 130.
2. Мец. А. Мусульманский ренессанс. – М., 1996. – С. 269.
3. Мекерова М.Д. Исламский мистицизм через призму психологии. Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. № 1, 2004 г. – Махачкала, 2004. – С. 155.
4. Хизрат Инайят Хан. Учение суфиев. – М., 1998. – С. 9.
5. Эрнст К.В. Суфизм. – М., 2002. – С. 42.
6. Хазрат Инайят Хан. Мистицизм звука. – М., 1997. – С. 189.
7. Хазрат Инайят Хан. Мистицизм звука. – М., 1997. – С. 188.
8. Идрис Шах. Искатель истины. – М., 2005. – С. 12.
9. Суфии – мысль и действие. Составитель Идрис Шах. – М., 2005. – С. 78.
10. Идрис Шах. Искатель истины. – М., 2005. – С. 20.
11. Ханбабаев К.М., Якубов М.Г. Религиозно-политический экстремизм в мире, России: Сущность и опыт противодействия. – Махачкала, 2008. – С. 194.
12. Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религия в культуре народов Дагестана. – Махачкала, 1996. – С. 52.
13. Ханбабаев К.М., Якубов М.Г. Религиозно-политический экстремизм в мире, России: Сущность и опыт противодействия. – Махачкала, 2008. – С. 197.
14. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М., 2007. – С. 126.
15. Билалов М.И. Суфизм и познавательная культура. – Махачкала, 2003. – С. 76.
16. Идрис Шах. Благоухающий скорпион. – М., 2006. – С. 27–28.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

И. Добаев,

доктор философских наук

А. Добаев,

кандидат экономических наук

(Южный федеральный университет)

Д. Умаров,

аспирант

(Пятигорский государственный университет)

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Одной из наиболее существенных проблем современной эпохи является терроризм. Терроризм существовал всегда, но в последнее 20-летие он приобрел качественно новые черты, превращающие его в глобальную угрозу для человечества. В отличие от традиционного терроризма, не угрожавшего обществу как таковому, не затрагивавшего основ его жизнедеятельности, современный терроризм высокотехнологичен и способен продуцировать системный кризис в любом государстве с весьма развитой информационной инфраструктурой.

Помимо этой главной особенности, у современного терроризма появились и иные отличительные черты. Они касаются как идеологических, так и организационных сторон деятельности террористических группировок. В идеологическом отношении речь идет о беспрецедентном по масштабам включении исламистского компонента в идеологические конструкторы многочисленных террористических структур. В организационном плане обращают на себя внимание отсутствие территориальной замкнутости, предельная децентрализация деятельности отдельных террористических групп, приспособление их организации к реалиям современного мира (наличие среди них и более-менее жестко иерархических, и организованных по типу «паучьей сети», и, наконец, полностью независимых групп).

Неудивительно, что «новый терроризм» в последние годы стал объектом всестороннего исследования. Специалистов интересует динамика изменений, обусловленных формированием идеологических доктрин радикальных исламистов, их организационных структур, а также форм и методов осуществления ими специфической политической практики. В меньшей мере анализируются вопросы финансовой подпитки терроризма. Между тем

очевидно, что без финансирования современное террористическое движение не смогло бы так долго существовать. Основной задачей, которую поставили перед собой авторы данной статьи, является выявление источников и специфики финансовой поддержки терроризма в Северокавказском регионе России.

Финансирование современного терроризма: Основные тенденции

За последние два десятилетия финансирование террористических группировок существенно трансформировалось¹. Это обстоятельство, по-видимому, было обусловлено в основном двумя факторами: глобализацией экономики и переходом многих террористических групп к сетевой структуре организации.

Следует отметить, что фактор глобализации, его роль в трансформации экономической природы терроризма уже длительное время является объектом экономического и политического дискурса. В частности, еще в документах Всемирной конференции по транснациональной организованной преступности и терроризму (Неаполь, 1994 г.) указывалось, что возникновение транснациональной преступности и современного терроризма в значительной мере является следствием формирования мирового хозяйства. В рамках все быстрее развивающейся мировой экономики увеличивается взаимозависимость государств, гигантски возрастают объемы взаимной торговли и международного инвестирования. Происходит также формирование международных финансовых сетей, систем международных расчетов, позволяющих быстро осуществлять сложные валютно-денежные операции с использованием банковских учреждений нескольких государств. В том же направлении действует идущее рука об руку с эволюцией мирового хозяйства развитие связи и транспорта, в том числе технологий контейнерных перевозок. Наконец, это увеличение масштабов миграции, образование многонациональных мегаполисов.

Что касается сетевого принципа организации террористических группировок, то он оказался исключительно эффективным в асимметричном противостоянии самым разнообразным оппонентам.

¹ См. подробно: Добаев А.И. Хавала: Неофициальная система финансирования терроризма / Южнороссийское обозрение ЦСРиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 65. – Ростов-на-Дону, 2008.

Оба вышеупомянутых фактора (глобализация экономики и сетевой принцип организации) существенно изменили природу терроризма. В результате, как справедливо подчеркивает отечественный исследователь вопросов финансирования терроризма Е. Степанова, в современных условиях едва ли уместно традиционное подразделение терроризма на внутренний и международный¹.

Анализ финансирования терроризма как материальной основы проведения террористических акций представляется крайне важным. Сформированная финансовая система в значительной степени определяет возможности реализации террористической деятельности. В настоящее время финансирование современного международного терроризма, его отдельных региональных кластеров, в том числе и северокавказского, является многоканальным. При этом масштабы такого финансирования, структура его источников и их соотношение постоянно меняются. Одновременно может использоваться целый ряд конкретных вариантов финансирования подполья, существенно различающихся по отдельным территориям и сетевым структурам. Вместе с тем по мере перехода от полужентриализованных структур, доминировавших в начале XXI в., к сетевой (полицентрической) организации подполья, источники его финансирования дифференцировались, дробились, равно как и число возможных адресатов данного финансирования. Эти обстоятельства серьезно затрудняют выявление и ликвидацию каналов финансирования подполья².

Мировой практический опыт свидетельствует о том, что финансовые вливания требуются террористическим группировкам преимущественно в инфраструктурных или в непосредственных целях (т.е. в процессе подготовки теракта или для его проведения). По оценкам ведущих мировых террологов, соотношение между инфраструктурными и непосредственными целями составляет 9:1. К основным инфраструктурным целям обычно относят:

- подготовку боевиков на территории определенных стран;
- создание собственных структур (фонды, компании, банки, страховые организации) в коммерческой и кредитно-финансовой

¹ См.: Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. – М., 2005.

² См. подробно: Суций С.Я. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). – Ростов-на-Дону, 2010.

сферах, в том числе в целях ввода полученных от их деятельности ресурсов в легальный оборот;

- внедрение в государственные структуры;
- вербовку лиц, способных содействовать подготовке и проведению террористической акции;
- оплату расходов на пропаганду, содержание соответствующих учебных заведений, издание и распространение пропагандистских материалов;
- содержание тренировочных баз;
- создание и поддержание в боевой готовности так называемых «спящих ячеек»;
- приобретение и переправку в определенную страну средств совершения террористических акций (оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, обмундирование, средства связи и т.п.);
- выплату вознаграждения непосредственным участникам террористических акций;
- выплату компенсации семьям погибших террористов.

Непосредственные цели не столь многочисленны. Важнейшими среди них считаются привлечение наемников для участия в террористической акции, рекогносцировка на местности, приобретение транспорта и пр. Это также и стимулирование освещения терактов в СМИ.

Исследователями обычно отмечается прямая зависимость между масштабом теракта, затратами на его проведение и его последствиями. Однако специфика современного терроризма заключается в том, что сегодня террористические атаки могут приводить к значительному разрушительному эффекту при сравнительно невысоких издержках.

Нами была проведена экспертная оценка затрат террористических организаций на осуществление терактов. Она показывает следующее¹. Между 1998–2004 гг. имели место девять «громких» террористических акций. Среди них только одна, сопряженная с ликвидацией Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г., потребовала огромных вложений: они составили более 500 тыс. долл. Достаточно дорогостоящей оказалась и осуществленная в 2002 г. операция по подрыву французского нефтяного танкера *Limburg*, на которую было затрачено 127 тыс. долл. От 30 до 50 тыс. долл. вложили террористы во взрывы на индонезийском острове Бали (2002), в подготовку и проведение диверсии у по-

¹ См.: Добаев А.И. Цит. соч. – С. 82–83.

сольства США в Танзании (1998), взрыв в расположенном в Джакарте отеле «Мариотт» (2003), подрыв грузовика в Стамбуле (2003). Заметно меньшими суммами террористы обошлись при взрывах американского корабля (2000), мечети в г. Джерба (Тунис, 2002) и поезда в Мадриде (2004): в этих случаях их затраты ограничились 10–20 тыс. долл. Как видим, объем израсходованных финансовых средств не всегда находится в прямой зависимости от масштабов цели.

На сегодняшний день можно разделить источники финансирования террористических организаций на две основные группы: внешние и внутренние. Внешние источники могут быть как государственными, так и негосударственными. Первые представляют собой прямую поддержку от иностранных государств. К числу внешних негосударственных источников относятся средства, получаемые из-за рубежа от коммерческих организаций, населения (как индивидов, так и целых диаспор); иностранных террористических ячеек. Наконец, это деньги от некоммерческих организаций, формально передаваемые на благотворительные, гуманитарные и т.п. цели. К источникам внутреннего финансирования причисляются доходы, получаемые от легального и нелегального бизнеса, а также прочие доходы, в частности членские взносы в рамках действующей террористической организации, помощь богатых террористов и рэкет.

Важно констатировать, что в последнее десятилетие процессы глобализации экономики и переход к сетевой структуре организации трансформировали роль финансовых источников террористических группировок. Произошло снижение доли внешних поступлений при одновременном увеличении и диверсификации внутренних. Таким образом, в настоящее время террористические группировки становятся в финансовом плане все более самостоятельными.

По мнению террологов, характер финансовой подпитки террористической организации во многом определяется ее происхождением. В этом отношении террористические организации можно подразделить на две категории. В первую входят те из них, которые возникли на религиозном и идеологическом фундаменте и для которых преступная (мафиозно-криминальная) деятельность изначально не являлась основной. Ко второй категории относятся террористические организации, созданные именно на криминальной основе и лишь впоследствии прибегнувшие к использованию религиозного обоснования как прикрытия. Такие террористические

организации во многом подобны мафии: нелегальны, обладают силовыми ресурсами, построены на личном доверии. Поэтому они успешно внедряются именно в те сферы криминальной деятельности, которые типичны для организованной преступности. Например, террористы Латинской Америки тесно связаны с кокаиновым трафиком, террористы Азии – с героиновым, группировки Западной Африки – с контрабандой алмазов. В результате слияния с криминальными промыслами терроризм коммерциализируется, приобретает черты обычной мафии. Постепенно борьба «за идею» частично или полностью вытесняется борьбой за «длинный доллар». С подобным мафиозным терроризмом бороться труднее, чем с мафией или с обычным терроризмом: он более воинственен и кроваваден, чем традиционная мафия, и более богат, чем терроризм традиционного типа. С «идейными» террористами можно искать и находить компромиссы; с мафиозными террористами они принципиально невозможны. «Мафиоизацией сейчас затронуты в той или иной степени практически все разновидности терроризма», – считает российский терролог Ю.В. Латов¹.

Вместе с тем у обеих вышеназванных категорий террористических групп имеются общие характеристики, кардинально отличающие их от мафии. Во-первых, ни для одной из них криминальный бизнес не является самоцелью. Во-вторых, террористические группировки по-иному, чем мафия, используют свои финансовые средства (о чем будет сказано ниже). Наконец, в последнее время все отчетливее проявляется следующая закономерность: трансграничный терроризм «подминает под себя» разные виды преступного бизнеса, связанные с международной деятельностью.

Знание природы происхождения террористической группировки и источников ее финансирования позволяет построить модель финансирования террористической организации. Как показывает практика, в настоящее время можно выделить, по крайней мере, четыре подобные модели. Они представлены в таблице.

В целом анализ источников, форм и методов финансирования современных террористических организаций позволяет обнаружить в этой области наличие ряда значимых тенденций. Назовем прежде всего активное использование финансовых преимуществ сетевого принципа организации, а также глобализации экономики. Не менее важным является наличие у большинства террористиче-

¹ Латов Ю.В. Экономический анализ современного терроризма. – М., 2007. – С. 27.

ских организаций мощной, высокодоходной, устойчивой, разветвленной финансовой базы, во все большей степени основывающейся на диверсифицированных внутренних источниках. Наконец, следует отметить происходящее «загрязнение» «чистых» денег по причине многоэтапного сращивания доходов, полученных от ведения легального и нелегального бизнеса и из внешних источников финансирования.

Таблица

Модели финансирования терроризма

	Модель № 1 (административно-институционализированная «серая зона»)	Модель № 2 (партизанская «серая зона»)	Модель № 3 (подпольная организация с сильными внешними связями)	Модель № 4 (подпольная организация со слабыми внешними связями)
Примеры	Чеченская Республика 1992–1999 гг., автономная зона (Колумбия 1998–2002 гг., Афганистан 1996–2001 гг.)	РВСК и НАО (Колумбия), с 1980-х годов, Курдская рабочая партия (Турция), с 1980-х годов	«Аль-Каида» с 1990-х годов, чеченские террористы после 1999 г.	ИРА (Северная Ирландия, 1990–2000-е годы)
Основные источники доходов	Хищение ресурсов (Чечня), контрабанда наркотиков (Колумбия, Афганистан)	Контрабанда наркотиков и иных товаров, «налоги» с населения	Спонсорство диаспоры и религиозных организаций	Местная теневая экономика (контрабанда, торговое пиратство, рэкет, грабежи)
Примерный объем ежегодных доходов, млн долл.	До нескольких миллиардов	600 млн (Колумбия), не менее 300 млн (Курдская рабочая партия)	От 20–50 млн («Аль-Каида»), 90–270 млн (Чечня)	До 10 млн
Численность террористов	Около 40 тыс. (вооруженные формирования Чечни в 1994 г.)	10–15 тыс. (Курдская рабочая партия), 20–25 тыс. (наркопартизаны Колумбии)	1–5 тыс. (Чечня 2000-х годов)	До 500 млн

Источник: Латов Ю.В. Цит. соч. – С. 44.

Специфика финансовой подпитки террористических структур на Северном Кавказе

Экономическая база террористов на Северном Кавказе, как и в других регионах мира, состоит из двух составляющих: средств, поступающих из-за рубежа, и полученных из внутренних источников.

Соотношение этих компонентов постоянно изменялось. Так, в ходе первой чеченской кампании 1994–1996 гг. превалировали внешние финансовые потоки. Подпитка экстремистов осуществлялась, как правило, через соответствующие неправительственные структуры (фонды, неправительственные религиозно-политические организации – НРПО и т.д.).

В настоящее время этот канал финансирования из основного превратился во второстепенный, приобрел вспомогательный характер. Уровень финансовой зависимости северокавказских экстремистов от внешних спонсоров в 2000-е годы неуклонно снижался. Это объясняется двумя моментами. Во-первых, переходом отрядов международного терроризма к сетевой, децентрализованной организации, о чем неоднократно говорилось выше. Во-вторых, значимым отвлечением в последнее десятилетие средств международных террористов на финансирование исламистских боевиков во многих странах Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки.

Однако специалисты подчеркивают, что и сегодня немалую статью доходов северокавказского подполья составляет финансовая подпитка от международных террористических центров, исламских организаций радикального толка, расположенных как в пределах мусульманского мира, так и в странах Запада¹.

Для реализации внешнего финансирования северокавказского террористического подполья чаще всего используются курьеры. Однако общеизвестно, что в своих финансовых операциях террористы из числа радикальных исламистов активно используют возможности разветвленной сети международного трансферта капиталов «хавала»², позволяющей осуществлять денежные переводы

¹ См.: Суций С.Я. Цит соч. – С. 34.

² Хавала – неформальная расчетно-финансовая система на основе взаимозачетов требований и обязательств между брокерами, используемая преимущественно на Среднем Востоке, в Азии и Африке. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D5%EO%E2%EO%EB>

без физического перемещения наличности. Эта система, основанная на доверии, широко распространена в странах Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Она весьма привлекательна для террористов в силу своей надежности, поскольку не оставляет документальных и электронных следов (отсутствие обычных в финансово-кредитных операциях бухгалтерских проводок). Однако эта система вполне легальна с законодательной точки зрения в тех странах, где она наиболее задействована. В самом общем виде *хавала* работает так: отправитель денег передает некоторую сумму дилеру, имеющему небольшую контору в какой-либо стране. Дилер связывается со своим зарубежным партнером, который и выдает адресату требуемую сумму. О возврате долгов дилеры не беспокоятся. Ведь система основана на взаимном доверии дилеров, обусловленном семейными, клановыми и этническими связями, и пропускает огромные потоки денег.

Сказанное выше объясняет те большие трудности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы разных стран, пытающиеся бороться с *хавалой*. Попытки такого рода пока малоэффективны. Все усилия США и стран Евросоюза по установлению контроля над *хавалой* не принесли желаемого результата.

Данных об использовании возможностей *хавалы* для финансирования террористов на территории России пока не поступало, но это не означает ее отсутствия. Система вполне может быть задействована в регионах Российской Федерации, поскольку, например, в республиках Северного Кавказа созданы многочисленные меняльные и торговые точки, а также коммерческие структуры, принадлежащие или контролируемые гражданами государств Ближнего и Среднего Востока. Не исключены связи этих лиц с зарубежными НРПО, а также с их пособниками из числа местных жителей.

Среди внутренних источников подпитки радикалов в 90-е годы XX в. можно назвать незаконный нефтяной и газовый промысел, чисто криминальные доходы (рэклет, похищения людей, контрабанда оружия и наркотиков, финансовые махинации в виде подделок авизо, фальшивомонетничество и т.д.), что особенно было характерно для реалий Чечни.

В тот же период вокруг исламистских организаций сформировался своеобразный «буферный слой», образованный легальными субъектами хозяйственной и общественно-политической деятельности, с помощью которых сепаратисты задействовали финансово-экономические, информационные и инфраструктурные

ресурсы. Например, в течение 1999 г. Управлением Федеральной службы налоговой полиции совместно с Государственной налоговой инспекцией Карачаево-Черкесской Республики проводилась проверка законности приобретения собственности, а также экономической деятельности коммерческих структур, принадлежащих общественным объединениям и движениям экстремистской направленности, либо оказывавших им финансовую поддержку. В результате было выявлено 11 предприятий, руководителями которых являлись лица, исповедовавшие радикальный ислам и оказывавшие поддержку экстремистам. Владельцем двух из этих предприятий являлся разыскивавшийся за совершение террористических актов в Москве и Волгодонске Ачимез Гочияев. УБЭП МВД КЧР была проведена проверка финансово-хозяйственной практики этих предприятий, и деятельность их была прекращена¹. Та же ниша используется бандподпольем и в настоящее время. И сегодня «...имеется доход от бизнес-структур, непосредственно организованных террористическим подпольем (основная их масса располагается в “своих республиках”, но, очевидно, могут быть налажены производства и в других республиках Северного Кавказа, впрочем, как и в иных регионах России или в странах ближнего и дальнего зарубежья). Сюда же можно отнести прибыль от участия в различных формах криминального бизнеса (от торговли нефтепродуктами до проституции и игорного бизнеса)»².

Таким образом, вследствие формирования в первой половине 2000-х годов сетевых террористических структур северокавказского подполья, меняется и система их финансирования, которая все меньше зависит от внешних поступлений, становясь все более автономной.

Отечественные специалисты подчеркивают: при всей важности перекрытия каналов финансирования бандгрупп подобные мероприятия не всегда решают проблему существования и разрастания религиозно-политического экстремизма. Тем более это положение относится к террористическим группировкам, которые подпитываются определенными идейно-политическими предпосылками. Кроме того, они характеризуются автономной самоорганизацией и наличием мобильных отрядов, не нуждающихся в масштабном и постоянном финансировании. «В условиях сущест-

¹ См.: Добаев И.П. Исламский радикализм: Генезис, эволюция, практика. – Ростов-на-Дону, 2003.

² Суций С.Я. Цит. соч. – С. 34.

вования массовой коррупции установить, пусть и путем шантажа и угроз, контроль над несколькими фирмами и коммерческими предприятиями для террористического подполья не представляется сложным. Со слов Шамиля Басаева, они именно таким образом получают немалую финансовую поддержку от глав администраций ЧР»¹.

Главенствующую роль внутреннего фактора финансовой подпитки терроризма выделяет в своем интервью и советник председателя Национального антитеррористического комитета ФСБ РФ А.С. Пржездомский: «Нам часто хочется объяснить активность террористических групп “кознями из-за рубежа”. Безусловно, отмечается некоторая деятельность зарубежных центров влияния – это и финансовая подпитка, и методическая, организационная помощь, инструктажи и т.п. Но надо признать, что все это не является решающим фактором, который обеспечивает высокую активность бандподполья. Так, финансирование антигосударственной деятельности во многом переведено “на места”. Главный источник денежных потоков, благодаря которым организуются все новые теракты, – тотальный рэкёт. Практически весь частный бизнес в ряде южных регионов обложен “террористическим налогом”. Предприниматели и чиновники элементарно боятся за свою судьбу, инструменты защиты со стороны власти не срабатывают (случается даже, что коррумпированные представители органов власти находятся “в доле”»².

Внутренне обусловленный характер нынешнего финансирования северокавказского терроризма подтверждают и другие специалисты. Так, по мнению отечественного терролога С.Я. Сущего, «...поступления идут от легальных и теневых бизнес-структур, в той или иной степени контролируемых (“крышуемых”) подпольем. С учетом масштаба теневой экономической деятельности в республиках Северного Кавказа, “крышевать” которую легче, чем легальное производство, доля прибыли подполья на данном направлении может быть значительной»³.

¹ Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: Идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 128.

² Пржездомский А.С. В эпицентре противостояния идеологии смерти. – <http://www.nak.fsb.ru>

³ Сущий С.Я. Цит. соч. – С. 34.

В целом в настоящее время важной особенностью финансирования современного северокавказского терроризма является его существование как устойчивой и уже достаточно независимой системы, основанной на многоуровневом бюджете. Последний состоит из бюджетов джамаатов, секторов, вилайятов¹ и, наконец, собственно «Имарата Кавказ»². Бюджет «Имарата Кавказ» формируется из бюджетов вилайятов. Их основой являются бюджеты секторов, а они, в свою очередь, черпаются из средств джамаатов. Формирование всех этих бюджетов происходит за счет так называемого «налога на джихад». Им исламисты облагают бизнесменов и чиновников в северокавказских республиках, а также соплеменников за их пределами. Суть этой системы основана на вымогательстве, которое исламисты обосновывают идейными и теологическими постулатами. Эта дань представляется как закят, один из пяти «столпов ислама»³. Сбор средств идет снизу вверх, начиная с уровня джамаатов и завершаясь республиками и всей зоной, подконтрольной «Имарату».

В листке блокнота боевика, найденного на месте боя в Дагестане, под заголовком «Трофеи» описывается распределение полученных вымогательством средств. Во всех случаях пятая часть идет амиру. Еще столько же тем, кто этот «трофей» добыл. Если сумма не превышает 10 тыс. долл., оставшиеся 60% идут в «общак» группы. С добычи от 10 до 20 тыс. долл. в «общак» отдается 20%, а 40% – амиру сектора. При добыче от 20 до 50 тыс. долл. эти 40% идут уже амиру вилайята⁴.

Кассой вилайятов, секторов и джамаатов распоряжаются амиры этих структур. Эта особенность идеально работает на эф-

¹ Джамаат – территориальная община у народов Кавказа. Как минимум, сообщество правоверных, которые являются членами одной и той же общины, группирующейся вокруг одной мечети. Вилайят (в другом написании валайят) – область, провинция. См.: <http://www.slovarus.ru/?di=276004>; интервью И.П. Добаева журналистке Вере Волошиной // Живой Ростов. – <http://www.werawolw.ru/?p=2373>

² См. подробно: Текушев И. Имарат Кавказ как особая исламская этно-фундаменталистская модель. Институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. 31.03.12. – <http://www.bs-kavkaz.org/2012/03/>

³ Закят – обязательный годовой налог в пользу бедных, нуждающихся, а также на развитие проектов, способствующих распространению ислама и истинных знаний о нем, и т.д. Один из пяти столпов ислама. – <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C7%E0%EA%FF%F2>

⁴ См.: Боевой расчет. На Юге России бандформирования работают по бизнес-планам // Известия. 13.04.2011.

фективность всей системы, так как в условиях подполья и террористической деятельности финансовая независимость подразделений террористов позволяет быстро разрабатывать и реализовывать теракты и диверсии на всех уровнях. Сбором средств при этом занимаются сами боевики, их родственники, а также сочувствующие и симпатизирующие террористам. Когда речь идет о закяте, сборщиками, как правило, выступают непосредственно члены банд-групп. Они же по решению шариатского судьи вилайята казнят тех, кто отказывается от уплаты данного «налога».

Информирование об обязанности каждого мусульманина платить закят осуществляется виртуально – через Интернет, путем распространения аудио- и видеодисков, листовок и обращений, а также непосредственно через сборщиков, которые посылают «налогоплательщику» видеообращение амира вилайята о «налоге на джихад». В случае первого отказа от уплаты объекту обложения направляется предупреждение, а в случае второго отказа принимается решение о ликвидации «строптивца», которого действительно нередко убивают.

Как правило, в реальных условиях Северо-Кавказского региона видеообращения рассылаются на флэш-картах. В том же пакете к потенциальному «налогоплательщику» приходит и сим-карта для телефона, содержащая сообщение о месте приема денег. Например, некто Садулаев Абдулла, бывший член группировки, занимавшейся вымогательствами и убийствами в Ульяновской области, в своем видеообращении заявляет: «Меня зовут Дауд, и я являюсь шариатским судьей в вилайате Дагестан. Хочу довести до тебя некоторые положения одного из важнейших столпов ислама – закята... Если ты все это сделаешь, как и положено мусульманину, то от нас тебе неприкосновенность и любая помощь. Но если будешь... бегать в ментовку или к кому-то еще... рано или поздно мы тебя уничтожим и возьмем еще больше с твоих наследников»¹.

Финансовым поборам со стороны террористического подполья в республиках подвергаются многие государственные (республиканские, муниципальные) структуры и учреждения, вынужденные откупаться в целях самосохранения².

Как известно, «налог на джихад» не является изобретением северокавказских радикалов, он практиковался и практикуется в аналогичных условиях повсеместно в государствах Ближнего,

¹ Известия. 13.04.2011.

² См.: Суций С.Я. Цит. соч. – С. 34.

Среднего Востока и в Северной Африке. Например, во время советского военного присутствия в Афганистане аналогичный налог бандитам выплачивали государственные и партийные функционеры, включая министров, членов Ревсовета и Политбюро правящей Народно-демократической партии¹.

На Северный Кавказ сходная практика вымогательства под теологическим прикрытием пришла во время первой чеченской кампании. Однако в тот период это были единичные действия, лишённые всякой системы и работающие на интересы конкретных бандитских группировок. Затруднительно четко определить время, когда данная практика трансформировалась в систему сбора и распределения средств, работающую в интересах всей сети. Однако впервые о системном характере данного вида вымогательства заговорили лишь в 2010 г., когда на сайте кабардино-балкарских боевиков появились первые угрозы в адрес бизнесменов, отказывавшихся платить закят.

По мнению специалистов, именно в Кабардино-Балкарии была создана единая система налогообложения, работающая на весь «кабардино-балкарский вилайят». Она была создана первым амиром республиканского вилайята Анзором Астемировым. Потом, после его назначения кадием (шариатским судьей) «Имарата Кавказ», отработанная в республике схема была экстраполирована и применена на всех территориях, где действует современное подполье. Таким образом, именно кадий «Имарата Кавказ» А. Астемиров (чье мусульманское имя – Сейфуллах, «меч Аллаха») дал теологическое обоснование данной практике. Именно он разработал и реализовал в Кабардино-Балкарии систему налогообложения, привел в движение звенья, которые заложили достаточно прочную систему финансовой подпитки сетевых структур террористов на всем Северном Кавказе. Четкое взаимодействие этих звеньев обеспечило значительный приток денежных средств, что содействовало укреплению подполья и расширению его рядов в условиях сокращения внешнего финансирования.

Вместе с тем «администрация» виртуального «Имарата Кавказ», как и нижестоящие сетевые структуры северокавказских террористов, поражены традиционными социальными «болезнями», свойственными государственным структурам, в частности коррупцией. Достоянием гласности стали скандалы в связи с растратами,

¹ См.: Мансур А.Х. Панджшер дар дауран-е джахад (Панджшер в годы джихада). – Кабул, 1994.

фиксируются даже соответствующие постановления шариатского суда¹.

Под маской сепаратизма и радикального исламизма на Северном Кавказе нередко скрывается обычный криминал, активно практикующий в последние годы рэкет. Действительно, многие «религиозные вымогатели» встали на «тропу джихада» в тюрьме. Там, например, завербовали Мурада Лахиялова, брата футболиста «Анжи»: «...в начале нулевых он плотно сидел на игле, потом его посадили, сидел за угоны автомобилей. Вышел ваххабитом и возглавил группировку “Джамаат шариат”. А Омар Рамазанов, амир Шамхала, до джихада был членом самарской ОПГ, наводнившей область фальшивыми деньгами. Оба уже ликвидированы, но зона и дальше выпускает в большую жизнь боевиков»².

Факты, изложенные в настоящей статье, позволяют сделать некоторые выводы о сегодняшнем состоянии финансирования террористического подполья на Северном Кавказе. Под воздействием ряда обстоятельств, ключевыми среди которых являются процессы глобализации, переход к сетевой организации, а также сокращение помощи извне, характер этого процесса претерпел существенные изменения. В настоящее время упомянутое финансирование осуществляется через разветвленную сеть, непрерывно меняющую свою географию и структуру. Постоянно модифицируются также общий объем проходящих через сеть средств, процентное соотношение различных источников. Из общих тенденций последних лет можно выделить сокращение поступлений извне и усиление внутренней финансовой подпитки терроризма, диверсификацию внутренних источников. Наконец, это постепенная финансовая «оптимизация» деятельности бандподполья, которое в условиях жесткого прессинга со стороны государства перешло на режим самоограничения, научилось достаточно эффективно расходовать сократившиеся объемы финансовых поступлений.

*«Мировая экономика и международные отношения»,
М., 2013 г., № 4, с. 79–86.*

¹ См.: Боброва О. Как устроено подполье. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета. 03.03.2010.

² Известия. 13.04.2011.

Томас де Ваал,
старший научный сотрудник
Российско-Евразийской программы
Фонда Карнеги «За Международный Мир»
АЗЕРБАЙДЖАН – ЧТО ВПЕРЕДИ?

Как и ожидалось, 9 октября 2013 г. на очередных президентских выборах в Азербайджане действующий президент страны Ильхам Алиев одержал более чем убедительную победу, получив свыше 84% голосов избирателей. Этот результат никем не ставился под сомнение, хотя международные наблюдатели и критиковали сам порядок проведения выборов.

Главный вопрос теперь в том, что будет дальше. Можно с уверенностью сказать, что в 2018-м – к концу третьего президентского срока Алиева, Азербайджан станет совсем другой страной.

В начале 1990-х годов Азербайджан, только что обретший независимость, был бедным и изнуренным войной государством. С тех пор он проделал огромный путь. За последние несколько лет, после пуска в 2006 г. нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, его экономика резко пошла вверх, и сегодня ВВП Азербайджана равняется 70 млрд долл., в 20 с лишним раз превосходя показатель середины 1990-х годов. В то же время Азербайджан самыми разными способами заявляет о себе на международной арене. Так, в январе 2012 г. начался двухлетний срок членства Азербайджана в Совете Безопасности ООН, и в том же году Баку стал местом проведения конкурса Евровидения.

В ближайшие пять лет Азербайджан столкнется с новыми проблемами. Соотношение спроса и предложения энергоносителей на мировых рынках, а соответственно, и стратегические приоритеты Азербайджана уже начинают меняться. В самом Азербайджане общественность, вероятно, будет громче обсуждать социально-экономические проблемы и требовать политических свобод. Руководству Азербайджана придется реагировать на происходящее и оперативно приспосабливаться к новой реальности.

Стратегические приоритеты

Следующий этап развития Азербайджана, который по времени совпадает с предстоящим третьим президентским сроком Алиева, будет сложнее предыдущих. Нефтяной бум в стране вскоре кончится, но Азербайджан попытается компенсировать это, став

крупным поставщиком газа в Европу. Во внешней политике Азербайджан балансирует между своими более крупными соседями, причем ключевым фактором и здесь выступают энергоносители. Отношения с южным соседом – Ираном – у Азербайджана прохладные, а с Россией прагматичные.

Турция, язык которой очень близок к азербайджанскому, – безусловно, его лучший партнер. Баку готов заключить крупную газовую сделку с Анкарой. Но их отношения не столь безоблачны, как можно было бы ожидать. Частично виной этому резкое различие идеологических взглядов умеренного исламиста Реджепа Тайипа Эрдогана и подчеркнуто секулярного Ильхама Алиева, которые явно не доверяют друг другу. Хотя Турция обеспечивает Азербайджану путь на Запад, Баку отнюдь не всегда значителен среди турецких приоритетов. Так, азербайджанское руководство было неприятно удивлено и разгневано, когда Турция начала процесс нормализации отношений с Арменией в 2008 и 2009 гг. И только уступая давлению Баку, Анкара оставила эти свои попытки.

Нужно сказать, что отношения Азербайджана с Россией несколько загадочны. В августе 2013 г. президент России Владимир Путин побывал в Баку в сопровождении делегации самого высокого уровня. Обе страны, политические и экономические модели которых во многом схожи, публично декларируют дружбу и сотрудничают по ряду направлений, одновременно втайне питая подозрения относительно намерений друг друга.

В 1990-е годы Азербайджан был главным каналом проникновения в Россию исламских боевиков из-за рубежа для участия в чеченской войне. В наши дни Баку и Москва сотрудничают в усилиях сделать непроницаемой границу между двумя странами, проходящую в горной местности, с тем чтобы воспрепятствовать просачиванию исламистов в Дагестан. Торговля между обеими странами тоже на подъеме. Недавно Россия объявила о продаже Азербайджану большой партии оружия. В Баку Путин заявил, что объем военно-технического сотрудничества между Азербайджаном и Россией в настоящее время оценивается в 4 млрд долл.¹

Однако в отношениях двух стран есть и менее позитивные моменты. В прошлом году Азербайджан фактически вынудил Россию закрыть Габалинскую радиолокационную станцию (РЛС), затребовав за нее несусветно высокую арендную плату. Серьезный ущерб достижению внешнеполитических целей могут также нанести внутривнутриполитические факторы. Так, азербайджанские СМИ и парламентарии постоянно обвиняют Россию в том, что она якобы

стояла за победой армян в карабахском конфликте, в ходе которого Азербайджан потерял значительную часть своей территории.

В Азербайджане очень остро отреагировали и на события в московском Бирюлёво в октябре 2013 г., когда обвинение этнического азербайджанца (и гражданина Азербайджана) Орхана Зейналова в убийстве русского молодого человека повлекло за собой взрыв агрессии и насилия антииммигрантского и ксенофобского характера в городах России, за которым последовало демонстративно жесткое задержание Зейналова, широко транслировавшееся по российским телеканалам.

Азербайджан также стремится наладить хорошие отношения с Западом, в первую очередь на основе сотрудничества в сферах энергетики и безопасности. В 2018 г. должен войти в строй Трансадриатический газопровод (ТАР), по которому с азербайджанского месторождения Шах-Дениз через Турцию в европейские государства будет ежегодно поступать не менее 10 млрд м³ природного газа. Согласно прогнозам, экспорт нефти из Азербайджана к тому времени пойдет на убыль (на самом деле он уже и сейчас меньше пикового показателя, достигнутого в 2010 г., из-за падающей добычи на шельфовом месторождении Азери-Чираг-Гюнешли в Каспийском море).

Сооружение Трансадриатического газопровода сделает Азербайджан энергетическим партнером Европейского союза. Однако для Соединенных Штатов стратегическая ценность Баку к 2018 г. скорее всего уменьшится. Сейчас через Азербайджан проходит один из важнейших транзитных маршрутов в Афганистан, но к тому времени вывод американских войск из Афганистана должен быть завершен. Возможно, улучшатся и отношения Вашингтона с Тегераном, а это означает, что Соединенные Штаты будут меньше сосредоточены на сдерживании Ирана с помощью его соседей, в частности Азербайджана.

Бывший посол США в Азербайджане Ричард Козларич так видит складывающуюся ситуацию: «В связи с изменениями в сфере региональной безопасности (по мере вывода сил западной коалиции из Афганистана) и на мировом энергетическом рынке (Азербайджан сталкивается с все более острой конкуренцией на рынках нефти и газа) значимость Азербайджана в мировом масштабе за последние несколько лет уменьшилась. Из этого следует, что Азербайджану придется создавать новую основу для поддержания позитивных отношений как с Западом, в частности с Соединенными Штатами, так и со своими ближайшими соседями».

Неурегулированный конфликт

Поскольку соседи у Азербайджана в ближайшие пять лет останутся теми же самыми, сохранится и острейшая – как для Азербайджана, так и для Армении – проблема принадлежности Нагорного Карабаха, которой уже 25 лет.

Опросы общественного мнения показывают, что для простых азербайджанцев этот неразрешенный территориальный спор остается проблемой номер один. Почти 20 лет спустя после того как Азербайджан потерпел чувствительное военное поражение в конфликте с Арменией, карабахскую проблему по-прежнему чрезвычайно трудно сдвинуть с мертвой точки. И как заметил один западный дипломат в Баку, «это именно та проблема, в отношении которой президент Алиев не может позволить себе сделать неверный ход».

В последние годы правительство Азербайджана увеличило военный бюджет до 4 млрд долл. в год. По замыслу, он должен превосходить весь государственный бюджет Армении. Президент Алиев утверждает, что он желает разрешить спор мирным путем, но его страна оставляет за собой право применить – в долгосрочной перспективе – силу, чтобы вернуть потерянные территории. Между тем на данный момент эта линия прекращения огня, или линия контакта, остается самой опасной милитаризованной зоной в Европе. Каждая из сторон разместила здесь более 20 тыс. солдат, противостоящих друг другу, в результате чего часто возникают перестрелки, в которых ежегодно гибнет более трех десятков человек. Так что этот конфликт трудно назвать «замороженным». Хотя степень реального насилия и невелика, уровень риторического насилия пугающе высок. Обе стороны, особенно азербайджанская, используют предельно воинственный язык по любому спорному поводу. Большая часть этой агрессивной риторики не что иное, как чистой воды политический театр, в конце концов армяне и азербайджанцы вполне мирно уживаются совсем недалеко от зоны конфликта – в Грузии. Как бы то ни было, гневная риторика подрывает надежды на мирное урегулирование проблемы.

Поддерживать мир вокруг Карабаха² с каждым годом становится все труднее. Армяне постепенно привыкают к тому, что они владеют этой землей, и все менее склонны соглашаться с формулой «земля в обмен на мир», которая могла бы быть положена в основу мирного соглашения. Азербайджанский же лидер сталкивается с нереальными, завышенными ожиданиями в обществе, ко-

гда его значительная часть выступает за решение проблемы вооруженным путем. Тем временем все внешние силы определенно стремятся предотвратить новый, потенциально разрушительный конфликт из-за этой спорной территории.

Все это означает, что наиболее вероятным сценарием развития событий в ближайшие годы явится сохранение ситуации «ни мира, ни войны», хотя вероятность новой вспышки военных действий, вызванной либо чьим-то просчетом, либо политическим кризисом, с каждым годом возрастает и требует к себе самого серьезного отношения.

Непрозрачная политика

В выборах 9 октября участвовали десять кандидатов, но из них реальным весом обладали только двое: действующий президент и кандидат от объединенной оппозиции Джамиль Гасанли³. Тот факт, что Алиев баллотировался на третий срок, сам по себе вызывал споры. Ранее президент в Азербайджане мог оставаться на своем посту два срока, т.е. в этом году Алиев должен был бы уйти в отставку. Однако в марте 2009 г. он организовал конституционный референдум⁴, результаты которого позволили ему баллотироваться на третий срок подряд⁵.

Гасанли получил 5,5% голосов и занял второе место. Представители оппозиции утверждают, что их кандидаты стали жертвами фальсификаций. Их поддержала наиболее влиятельная группа наблюдателей – от ОБСЕ, представители которой заявили, что итоги выборов 9 октября искажены в результате ограничения свободы мнений, собраний и ассоциаций, не позволившего обеспечить равные условия для всех претендентов. Кампанию омрачали также непрерывные жалобы кандидатов и избирателей на запугивание и ограничения в отношении СМИ⁶.

Результаты выборов отражают наличие сложных проблем в рядах азербайджанской оппозиции. Две последние избирательные кампании продемонстрировали ее очень плохую организацию. Многие из лидеров оппозиции – это ветераны недолго просуществовавшего правительства Народного Фронта (1992–1993), популярность которых за эти годы ощутимо упала. В этом году оппозиции на короткое время удалось повысить свои ставки, выдвинув единым кандидатом весьма уважаемого человека – кинорежиссера Рустама Ибрагимбекова, который пользуется международной известностью. Невзирая на то что его высоко ценил

Алиев-отец, а теперь и сын, Ибрагимбеков резко критикует нынешнее правительство Азербайджана, особенно за коррупцию и ситуацию с правами человека.

Однако в конце концов Ибрагимбекову пришлось снять свою кандидатуру, потому что у него было двойное гражданство: азербайджанское и российское. Он попытался отказаться от последнего, но не уложился в срок, оставлявший ему возможность баллотироваться на пост президента. Тогда вместо него основные оппозиционные группы совместно выдвинули кандидатом 61-летнего историка Джамиля Гасанли.

Но ни до, ни после выборов оппозиция так и не смогла вывести большое число людей на улицы. Невозможно точно определить, чем это было обусловлено: отсутствием народной поддержки или просто страхом. Конечно, азербайджанской оппозиции приходится работать в весьма сложных условиях. Оппозиционные партии не могут проводить митинги в центре Баку и имеют ограниченный доступ к эфирному времени на телевидении; более того, кое-кто из оппозиционных активистов в этом году был арестован.

Вообще в 2013 г. правительство жестко обходилось с инакомыслящими. Два ведущих оппозиционных политика⁷ – Ильгар Мамедов и Тофик Ягублу – в феврале были арестованы по сомнительным обвинениям и до сих пор находятся под стражей. Против Хадиджи Исмаиловой, занимающейся журналистскими расследованиями и публикующей статьи о коррупции в среде азербайджанской элиты⁸, была развернута кампания травли.

Недавно организация *Human Rights Watch*⁹ опубликовала доклад о наступлении на демократию в Азербайджане, в котором утверждается: «Правительство прилагает скоординированные усилия, имеющие целью ограничить политическую активность оппозиции, наказывает тех, кто критикует его действия или выступает с публичными обвинениями в коррупции, а также ужесточает контроль за неправительственными организациями». В ответ на это в начале сентября заведующий отделом политического анализа и информационного обеспечения в администрации президента Азербайджана Эльнур Асланов¹⁰ назвал данный доклад политически мотивированным, заявив, что *Human Rights Watch* «работает по заданиям различных центров. В этом докладе не упоминается ни одно из последних достижений Азербайджана, и это ясно указывает на то, что его авторы выполняют чей-то заказ».

Все это означает, что хотя в краткосрочной перспективе оппозиция сделает все возможное, чтобы опротестовать результаты

выборов, политическая конкуренция в Азербайджане в ближайшие годы, скорее всего, будет возможна лишь внутри правящей элиты.

Бывший президент Гейдар Алиев руководил Азербайджаном с конца 1960-х по 2003 г., сначала как лидер коммунистов, а потом (с небольшим перерывом) в качестве избранного президента. Он создал вертикаль власти, в рамках которой лично контролировал каждое серьезное решение и завоевал огромный авторитет.

При его сыне, ставшем президентом в 2003 г., система власти несколько изменилась. Избранный президентом на третий срок, младший Алиев выйдет из могучей тени отца, который избирался президентом страны лишь на два срока. У него появится возможность отодвинуть в сторону некоторых авторитетных ветеранов из команды отца, таких как руководитель администрации президента Азербайджана 75-летний Рамиз Мехтиев.

Вряд ли он сможет поддерживать тотальный контроль, подобный тому, что установил его отец, поскольку огромный рост национального богатства за последние несколько лет позволил набрать силу и другим политикам. Политическая система в настоящее время более олигархична, и сильные позиции в ней занимают министры: Кемаледдин Гейдаров (министр по чрезвычайным ситуациям) и Зия Мамедов (министр транспорта), у которых есть доступ к экономическим ресурсам и региональная поддержка.

Мнение народа

В таких странах, как Азербайджан, есть определенные трудности с точным замером общественного мнения, но тем не менее имеющиеся данные свидетельствуют о том, что нынешний президент по-прежнему популярен, а общественное недовольство направлено больше против олигархов.

По данным опроса «Кавказский барометр-2012» (они скоро должны быть опубликованы), проведенного осенью 2012 г. Кавказским центром исследовательских ресурсов, 83% опрошенных в Азербайджане доверяют президенту полностью или частично. Респондентов, ответивших, что правительство поступает с ними «справедливо», было намного меньше – 49%, а 39% опрошенных не согласились с этим утверждением.

Наружу народное недовольство в Азербайджане выплескивается не так часто. В начале 2012 г. было несколько разрозненных и, по-видимому, не связанных между собой протестов с участием различных групп азербайджанского населения. Эти демонстрации

были обусловлены в основном социально-экономическими и местными проблемами. Вот что думает по этому поводу адъюнкт-профессор географии в университете Канзаса Шеннон О'Лир: «Общественные протесты в Азербайджане, если и не целиком, то в большой мере, связаны с местными проблемами: например, где-то закрывают мечеть, или родственник местного чиновника не был задержан после дорожно-транспортного происшествия, виновником которого он стал, или торговцы протестуют против появления новых киосков на рынке. Но иногда причиной публичных протестов становятся общенациональные проблемы: например, в январе этого года в Баку имел место несанкционированный протест с участием нескольких десятков человек, причиной которого стала смерть солдата вследствие неуставных отношений».

Таким образом, хотя люди, может быть, и не считают, что правительство обходится с ними справедливо, они не обязательно предъявляют претензии высшему руководству страны. О'Лир объясняет это тем, что «другие проблемы больше задевают их интересы, или власть Алиева кажется им слишком прочной, чтобы ей можно было угрожать. Возможно, люди предпочитают выражать недовольство по поводу локализованных, осязаемых проблем, потому что здесь, как они полагают, у них есть шанс изменить ситуацию».

Наблюдатели в Азербайджане, придерживающиеся разных точек зрения, сходятся в том, что пока общество не видит альтернативы нынешней правящей элите. Бренда Шаффер, профессор университета Хайфы и специалист по Азербайджану, утверждает, что азербайджанское общество сделало выбор в пользу стабильности, которую обеспечивает нынешнее руководство. Она говорит: «Большинство людей в мире, переживших “арабскую весну”, признают, что недееспособное государство не может в достаточной мере обеспечить права человека и что эффективная власть – даже при наличии у нее определенных недостатков – предпочтительнее нестабильности и беззакония. Идея постепенной эволюции политической системы пользуется в Азербайджане широкой поддержкой, а идея быстрых изменений или резкой смены идеологии представляется малопривлекательной».

По мнению активиста-демократа Хикмета Гаджизаде, «в системе, подобной той, что существовала в СССР при [Леониде] Брежнев, оппозиция невозможна. Реально можно, наверное, говорить о примерно двух сотнях отважных активистов, которых не удалось сломить и которые пытаются протестовать, – их можно

назвать диссидентами... но за ними нет никакой народной силы. Люди словно пребывают в спячке». Здесь Гаджизаде ведет, несколько утрируя, речь о наиболее активной части оппозиции. Но ведь даже по официальным данным за Гасанли проголосовали 200 тыс. избирателей, а реально, возможно, и значительно больше.

Важной неизвестной величиной остается политический ислам. Официально Азербайджан следует образцу кемалистской Турции – светского государства, в котором большинство составляют мусульмане. Баку – один из немногих мусульманских городов в мире, где вы не услышите муэдзина, созывающего правоверных на молитву. Тем не менее легко заметить, что многие азербайджанцы, особенно молодежь, предпочитают более ярко выраженную мусульманскую идентичность. Об этом свидетельствует растущее число молодых людей, посещающих мечеть, и девушек, носящих хиджаб.

Большинство мусульман в Азербайджане – шииты. Азербайджан опасается влияния шиитского Ирана на юге и повстанцев-салафитов с Северного Кавказа на севере. Но подавляя различные внешние проявления ислама, правительство Азербайджана скорее не улучшило, а ухудшило ситуацию. В ноябре 2011 г. оно ввело запрет на ношение платков-хиджабов и закрыло несколько мечетей. Но тем самым оно устранило лишь внешние проявления воинствующего ислама, а не его причины, и загнало инакомыслящих в подполье.

Внешне Азербайджан, безусловно, стабилен, но в ближайшие пять лет ситуация может измениться. И определяющим фактором изменений почти наверняка окажется экономика.

Экономические перспективы

После нескольких лет рекордного роста экономики главный вопрос для Азербайджана на ближайшее будущее можно сформулировать так: устойчива ли его нынешняя экономическая модель, которая в значительной степени зависит от экспорта нефти (подробные ответы экспертов на этот вопрос см. ниже в разделе «Развернутые ответы»).

Благодаря доходам от экспорта нефти, транспортируемой по нефтепроводу Баку–Тбилиси–Джейхан, темпы роста экономики Азербайджана в период между 2005 и 2007 гг. были самыми высокими в мире. Но сейчас добыча падает. Выступая в Вашингтоне, округ Колумбия, в сентябре 2013 г. специалист из Центра страте-

гических исследований в Баку Гюльмира Рзаева¹¹ заявила, что начиная «с 2015–2016 гг. [добыча нефти] будет... заметно падать». «Доходы достигли пика в 2010 г. и теперь медленно снижаются, хотя Государственный нефтяной фонд, созданный в 2001 г., как раз и предназначен для поддержки государственного бюджета в случае такого снижения».

Падение мировых цен на нефть скорее ударит по экономикам богатых нефтью соседей Азербайджана – Ирана и России, чем самого Азербайджана, утверждает Бренда Шаффер. Если в ближайшем будущем цены на нефть понизятся, Азербайджан не очень пострадает от этого, потому что «он регулярно закладывает в свой государственный бюджет цену ниже фактической», – отмечает Шаффер. Азербайджан также «имеет сравнительно небольшую численность населения, поэтому он сможет удержать государственные службы на должном уровне, даже если цена на нефть понизится. Но странам с большим населением, экономика которых тоже базируется на экспорте нефти, таким как Иран и Россия, будет труднее поддерживать уровень социальных услуг на прежнем уровне, если цена на нефть снизится надолго», – добавляет она.

Но хотя Азербайджану удастся смягчить эффект краткосрочного снижения доходов от продажи нефти, он вынужден осознавать новую суровую реальность: время легко достающихся больших доходов от нефти заканчивается. Чтобы справиться с этой проблемой, Азербайджан собирается в ближайшие пять лет превратиться в крупного экспортера газа.

Европейский союз уже много лет проталкивает проект сооружения газопровода «Набукко», предназначенного для транспортировки газа с азербайджанского месторождения Шах-Дениз в страны Центральной Европы. Неопределенность в отношении самокупаемости «Набукко» в итоге привела к тому, что теперь речь идет уже не о столь амбициозном, но все же достаточно крупном проекте Трансадриатического трубопровода, который будет начинаться в Греции и пройдет через территорию Албании и Адриатическое море в Италию. По словам Лорана Русекаса из *IHS Cambridge Energy Research Associates*, не так важен фактический маршрут трубопровода, как сам факт того, что прокладывается прямой путь от Каспийского моря в Западную Европу. «Если все пойдет, как предполагается, реализация второй фазы проекта Шах-Дениз сделает Азербайджан крупным поставщиком газа», – говорит он.

Вместе с тем Государственная нефтегазовая компания Азербайджана SOCAR¹² расширяет свою деятельность на международном уровне и в будущем останется одним из игроков в европейской энергетической политике. Она является серьезным инвестором в Грузии и в Турции (НПЗ «Стар» в Измире). Недавно SOCAR также купила две трети акций газораспределительной сети Греции¹³.

Хотя по масштабам *TAP* скромнее «Набукко», именно это делает его менее уязвимым для колебаний спроса на газ в Европе. Накопленный опыт работы по проекту «Баку–Тбилиси–Джейхан» позволяет также оптимистично оценивать перспективы Транс-адриатического газопровода, поскольку в этом случае, как только проект был одобрен, поставщики и потребители стали учитывать его в своих планах на будущее, тем самым подтверждая его жизнеспособность.

Однако по сравнению с нефтяным рынком мировой газовый рынок более волатilen и доходы на нем в целом ниже. По словам Рзаевой (сентябрь 2013 г.), «если за 1000 т нефти Азербайджан получал около 800 долл., то за 1000 м³ газа он будет получать только 50 долл. Это сравнение наглядно демонстрирует разницу между доходами страны от нефти и от газа». Даже самые оптимистические прогнозы предполагают, что за десятилетие страна получит за газ менее половины того, что она зарабатывает ныне на экспорте нефти. Между тем на пятки Азербайджану наступают другие производители углеводородов, и азербайджанскому газу придется конкурировать с газом из Алжира, Восточного Средиземноморья и Северного Ирака, а также со сжиженным природным газом (СПГ) из других регионов мира.

Но чем дольше доходы от нефти и газа поступают в государственный бюджет Азербайджана, тем больше в обществе возникает вопросов о том, как распределяется это новое богатство. Коррупция уже сейчас вызывает серьезную озабоченность. Например, крупный скандал разгорелся в прошлом году, когда бывший ректор университета, сбежавший во Францию, распространил компрометирующую информацию о продаже-покупке мест в парламенте страны¹⁴. В 2012 г. по индексу восприятия коррупции¹⁵, определяемому организацией *Transparency International*, Азербайджан занял 139-е место (из 176), оказавшись на одном уровне с Россией.

Как считает О’Лир, анализ опыта стран, находящихся в сходной ситуации, т.е. стран с чрезмерной зависимостью экономи-

ки от экспорта нефти, свидетельствует, что «неравномерное распределение выгод от нефтяной ренты позволяет правящей политической элите не заниматься совершенствованием системы государственного управления с целью создания базы для процветающего общества». Она предостерегает: «Если Азербайджан продолжит движение по этому пути, ожидания его населения могут так и не исполниться».

Глядя в будущее

Свой третий президентский срок Ильхам Алиев начинает, находясь в относительно безопасном положении. Азербайджан переживает невиданный расцвет и добился заключения важного международного соглашения, впервые предусматривающего поставки газа напрямую с Каспийского моря в Европейский союз.

Однако политическая система Азербайджана остается закрытой и непрозрачной, и это вызывает тревогу, потому что опыт руководителей, уже давно возглавляющих соседние страны (Эрдогана в Турции и Владимира Путина в России), показывает, что даже лидеры, чья власть, казалось бы, непоколебима, сталкиваются с опасными и неожиданными вызовами, возникающими словно бы из ничего. Остаться неподвижными, когда мир вокруг быстро меняется, – это не выход для азербайджанского руководства. Следующие пять лет будут для Азербайджана критическими: ему придется адаптироваться и проводить реформы, необходимые для решения совершенно новых экономических и международных проблем.

Приложение: Развернутые ответы

В сентябре 2013 г. нескольким специалистам по Азербайджану было предложено ответить на вопрос: «Является ли азербайджанская экономическая модель устойчивой?» Вот их ответы:

Губад Ибадоглу, член руководства Центра экономических исследований (Баку): «В краткосрочной перспективе – да, но в среднесрочной и долгосрочной перспективе велики финансовые риски».

Ричард Козларич, бывший посол США в Азербайджане: «В свете стагнации или сокращения экспорта энергоносителей и отсутствия серьезной экономической диверсификации в неэнергетическом секторе нынешняя экономическая модель не выглядит

устойчивой. Если же экономическая модель неустойчива, то и нынешняя политическая система, построенная на коррупции, будет испытывать сильные перегрузки».

Лоран Русекас, старший советник компании *IHS Cambridge Energy Research Associates*: «В масштабе пяти-десяти лет – возможно, но в долгосрочной перспективе, конечно, нет, так как азербайджанская экономическая модель основана на доходах от экспорта нефти, которые постепенно сокращаются. Скорее всего, Азербайджан превратится в крупного экспортера газа, и доходы от экспорта газа, как и от экспорта конденсата с газовых месторождений, помогут ему выжить. Но... весьма вероятно, что при отсутствии значительного подъема мировых цен на нефть в Азербайджане проявится общая тенденция к медленному снижению доходов от экспорта углеводородов. При этом сокращаются возможности инвестирования нефтяных денег в местную экономику, а это негативно отразится на развитии других секторов, которое в последние несколько лет было относительно устойчивым».

Бренда Шаффер, профессор университета Хайфы и приглашенный исследователь в Университете Джорджтауна: «Более половины доходов, получаемых Азербайджаном от экспорта нефти, направляется в Государственный нефтяной фонд, благодаря чему страна с ее относительно небольшим населением сможет пережить возможные скачки цен на нефть. В отличие от экспорта нефти, прибыль от реализации газовых проектов начинает поступать далеко не сразу, обычно более чем через десять лет. Однако осуществление новых проектов экспорта газа будет стимулировать хозяйственную деятельность и создание рабочих мест. Значительную часть запасов на месторождении Шах-Дениз составляет газовый конденсат, и экспорт этого продукта может обеспечить быструю прибыль, в то время как от начала реализации любого проекта экспорта природного газа с использованием трубопроводов до поступления первой прибыли проходит много времени».

Автор благодарит Александру Мак-Лис за неоценимую помощь в проведении исследований. Все цитаты, если прямо не указано иное, взяты из ответов на вопросы, посланные комментаторам по электронной почте.

Примечания

- ¹ <http://www.bloomberg.com/news/2013-08-13/azeri-russian-arms-trade-4-billion-amid-tension-with-armenia.html>
- ² <http://carnegieendowment.org/2013/06/19/new-narrative-for-karabakh-conflict/gb2e>
- ³ http://history.bsu.edu.az/en/content/jamil_poladkhan_hasanly_248
- ⁴ <http://humanrightshouse.org/Aiticles/10357.html>
- ⁵ http://www.rferl.org/content/Azerbaijani_Parliament_Approves_Referendum_On_Presidential_Term_Limit/1364057.html
- ⁶ <http://www.osce.org/odihr/elections/106901>
- ⁷ <http://www.amnesty.org/en/for-media/press-releases/azerbaijan-opposition-candidate-arrested-ahead-presidential-elections-2013>
- ⁸ <http://www.freedomhouse.org/article/smear-campaign-escalates-against-azerbaijani-rferl-reporter>
- ⁹ <http://www.hrw.org/reports/2013/09/01/tightening-screws>
- ¹⁰ http://en.apa.az/xeber_azerbaijan___s_presidential_administration_198738.html
- ¹¹ <http://www.jamestown.org/press/events/video-azerbaijan-and-the-southern-gas-corridor-to-europe-implications-for-us-and-european-energy-security/>
- ¹² <http://www.invest.gov.tr/en-US/infocenter/news/Pages/220513-socar-signs-turkey-refinery-deal.aspx>
- ¹³ <http://abc.az/eng/news/76138.html>
- ¹⁴ <http://www.theatlantic.com/international/archive/2013/01/how-to-buy-a-seat-in-azerbaijans-parliament/267065/>
- ¹⁵ <http://www.transparency.org/country#AZE>

*«Pro et Contra»,
М., 2013 г., ноябрь-декабрь, с. 76–87.*

М. Лаумулин,

главный научный сотрудник

(КИСИ при Президенте РК), Казахстан

**ПОЛИТИКА США И ЕС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(Сравнительный анализ)**

6 ноября 2012 г. действующий президент США от Демократической партии Барак Обама одержал победу на выборах и добился права на второй срок правления. В ближайшие годы Центральная Азия будет представлять интерес для Соединенных Штатов как транзитный регион для вывода войск и техники из Афганистана (а также в качестве потенциальных клиентов для покупки или аренды американской техники из Афганистана). В случае обострения политических и стратегических отношений между

США и КНР ценность Центральной Азии как доступа к тылу Китая для Соединенных Штатов резко возрастет.

На политику Б. Обамы в Центральной Азии до 2017 г. могут повлиять следующие факторы (помимо афганского и китайского): усиление исламского радикализма и терроризма, крупномасштабный и затяжной конфликт с Ираном, чрезмерное сближение с Россией в рамках курса В. Путина по реинтеграции постсоветского пространства, непредсказуемая смена власти в некоторых центральноазиатских государствах.

Принципы, методы и задачи центральноазиатской политики Б. Обамы

В традиционных подходах США к Центральной Азии выделяются три подхода: «сбалансированное укрепление», «прежде всего демократия», «прежде всего безопасность»¹. Принцип «сбалансированного укрепления», несомненно, пользуется поддержкой новой администрации. Он состоит в том, что США должны придерживаться курса на сбалансированную реализацию всех своих стратегических целей (политика, демократия и энергоресурсы), проводить в жизнь многомерный подход, направленный одновременно на решение проблем безопасности, демократии и экономических интересов.

Принцип «прежде всего демократия» согласуется с официальными утверждениями о том, что война с терроризмом и демократия – цели отнюдь не взаимоисключающие. Приверженцы этого принципа критикуют центральноазиатскую политику Вашингтона за другое – за то, что слова его расходятся с делом: на словах демократии поют дифирамбы, а в практической плоскости ее приносят в жертву интересам безопасности. Сторонники принципа «прежде всего демократия» полагают, что акцент американской администрации на таких проблемах безопасности, как война с терроризмом, посылает лидерам государств Центральной Азии неверный сигнал и дает им основания считать, что умеренность Белого дома в поддержке политических и экономических реформ в этих странах – награда за их поддержку войны США с терроризмом. Таким обра-

¹ См.: Гуан Тянь Р. От внутреннего к внешнему: Угрозы для политики США в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 2. – С. 103–117.

зом, лидеры этих стран могут счесть американскую поддержку дела демократии и прав человека вопросом отдаленного будущего.

Сторонники принципа «прежде всего безопасность» решительно не согласны с принципом «прежде всего демократия». Они признают большое значение демократических реформ для стабильности в Центральной Азии и для реализации американских интересов в этом регионе, но не считают, что в настоящее время Соединенным Штатам целесообразно сосредоточить основные усилия и ресурсы на утверждении демократии в странах ЦА. Напротив, они считают, что Вашингтону следует умерить риторику о демократии, постараться лучше понять сложную ситуацию в странах региона и сотрудничать с ними в борьбе против терроризма во имя национальных интересов и долгосрочных стратегических целей США. В силу особого геополитического положения Центральной Азии в ней пересекаются интересы крупных держав, что серьезно осложняет положение в регионе. При таких обстоятельствах США следует проявлять осторожность в своем содействии демократии в Центральной Азии.

Что же касается политики США в Центральной Азии в области политической и экономической либерализации, защиты прав человека, то она, похоже, не претерпевает значительных изменений. Так, опубликованный 11 марта 2010 г. Госдепартаментом США ежегодный доклад о соблюдении гражданских, экономических и политических прав человека определяет Узбекистан среди стран, в которых существует наиболее тяжелая ситуация с правами человека (особо отмечается использование детского труда, установление жесткого контроля над СМИ, дальнейшее усиление авторитаризма).

Управление политическими рисками в связи с поставками углеводородов, как и в связи с размещением прямых инвестиций за рубежом, всегда рассматривалось одним из приоритетов американской внешней политики и было частью внешнеэкономической стратегии США. На юбилейном саммите НАТО 2009 г. в Страсбурге члены Альянса решили, что «энергетическая безопасность» является одним из приоритетов НАТО. Это привело к созданию сил быстрого реагирования в Каспийском регионе («Каспийский страж») под эгидой НАТО, а ранее – к появлению в 2008 г. должности посла по энергетическим вопросам в Госдепартаменте США. Представляется, что применительно к региону ЦА данные внешнеполитические инициативы можно рассматривать как по-

пытку объединить ключевые политические и экономические (энергетические) интересы США в Центральной Азии.

Как считают разработчики центральноазиатской политики в администрации Б. Обамы, в новой ситуации США необходимо преодолеть внутренние структурные противоречия своей политики и решить три важнейшие проблемы. Первая – опасения и недоверие самих государств Центральной Азии по отношению к усилиям США по установлению демократии в республиках региона. В связи с этим представляется, что, прежде чем начать проводить в жизнь свою центральноазиатскую политику, Белому дому следовало бы укрепить контакты с правительствами стран региона, чтобы улучшить свой имидж в этих странах. Второй вызов политике США – Россия, которая не согласна с политикой США и будет ей противодействовать; третий – Афганистан¹.

В целом американские эксперты скептически оценивают перспективы реализации концепции «Большой Центральной Азии» (БЦА), оставленной Б. Обаме в наследство администрацией Дж. Буша-мл. Тем не менее эта концепция остается в арсенале внешней политики и нынешней администрации. Однако складывается впечатление, что советники Обамы игнорируют тот факт, что без наличия крепких горизонтальных связей, учитывая специфику политической культуры стран региона, ускоренная глобализация (в том числе в рамках БЦА) может спровоцировать дестабилизацию².

¹ Файзуллаев Д.А. США – Центральная Азия: Перевалочный пункт, или плацдарм? // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 1. – С. 9–14.

² О проекте БЦА см.: Гуан Тянь Р. От Центральной Азии к Большой Центральной Азии: Цели и корректировки стратегии США в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 3. – С. 68–84. Кукеева Ф.Т. Проект «Большая Центральная Азия»: Оценка идеи // Стратегическое партнерство США и Казахстана в XXI веке: Состояние, проблемы, перспективы. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 9–18. Саидмуратов А., Пусева Е. Концепция Большой Центральной Азии во внешней политике США в Центрально-Азиатском регионе // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – № 3. – С. 118–125. Старр Ф.С. В защиту Большой Центральной Азии / Казахстан-Спектр (Алматы, КИСИ). – 2008. – № 4. – С. 15–26. Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: Анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 1. – С. 85–97. Starr S.F. In Defense of Greater Central Asia. – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS, 2008. – 18 p. Tulepbergenova G. The Greater Central Asia Project: Present State and Evolution // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). – 2009. – №. 2. – P. 5–10.

Проблемы, с которыми сегодня сталкиваются США в реализации проекта БЦА, выводят ее практическую реализацию на средне- и долгосрочную перспективу. В обозримой перспективе содержание инициатив США в регионе будет реализовываться на основе существующих двусторонних договоренностей и проектов с государствами ЦА. Что касается взаимосвязи проектов «Большой Ближний Восток» и «Большая Центральная Азия», то их реализация зависит от того, насколько успешно будет осуществляться политика Вашингтона на Ближнем Востоке, а также от развития ситуации в Афганистане. Учитывая последние события на Ближнем Востоке, можно говорить о том, что в среднесрочной перспективе США не оставили попыток реализовать эти «мегапроекты». Таким образом, интеграция Центральной Азии как единого региона в Евроатлантическое пространство остается на повестке дня американской стратегии в долгосрочной перспективе. В целом проект БЦА – лишь часть стратегического планирования Вашингтона, нацеленного на трансформацию всей Евразии в масштабное подконтрольное геоэкономическое пространство, включающее в себя регион Каспия, Центральную Азию, Средний Восток и Южную Азию. Тем самым в рамках стратегического планирования США теоретически могут быть заложены перспективы создания на юге «санитарного кордона» по периметру границ России и Китая, а геополитическое поле участников региональной конкуренции расширено в интересах Белого дома.

В качестве главных направлений корректировки политики США в регионе предполагаются:

- восстановление ряда должностей и подразделений в администрации и создание департамента Южной и Центральной Азии;
- попытка интегрировать Центральную и Южную Азию с упором на роль Афганистана, с тем чтобы сформировать «Большую Центральную Азию»;
- планы относительно транспортного коридора «Север–Юг» для диверсификации экспорта энергоресурсов из Центральной Азии;
- применение разного (с точки зрения стратегии) подхода к разным странам региона, чтобы превратить Республику Казахстан в «коридор реформ» и «регионального лидера»;
- больше, чем прежде, акцентировать внимание на роль просвещения и неправительственных организаций в продвижении демократии в ЦА с целью ослабить опасения, связанные с политикой продвижения демократии в регионе.

В регионе Центральной Азии, считают американские аналитики, действуют противоположные факторы: каждая из стран стремится преодолеть собственные внутренние трудности – США пытаются усилить свое влияние, а Россия налагает ограничения. Многие государства Центральной Азии можно «просто купить», одни ведут свою игру, а другие твердо решили ждать разрешения Москвы на подобную сделку с США. Какие бы соглашения ни заключил Вашингтон – о транзите через Каспийское море или непосредственно по российской территории, доступ в Афганистан с севера невозможно получить без договоренности хотя бы с одним государством Центральной Азии. Прежняя американская администрация пока не заявляла, что ее политика в странах Центральной Азии требует серьезной коррекции. Однако осознание допущенных ошибок требует этого. Американские эксперты выделяют три серьезные ошибки в политике США в Центральной Азии: при решении проблем государств региона США даже не пытались согласовать позиции различных государственных ведомств; Вашингтону недоставало понимания специфики стран и народов ЦА и региона в целом; США даже не пытались скоординировать свои усилия с действиями других внешних акторов.

После прихода к власти администрации демократов во главе с Б. Обамой ожидалось, что Вашингтон начнет активно пересматривать свою стратегию в Центральной Азии, в частности – откажется от концепции «Большой Центральной Азии». Тем более что продолжение войны в Афганистане делало необходимым использование транспортных путей, проходящих через Центральную Азию. Для оснащения своей группировки в Афганистане Вашингтону нужен надежный маршрут через территорию стран СНГ, поскольку транзит грузов в связи с политической нестабильностью в Пакистане и осложнением отношений между Исламабадом и Дели становится практически невозможным с точки зрения безопасности. На сегодняшний день в связи с масштабными планами администрации Обамы речь идет о еще большем расширении американского военного присутствия в центральноазиатских странах, которые, как ожидается, будут играть жизненно важную роль в поддержке операций в Афганистане.

Планы США по Афганистану усилили в ряде стран ЦА ожидания значительного увеличения американской помощи и инвестиций. Но сохранялись опасения относительно того, что Вашингтон использует антитеррористическую операцию для укоренения

своей военной группировки в Центральной Азии, так как он это уже делал в 2001–2002 гг.

Другой проблемой американской политики в регионе, которая нуждается в корректировке со стороны администрации Б. Обамы, является отношение США к ОДКБ. Белый дом считает, будто ОДКБ подконтрольна России и установить отношения с ней – значит признать эту организацию как законного члена международного сообщества. Таким образом, Вашингтону необходимо хотя бы на минимальном уровне поддерживать контакты с РФ по важнейшим проблемам, возникающим в странах ЦА. Это ускорило бы развитие отношений со странами региона и дало понять Москве, что на самом деле Вашингтон отнюдь не стремится, не считаясь ни с кем другим, преследовать свои интересы.

В Москве считают, что проблемы с размещением и функционированием российских военных объектов в Киргизии и Таджикистане создают некоторые проамериканские политики этих стран. В Киргизии таким политиком считается президент Р. Отунбаева, в Таджикистане – глава МИД Х. Зарифи. Можно было бы предположить, как будет строиться политика Б. Обамы в регионе. Очевидно, что должна быть предпринята попытка устранить прежние изъяны в центральноазиатской политики Вашингтона. В первую очередь это относится к усилению координации различных ведомств (Госдепа и Пентагона). Но в целом администрация Б. Обамы получила в наследство от своих предшественников достаточно мощную базу для осуществления глубокого и регулярного влияния с позиции так называемой «мягкой силы». Имеются в виду разнообразные фонды и их отделения, информационные и культурные центры, американские «уголки» и советы и т.д. Всего таких ресурсных центров США в регионе насчитывается: в Казахстане – 22, в Киргизстане – 15, в Таджикистане – 9, в Туркменистане – 5 и в Узбекистане – 1 (кроме того, радиостанция «Голос Америки» вещает на узбекском языке)¹.

Однако, как выяснилось, у администрации Б. Обамы не было четкой концепции своей политики в регионе. Все интересы США в ЦА сосредоточены прежде всего вокруг военной операции в Афганистане. Значимость региона для администрации вытекает из возможности обеспечивать транзит военных грузов для коали-

¹ Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: Публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии. – Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – № 3. – С. 73–86.

ционных войск США и НАТО в этой стране. В апреле 2010 г. внимание Б. Обамы было привлечено к региону в связи с событиями в Киргизстане. Белый дом занял позицию, которая подразумевала ответственность за стабильность в этой республике и в регионе в целом таких стран, как Россия (лидер ОДКБ) и Казахстан (председатель ОБСЕ). Относительно сотрудничества США (совместно с ЕС) с государствами Центральной Азии в сфере энергетики – эта задача остается приоритетной и для нового хозяина Белого дома. Ставка будет делаться на дальнейшую «американизацию» Каспия и переориентацию потоков каспийских нефтегазовых ресурсов в европейском направлении. США вместе со своими партнерами в ЕС будут и дальше прилагать усилия к тому, чтобы магистральные нефте- и газопроводы прокладывались из этого региона на европейские рынки в обход российской территории¹.

В марте 2011 г. цели и задачи политики США в ЦА изложила помощник госсекретаря США по вопросам Центральной Азии С. Эллиотт. По ее словам, частью американской политики в Центральной Азии являются ежегодные консультации с каждой из стран региона. Одним из аспектов, которые американская сторона обязательно обсуждает, является свобода СМИ, вероисповедания или политических собраний. Вашингтон старается убедить власти в этих странах, что им необходимо создавать экономические и политические возможности для молодежи (с учетом происходящего на Ближнем Востоке).

США не хотели бы подойти к той точке, где бы им пришлось выбирать между нынешними лидерами или силами революции, свергающими правительства. США будут выступать против того, чтобы власти в Центральной Азии попытались «закрутить гайки и ограничивать свободы»². Кроме того, в своей стратегии в ЦА США вынуждены учитывать китайский фактор. В марте 2011 г. заместитель госсекретаря США Роберт Блейк, курирующий отношения с Центральной Азией, посетил Китай. США и КНР обсуждали, каковы цели Америки в регионе и чего хочет Пекин. КНР прокладывает трубопроводы из региона, Центральная Азия является важным рынком для китайской продукции, а три страны ЦА граничат с КНР. Таким образом, Вашингтон изучает

¹ Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. – М.: Международные отношения, 2009. – 200 с.

² Bohr A. Central Asia: Responding to the Multi-Vectoring Game // *America and a Changed World: A Question of Leadership*. – London: RIIA, 2010, pp. 109–124.

возможности сотрудничества с Китаем в регионе. С другой стороны, Соединенным Штатам очень бы хотелось, чтобы Китай активнее участвовал в восстановлении Афганистана. Хотя из-за глобального финансового кризиса и падения мировых цен на энергоносители можно ожидать свертывания ряда лоббируемых США энергетических проектов на Каспии, этот регион, включающий в себя и ЦА, неизбежно останется ареной конкурентной борьбы с Россией за сферы влияния. Тем не менее наблюдается совпадение интересов США и РФ в регионе. Политическая дестабилизация будет иметь негативные последствия для США и их глобальной стратегии. Для Российской Федерации как региональной державы возникнет масштабная угроза дестабилизации ее южных рубежей.

Как считают некоторые эксперты, Соединенным Штатам вскоре придется выбирать между следующими альтернативами:

- 1) трубопроводы из Казахстана в обход России;
- 2) транспортные пути доставки углеводородов в обход Ирана;
- 3) проекты в области транспортировки энергоресурсов, которые будут ограничивать доступ КНР к ресурсам Центральной Азии.

Очевидно, что невозможно следовать всем трем направлениям сразу. В среднесрочной перспективе США могут сделать ставку на российские проекты транспортировки. В своих отношениях с Россией по поводу Центральной Азии США могут использовать следующий прием: убедить Москву, что регионализация, а в долгосрочной перспективе демократизация и экономическая либерализация есть единственная альтернатива «исламизации» или попаданию региона ЦА в орбиту влияния КНР.

Центральная Азия и Евросоюз

С момента распада СССР Центральная Азия (как и все постсоветское пространство) – это часть «политической Европы», т.е. регион, входящий в сферу геостратегических интересов ЕС. Основанием для подобного подхода в первую очередь (но не только) является принадлежность всех постсоветских государств к ОБСЕ. В первой половине 2007 г. Германия в порядке очередности заняла пост председателя Совета ЕС. Одними из основных задач в повестке

дня ее председательства стали пересмотр и переформулирование политики Евросоюза в Центральной Азии¹. В июне 2007 г. Совет ЕС принял новый Стратегический документ по Центральной Азии, подготовленный в основном германской стороной. Он отражает недостатки и положительные стороны европейской политики в регионе. Согласно документу, подготовленному 31 мая 2007 г. под названием «ЕС и Центральная Азия: Стратегия для нового партнерства» и рассчитанному на период 2007–2013 гг., цели ЕС в регионе состоят в следующем: 1) обеспечить стабильность и безопасность его стран; 2) содействовать сокращению бедности и повышению жизненного уровня в контексте «Целей развития тысячелетия»; 3) всячески содействовать региональному сотрудничеству как между государствами самой Центральной Азии, так и между этими государствами и ЕС, особенно в сфере энергообеспечения, транспорта, высшего образования и защиты окружающей среды².

Стратегические цели ЕС и практические задачи их достижения сформулированы следующим образом:

1. Следует со всей серьезностью отнестись к угрозе исламского радикализма и оказать государствам региона, особенно Узбекистану, помощь в укреплении их правоохранительных органов и в осуществлении радикальных реформ всей системы безопасности.

2. Необходимо уделить значительно больше внимания Афганистану и его роли в экономике и безопасности республик ЦА, в то время как трансконтинентальная торговля должна развиваться по всем направлениям, а не только в направлении России и Европы.

3. Турция могла бы стать критическим связующим звеном, посредством которого у Европы появилась бы возможность оказывать влияние на процессы в Центральной Азии; сотрудничество с Анкарой по этим вопросам должно резко усилиться.

4. Необходимо укреплять сотрудничество с реформистскими силами в правительствах и парламентах государств Центральной Азии.

¹ Туякбаева А.Б. Политика Германии в Центральной Азии. – Алматы: КазНУ, 2009. – 137 с. (на каз. яз.)

² О предыстории вопроса см.: Эшмент Б. Региональная интеграция в Центральной Азии: Взгляд из Европы // Центральная Азия: Состояние и перспективы регионального взаимодействия. Материалы 6-й Алматинской международной конференции по безопасности. – Алматы: КИСИ, 2008. – С. 19–24.

В настоящее время европейские эксперты пришли к выводу, что вероятность провала центральноазиатской стратегии ЕС по многим пунктам документа вполне реальна. В настоящее время в Брюсселе склоняются к тому, что оценивать эффективность стратегии слишком рано и нужно запастись терпением, поскольку для достижения заметных результатов и укрепления взаимного доверия потребуется гораздо больше времени¹. Примечательно, что европейские политики искренне считают, что установление стабильных демократических и светских режимов в странах Центральной Азии и Южного Кавказа позволит создать своего рода «пояс безопасности», отделяющий Европу от нестабильных регионов исламского мира. В целом, среди европейских аналитиков нет однозначного мнения о том, насколько действительно Центральная Азия важна для Евросоюза. Конечно, страны ЕС активно поддерживают участие своих компаний, прежде всего энергетических, в разработке ресурсов региона, чтобы обеспечить бесперебойные поставки нефти и газа из республик ЦА². Фактически, Евросоюз не добился практически ни одной из своих стратегических целей, поставленных еще в 1990-е годы: бедность не устранена; сопротивление реформам не сломлено; положение с правами человека и уровень демократии остались на прежнем уровне; энергетические интересы ЕС не защищены. В сфере безопасности ЕС также топчется на одном месте. Как считают сами европейские аналитики, в сфере безопасности ЕС должен, наконец, выступать в качестве серьезной силы, а не в образе «беззубого бумажного тигра»; в энергетической политике Европа должна вести себя более самоуверенно, а в области демократии ей следует проявлять боль-

¹ Стратегия Европейского союза для Центральной Азии. Три года спустя. – Алматы: ФФЭ, 2010. – 243 с. EU-Strategie für Zentralasien. Drei Jahre danach. – Almaty: FES, 2010. – 243 S.

² Болгова И.В. Политика ЕС в Закавказье и Центральной Азии. Истоки и становление. – М.: Навона, 2008. – 184 с. Лаумулин М.Т. Стратегия Европейского союза в Центральной Азии: Основные этапы и цели // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2009. № 2. С. 72–85. Малышева Д. Центральная Азия и Европейский союз // Россия и новые государства Евразии (ИМЭМО). 2010. № II. С. 24–34. Salvagni L.A. Quel rôle pour l'Union européenne en Asie centrale? // Le Courrier des Pays de l'Est. 2006. No 1057, pp. 17–29. Peyrouse S. Business and Trade Relationships between the EU and Central Asia, EUCAM Working Paper No. 1, June 2009. – Bruxelles: EUCAM, 2009. – 16 p.

ше реализма¹. Кроме того, ЕС мог бы теснее координировать свою стратегию с другими интернациональными акторами, в частности с НАТО и ОБСЕ².

Основной изъян в стратегии и практической реализации политики ЕС в Центральной Азии видят в отсутствии на концептуальном уровне единого европейского подхода и скоординированной единой политики ЕС, хотя бы на уровне крупных держав. Вместо этого мы видим спорадические попытки Берлина оформить стратегические интересы ЕС и выработать некое подобие единой политики, но делает это Германия на основе собственных интересов, которые выдает за общеевропейские.

Говоря о тактике и стратегии Казахстана и других стран Центральной Азии в отношении ЕС, следует исходить из понимания природы заинтересованности Европы в сотрудничестве с регионом и общности интересов ЕС и ЦА. Понятно, что Центральная Азия интересует Евросоюз прежде всего в качестве стабильного источника природных ресурсов. В то же время Брюссель заинтересован в распространении своих нормативных ценностей на наш регион. С другой стороны, европейские государства, как члены НАТО, играют немаловажную роль в борьбе с угрозами, исходящими из Афганистана. Кроме того, ЕС не приветствует доминирующую роль США в Евразии и склонен считаться с ролью России в регионе. В последнее время эксперты говорят о том, что именно Евросоюз способен сыграть в будущем роль противовеса (поскольку Россия самоустранилась) растущему доминированию Китая в Центральной Азии. Все эти факторы следует учитывать при формировании позиции стран ЦА в отношении ЕС³. Очевидно,

¹ Akiner Sh. Partnership Not Mentorship: Re-appraising the Relationship Between the EU and the Central Asian States // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. No. 4, pp. 17–40. Pedro Nicolas de. The EU in Central Asia: Incentives and Constraints for Greater Engagement // Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective / Eds. By M. Esteban and N. de Pedro. – Madrid: Exlibris Ediciones, 2009, pp. 113–135.

² Исаев К. Актуальные вопросы взаимодействия ЕС с государствами Центральной Азии в контексте председательства Казахстана в ОБСЕ // Analytic (КИСИ). 2009. № 2. С. 5–8. Isayev K. Current Issues of Interaction between the EU and Central Asian Countries in the Context of Kazakhstan's Chairing of the OSCE // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2009. No 2, pp. 3–4.

³ Laumulin M.T. The EU and Central Asia: the View from Central Asia // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2009. No 4., pp. 20–24. Laumulin M.T. Central Asia in the foreign Policy Strategy of the European Union // New Europe (Brussels). Special Report: Kazakhstan. 2010. No 878, pp. 20–21.

что на отношения Европейского союза и Центральной Азии в ближайшее время будут влиять геополитические факторы и геоэкономическая ситуация. К ним можно отнести: новую стратегию США в Центральной Азии, неясность перспектив развития военно-стратегической ситуации в Афганистане, состояние отношений между Россией и Западом, мировой экономический кризис, возросшее значение энергетических ресурсов и продовольственной безопасности. Эти факторы могут оказать как динамичное и позитивное влияние на развитие отношений между Европой и Центральной Азией, так и негативно сказаться на их дальнейшей судьбе. Представляется, многое будет зависеть от политической воли самих акторов этой сложной геополитической ситуации. Но нет никаких сомнений, что существует объективная взаимная заинтересованность Европы и Центральной Азии друг в друге.

Пересмотр центральноазиатской евростратегии

Ведущие европейские эксперты по ЦА представили два типа рекомендаций для Евросоюза: общие стратегические и более узконаправленные технические рекомендации¹. Они признают, что в отношении Центральной Азии для ЕС особенно актуальны вопросы безопасности: собственная энергетическая безопасность и как следствие необходимость диверсификации энергетических поставок, а также афганский вопрос. Эксперты не согласны с утверждением, что интересы ЕС в Центральной Азии находятся в конфликте с моральными ценностями Евросоюза, так как страны региона функционируют не на основе декларируемых Евросоюзом методов управления. В сложившейся ситуации для ЕС существует два выхода: либо пожертвовать некоторыми из своих принципов, либо попытаться адаптироваться к сложным политическим условиям в Центральной Азии с целью сделать свои методы работы более реалистичными и эффективными.

Особое внимание заслуживает в планах Евросоюза сотрудничество с Казахстаном, ключевой страной в регионе, которая

¹ Эмерсон М., Бунстра Х., Хасанова Н., Лярюэль М., Пейруз С. К Евразии: мониторинг стратегии ЕС в Центральной Азии. – Brussels: CEPS, Madrid: FRIDE, 2010. – FV+172 pp. Emerson M., Boonstra J., Hasanova N., Laruelle M., Peyrouse S. Into Eurasia: Monitoring the EU's Central Asia Strategy. Report of the EUCAM Project. -Brussels: CEPS, Madrid: FRIDE, 2010. – III+143 pp.

также ставит перед собой задачи укрепления связей с ЕС, документально закрепленные в стратегической программе «Путь в Европу». Председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 г., европейское направление многовекторной внешней политики Казахстана открывают возможности для большей экономической и политической конвергенции с ЕС, в частности, путем укрепления отношений с Советом Европы. Ответом на озвученный Казахстаном курс на дальнейшее сближение с Евросоюзом послужило согласие Брюсселя качественно обновить двустороннее соглашение о партнерстве и сотрудничестве, которое в данный момент находится на стадии переговоров. В то же время Евросоюз намерен неизменно подчеркивать, что в обмен от Астаны ожидают серьезных политических решений и перемен. В случае если такой подход окажется успешным, по мнению ЕС, это может оказать позитивное влияние на весь Центрально-Азиатский регион и стать большим стратегическим достижением, в частности, способствовать прорыву в отношениях ЕС и Узбекистана.

Концепция регионального сотрудничества, применяемая ЕС в Центральной Азии, должна быть пересмотрена. ЕС стоит обратить более пристальное внимание на те возможности, которые открывает сотрудничество государств Центральной Азии со странами-соседями, находящимися за пределами региона (Восточная Европа, Россия, Китай и Южная Азия), там, где у ЕС имеются особые геополитические интересы (к примеру, в сфере энергетики, транспорта и безопасности). На практике ЕС уже применяет концепцию более открытого регионализма, но, в основном, через проекты, связывающие Центральную Азию, и инициативу «Восточное партнерство».

В дальнейшем, по мнению стратегов Евросоюза, это может способствовать возникновению общей евразийской политической стратегии, призванной заменить собой ряд существующих на данный момент раздробленных элементов европейской региональной политики добрососедства. Евразийская концепция, которая учитывала бы все основные политические силы континента, отлично вписывается в идею превращения сложившегося многополярного динамичного мироустройства в новый мировой порядок. Тем самым речь идет уже, конечно, не только о Центральной Азии. Но остается очевидным, что данный регион всегда будет важнейшим пунктом пересечения различных политических и экономических интересов.

Оценивая причины неудачи политики ЕС в ЦА, европейские аналитики приходят к выводу, что проблема заключается в том, что стратегические интересы обозначены достаточно широко, поэтому теряется фокус, а так называемые инструменты деятельности представляют собой разнообразный и обширный набор нормативных целей и технических инструментов. ЕС не обладает потенциалом для осуществления жесткой политики безопасности и потому основывает свою внешнюю политику на содействии развитию нормативного мирового порядка с особым акцентом на права человека, международное право, региональное сотрудничество и международные учреждения. Европейские стратеги считают, что Центральная Азия является единственным местом в мире, к которому проявляют интерес все основные державы планеты: Россия с севера, Китай с востока, Южная Азия с юга и Европа с запада, а также, разумеется, США.

Дифференцированный подход к странам Центральной Азии

Отношения США и ЕС с Казахстаном. Среди всех государств региона наиболее активные контакты с Вашингтоном в 2010 г. имел Казахстан (во многом как председатель ОБСЕ). Хотя для США Центральная Азия на данном этапе важна, прежде всего, с точки зрения поддержки в осуществлении силами коалиции операции в Афганистане, а также поставок энергетических ресурсов на мировые рынки, Казахстан для Вашингтона – это амбициозный, влиятельный и, в отличие от некоторых своих соседей, предсказуемый политический игрок не только в Центрально-Азиатском регионе, но и на всем постсоветском пространстве¹. За последнее кризисное время усилился интерес американских компаний к развивающимся перспективным рынкам, к которым относится и Казахстан. Благодаря внедрению индустриально-инновационной стратегии правительством Казахстана активизировались в нашем направлении инвестиционные компании и банки США. США счи-

¹ См.: Лаумулин М.Т. Казахстан и США: История непростых отношений // Центральная Азия: Внешний взгляд. Международная политика с центрально-азиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф. Эберта, 2008. – С. 151–174. Стратегическое партнерство США и Казахстана в XXI веке: Состояние, проблемы, перспективы. – Алматы: ИМЭП, 2008. – 76 с.

тают, что вступление Казахстана в Таможенный союз не должно негативно отразиться на возможности вступить во ВТО.

Несмотря на то, что сейчас в области развития сотрудничества с Казахстаном активизируются американские агропромышленные компании, а также фирмы, занимающиеся поставкой медицинского оборудования, плюс образовательные учреждения из США, которые хотели бы инвестировать в проекты на территории Казахстана. Однако представляется, что существующее процентное соотношение инвестиций в нефтекомплекс и другие области экономики Казахстана не изменится. 65% американских инвестиций в республику будут и в будущем приходиться на нефть, газ и сопутствующие транспортные магистрали.

За годы развития двусторонних экономических отношений США инвестировали в экономику Казахстана 14,3 млрд долл. (с 1993 г.) – причем в основном именно в нефтегазовую промышленность и сопутствующие ей услуги. Однако сейчас экспорт из США в Казахстан упал до уровня 2005 г. и составил 600 млн долл. за 2009 г., хотя было время, когда он доходил и до 1 млрд долл. Из этой суммы 40% приходится на оборудование для нефтяной отрасли, 25% – на транспортную технику, а все остальное – на компьютеры, телекоммуникации, электронику и химическую промышленность¹.

Казахстан оценивается американскими аналитиками как самое важное в Центральной Азии, крупнейшее по площади и наиболее влиятельное в регионе государство. Но его территория слишком велика, чтобы контролироваться немногочисленным населением. Более того, Казахстан имеет границу с Россией и зависит от нее в плане транзита нефти и природного газа на Запад. Возможно, это изменится со временем, когда начнут работать инфраструктурные проекты. Накануне российско-грузинской войны Казахстан стремился найти экспортные альтернативы для своих богатых энергоресурсов, включая экспортные потоки через Каспийское море и в Китай. Но создание этих маршрутов не заверше-

¹ Ержанов Т. Казахстанско-американское сотрудничество в сфере ядерной энергетики // Analytic (КИСИ). 2010. № 2. С. 18–22. Султанов Б.К. Казахстанско-Американское сотрудничество в экономической сфере // Стратегическое партнерство США и Казахстана в XXI веке: Состояние, проблемы, перспективы. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 35–39. Yerzhanov T. The Kazakh-American Cooperation in the Sphere of Nuclear Power // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2010. No 1, pp. 19–20.

но, а это означает, что Казахстан нуждается в одобрении Москвой любых договоренностей с Вашингтоном. Он не осмелится рискнуть и действовать в одиночку, считают американские аналитики. Когда США и руководству НАТО удалось договориться практически со всеми ключевыми пограничными с Афганистаном государствами о транзите невоенных грузов для миссии сил коалиции, встал вопрос о приглашении к участию в этой операции новых стран и воинских контингентов. Казахстан для подобной роли рассматривался еще с начала 2008 г., т.е. в период, когда в Белом доме находилась администрация Джорджа Буша-мл., а само решение о расширении военной операции сил коалиции в Афганистане еще не было принято.

По дипломатическим каналам американские представители регулярно зондировали почву по участию казахстанской стороны в подобной операции, высоко оценивали участие казахстанских военнослужащих в миссии в Ираке и намекали, что в схожем формате можно было бы сотрудничать и в Афганистане. Формат этот состоял в привлечении военных из Казахстана в качестве штабных офицеров, военных медиков, а также саперов, которые могли бы обучать афганцев (как это было в Ираке) разминировать свою собственную территорию. 13 ноября 2010 г. Казахстан и США подписали дополнительное соглашение о воздушном транзите через территорию Казахстана для доставки грузов в Афганистан. Соглашение расширяет условия договоренностей между Казахстаном и США, в рамках которых США начали транзитные полеты в Афганистан через воздушное пространство Казахстана в 2001 г. 3 декабря 2010 г. Казахстан принял решение направить в состав Международных сил содействия безопасности в Афганистане (ИСАФ) своих военных инструкторов и саперов. Об этом сообщила госсекретарь США Х. Клинтон, совершавшая турне по ряду стран Центральной Азии.

Таким образом, с подписанием соглашения о транзите в Афганистан роль Москвы в афганской проблеме существенно возрастает. Это относится и к странам Центральной Азии. Казахстану следует готовиться к активизации своей политики в отношении Афганистана с учетом вероятных изменений в позиции России.

Очевидно, что США – важный партнер Казахстана в инвестиционной сфере (общая сумма американских капиталовложений в экономику РК уже превысила 15 млрд долл., в ТЭК и в высокие технологии). В этом плане важную роль может сыграть казахстанско-американская инициатива по государственно-частному парт-

нерству. Для США принципиально важно, что в Центральной Азии Казахстан является не столько важным и ключевым звеном во внешней политике, сколько просчитываемым и понятным для Вашингтона партнером. Если с другими странами региона американцам сложно строить свою политику, а действия лидеров этих государств в отношении США выглядят подчас противоречивыми, то с Астаной уже давно налажен доверительный и конструктивный диалог. Тот факт, что Казахстан продолжает вести по отношению к США внятную и дружественную политику, воспринимается в Вашингтоне очень позитивно. Для Казахстана же важно обеспечить легитимность в глазах США политических процессов в стране, прежде всего выборов, что позволяет вывести казахстанско-американские отношения на новый, уровень.

В Брюсселе исходят из того, что в настоящее время открываются уникальные возможности по углублению отношений ЕС и Казахстана с целью сращивания экономического развития этой страны с эволюционными процессами в общественной и политической сферах и более активного участия Казахстана в прогрессивной системе международных отношений¹. По мнению европейских экспертов, система власти РК представляет собой комплексную структуру и состоит из разнообразных групп с различными приоритетами. Тем не менее власти страны нацелены на модернизацию государства, а мультивекторная внешняя политика включает и европейское направление, кроме того, очевидно, что Казахстан всеми силами пытается уменьшить свою зависимость от соседей, России и Китая².

Показателями интереса Казахстана к сотрудничеству с Европой можно считать программу внешней политики «Путь в Европу», принятую в начале 2009 г., а также председательство Казах-

¹ О предыстории вопроса см.: Казахстан и Европейский союз: Результаты и горизонты сотрудничества. – Брюссель, 2007. – 315 с. Казахстан, Россия, Европейский союз: Перспективы стратегического партнерства. Материалы международной конференции. – Алматы, КИСИ, 2009. – 200 с. Лаумулин М.Т. Стратегия ЕС в Центральной Азии и интересы Казахстана // Стратегия Европейского союза для Центральной Азии. Три года спустя. – Алматы: ФФЭ, 2010. – С. 150–163. Серик Р.С. Казахстан и стратегия ЕС в Центральной Азии: Проблемы и перспективы // Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса. 7-я Ежегодная Алматинская конференция. – Алматы: КИСИ, 2009. – С. 224–233.

² Le Kazakhstan: Partenaire Strategique de l'Europe // Diplomatie. Affaires Strategiques et Relations Internationales. – Paris: AREION, 2009. – 16 p.

стана в ОБСЕ в 2010 г. Принятая программа представляет собой план действий, по структуре напоминающий документы ЕС¹. ЕС и Казахстан готовятся начать переговоры по новому СПС. Содержание этого соглашения может быть качественно улучшено и приближено к документам, заключаемым в формате европейской политики добрососедства и восточного партнерства, как, например, договор, подписанный с Марокко, а также соглашение с Украиной².

Основным отличием новых соглашений является то, что отныне они могут включать все компетенции Евросоюза, т.е. сочетать оговоренные в предыдущих соглашениях компетенции Европейского сообщества, а также сферы внешней политики, безопасности, правосудия и внутренних дел. Перспективы в области торговли на данном этапе ограничены, в связи с тем, что Казахстан объединился в Таможенный союз с Россией и Беларусью. В этом случае договор о свободной торговле между ЕС и Казахстаном становится возможным лишь в том случае, если он будет заключен со всеми тремя участниками ТС.

Евросоюз также должен рассмотреть возможность большего вовлечения Казахстана в инициативу «Восточное партнерство». ЕС мог бы уже на данном этапе пригласить Казахстан участвовать в совещаниях рабочих групп, поскольку это позволяет установленный регламент. Более амбициозным планом стало бы приглашение Казахстана участвовать в партнерстве на полноценной основе.

В целом ЕС должен активно поощрять Казахстан в стремлениях развивать свои отношения с Советом Европы и участвовать в Парламентской ассамблее в статусе наблюдателя, включая полноправное членство в Совете Европы, основанное на серьезных политических реформах и большем соблюдении прав человека. Образовательные инициативы ЕС в Казахстане должны выйти за пределы программы ТЕМПУС, которая проводит успешную работу по приближению Казахстана к нормам болонского процесса.

¹ См.: Политические и экономические интересы Германии в Казахстане и Центральной Азии. – Алматы: КИСИ, 2010. – 132 с. Путь в Европу: Модель сотрудничества ЕС и Центральной Азии. – Алматы: КНУ, 2010. – 176 с.

² Isaev K. Cooperation between Kazakhstan and the European Union // Central Asia's Affairs (Almaty, KazIIS). 2010. No 1, pp. 8–11. Laumulin M. EU-Strategie in Zentralasien und die Interessen Kasachstans // EU-Strategie fur Zentralasien. Drei Jahre danach. – Almaty: FES, 2010. – S. 164–178.

Еврокомиссия должна способствовать участию европейских институтов в работе нового технического университета в Астане, не ограничиваясь простым предоставлением стипендий.

В рамках программы для диалогов по правам человека в Казахстане Евросоюз намерен требовать от Астаны выполнения следующих условий: усложнение процедуры выдачи ордера на арест (одобрение ордера); невмешательство правительства в юридические дела; защита прав граждан на этапе досудебного разбирательства; выведение понятий «оскорбление» и «клевета» из уголовного права; развитие законодательства о свободе собраний и приведение законодательства о свободе ассоциаций в соответствие с международными нормами; продвижение свободы выражения, либерализация законодательства о СМИ, укрепление института омбудсмана.

Отношения США и ЕС с Киргизстаном

С точки зрения соперничества США и РФ на постсоветском пространстве и в других регионах Евразии меры по возможному сворачиванию постоянного присутствия США в Киргизстане достаточно логичны, поскольку отражают всю глубинную суть противоречий сторон, особенно ярко проявившихся во второй срок президентства Дж. Буша-мл.¹

До событий апреля 2010 г., приведших к свержению президента К. Бакиева, американская сторона прорабатывала вопрос об открытии на киргизской территории еще одного военного объекта США – учебного центра в Баткенской области. Стоимость объекта сил специального назначения оценивалась в 5,5 млн долл. Ранее американской стороной уже были выделены несколько миллионов долларов на строительство тренировочных центров для киргизских сил специального назначения².

В мае 2010 г. регион посетил заместитель помощника госсекретаря США Дж. Крол, курирующий в Госдепе отношения с

¹ Абылдаев М. Киргизстан – США II Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф. Эберта, 2008. – С. 294–320.

² Лаумулин М.Т. К событиям в апреле 2010 г. в Киргизстане: Взгляд из Казахстана // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2010. № 2. С. 25–43. Лаумулин М.Т. Последствия событий в Киргизстане для региональной безопасности // Председательство Казахстана в ОБСЕ и региональные вызовы. – Алматы: КИСИ, 2010. – С. 57–67.

Центральной Азией. Он провел консультации с представителями нового киргизского руководства, а также с Москвой. Этот визит продемонстрировал заметную озабоченность Вашингтона развитием ситуации в Киргизии, которая могла бы создать угрозу стабильности в регионе и интересам США. В отношении оказания экономической помощи Бишкеку США намерены работать совместно с международными организациями: ООН, ОБСЕ, МВФ, Всемирным банком. В то же время США продолжают все те программы, которые они осуществляли в Киргизии до революции, поддерживая развитие демократии, экономики, свободных и независимых СМИ. США оказали техническую поддержку проведению референдума и последующих выборов, в том числе по линии американских неправительственных организаций.

Характерно, что в июне 2010 г. Пентагон временно приостановил заправку топливом в Центре транзитных перевозок в Киргизстане своих самолетов-дозаправщиков, которые обеспечивают проведение военной операции в Афганистане. Тогда же в июне здесь побывал спецпредставитель НАТО по Центральной Азии и Кавказу Р. Симмонс. В результате летом 2010 г. временный президент Киргизии Роза Отунбаева без участия парламента и легитимного правительства продлила срок пребывания авиабазы США в аэропорту «Манас».

По некоторым данным, Р. Отунбаева тайно снизила арендную плату для американской авиабазы в «Манасе» со 150 млн долл. до 60 млн. При этом она заверила госсекретаря США Х. Клинтон в декабре 2010 г., что новое киргизское руководство сделает все возможное для беспрепятственного функционирования американского центра у себя в стране.

В марте 2011 г. Р. Отунбаева посетила Вашингтон, где вновь просила США помочь в решении вопросов экономического развития. Это не обязательно должна быть прямая финансовая помощь — это могут быть инвестиции американских компаний или закупка продукции в Киргизии для нужд операции в Афганистане. Во время визита в США бывший президент Р. Отунбаева также заявила о готовности открыть на юге Киргизии американский тренировочный центр, хотя у американской стороны не было готового решения относительно этого центра.

На выборах в декабре 2011 г. президентом Киргизстана стал Алмазбек Атамбаев. Политические игры вокруг Манаса продолжились и после его прихода к власти. На своей первой пресс-конференции А. Атамбаев заявил о своих твердых намерениях бо-

роться с коррупцией, вывести авиабазу США и поднять уровень жизни киргизстанцев. А. Атамбаев после прихода к власти официально заявил о сворачивании деятельности Центра транзитных перевозок США в аэропорту «Манас» к 2014 г., что возможно было продавлено Москвой. Однако президент Киргизстана заинтересован в сохранении международного транзита в его стране, в чем он просил содействия у турецкого руководства.

В марте 2012 г. в Бишкек прибыл министр обороны США Леон Панетта. Главной темой переговоров с киргизским руководством была судьба американской авиабазы «Манас». Накануне визита Леона Панетты официальный сайт Пентагона привел его слова: «Транзитный центр в Манасе критически важен для северной распределительной сети, через которую обеспечиваются американские войска в Афганистане. Эта сеть приобрела чрезвычайную важность в последние месяцы, с тех пор как закрылись транзитные пути через Пакистан».

Бишкек дал понять Вашингтону, что после 2014 г. в стране не будет военной базы США, а столичный аэропорт должен стать гражданским коммерческим предприятием. Эксперты, однако, не исключают, что именно слово «коммерческим» может оказаться ключевым. Если Вашингтон сделает Бишкеку коммерческое предложение, перед которым тот не сможет устоять, база может остаться, в очередной раз сменив название. Сейчас она именуется Центром транзитных перевозок, а станет, к примеру, «Центром коммерческого транзита». Вполне вероятно, что судьба военного объекта США в Киргизии будет решена в более широком контексте российско-американских отношений. В мае в ходе саммита Альянса в Чикаго КР и НАТО подписали соглашение о наземном транзите грузов международной коалиции.

Европейские эксперты, оценивая ситуацию в Киргизии, считают, что экономика Киргизстана достаточно слаба, наиболее экономически активная жизнь – в столице страны. Негативные последствия для экспорта товаров возникли для Киргизии после объединения Казахстана и России в Таможенный союз. В стране есть большой гидроэнергетический потенциал, в который были сделаны крупные инвестиции. Но и в этом секторе существуют масштабные проблемы. С 2005 г., после произошедшей в стране революции, которая привела к смене одного клана другим,

пространство для политических свобод постоянно сокращается¹. В рамках программы для диалогов по правам человека в Казахстане Евросоюз намерен требовать от Бишкека выполнения следующих условий: прекращение преследования членов оппозиции; либерализация законодательства о свободе собраний; прекращение практики преследований правозащитников и правозащитных организаций; независимое расследование случаев пыток в тюрьмах; прекращение практики преследования журналистов и гарантирование их безопасности; прекращение практики запугивания НПО со стороны властей.

Отношения США и ЕС с Узбекистаном. Несколько иная ситуация складывается в отношениях между США и Узбекистаном. Для США эта страна теоретически остается важным звеном во всей центральноазиатской схеме безопасности, но при этом в Вашингтоне особого доверия к политике Ташкента давно уже не наблюдается. Общие фразы о совместной борьбе с международным терроризмом и содействию в проведении операции силами коалиции в Афганистане не могут заслонить весьма значительную настороженность, которую американское руководство испытывает по отношению к политике Ташкента².

Узбекистан рассматривается в Вашингтоне как центральный и наиболее весомый игрок в Центрально-Азиатском регионе; это государство обладает региональными гегемонистскими амбициями и более других способно бросить вызов Москве. Крупные узбекские диаспоры имеются во всех соседних государствах, что дает Ташкенту возможность вмешиваться в политику каждого из

¹ Омаров Н. Киргизстан – Европейский союз: Основные направления сотрудничества и перспективы его развития // Центральная Азия: Внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф. Эберта, 2008. – С. 222–253. Омаров Н.М. Внешняя политика Киргизстана после 24 марта 2005 г.: Основные тенденции и перспективы // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений / Под ред. А.А. Князева, А.А. Миграняна. – Бишкек: ОФАК, 2009. – С. 155–161.

² Толипов Ф. Стратегическое партнерство Узбекистана и США: Быть или не быть? // Центральная Азия: Внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф. Эберта, 2008. – С. 547–584. Heathershaw J. Worlds apart: The making and remaking of geopolitical space in the US-Uzbekistani strategic partnership // Central Asian Survey (Oxford). 2007. Vol. 26. Issue 1, pp. 123–140. Spechler D.R., Spechler M.C. The foreign policy of Uzbekistan: Sources, objectives and outcomes: 1991–2009 // Central Asian Survey (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 2, pp. 159–170.

них. Также он является самодостаточным в плане продовольствия и энергии, в отличие от других постсоветских государств этого региона за исключением Казахстана. И, в отличие от Казахстана, он граничит не с Россией, а с Афганистаном.

Фактически, для США это самый важный потенциальный партнер. Узбекистан не только имеет шоссейное и железнодорожное сообщение с Афганистаном, а на его территории также расположена советская военная база, которой уже пользовались американцы. Ко всему этому Узбекистан убедительно доказал что не опасается России. Именно на этот факт обращают особое внимание американские аналитики.

Значение Узбекистана на данном этапе для США теоретически возрастает в связи с тем, что именно через узбекскую территорию можно доставлять многие натовские и американские грузы по самым коротким и надежным маршрутам. Однако и здесь США проявляют определенную осторожность, не будучи уверенными в том, что узбекская сторона по-настоящему будет поступать искренне и предсказуемо. Не очень складываются пока и личные контакты между американским руководством с узбекским президентом. Стабильного и надежного диалога между Вашингтоном и Ташкентом, в принципе, нет. Также в Вашингтоне осознают, что Ислам Каримов «непрочисливаем» и для всех других ведущих мировых игроков в этом регионе – России, Китая, стран Евросоюза. Поэтому отношения с Ташкентом Вашингтон и дальше будет развивать по мере возможности.

Поскольку американцы приняли решение в своем афганском транзите ориентироваться на так называемый «Северный коридор» (а он пролегает по территории России, Казахстана и Узбекистана), то именно Узбекистан стал ключевым звеном для натовской операции. А базу в Манасе американцы по согласованию с Ташкентом (что особо не афишировалось) на всякий случай решили заменить в расчетах на аэродром в узбекском городе Навои. При этом южнокорейцы проведут необходимую реконструкцию аэропорта «Навои», а американцы уже используют его взлетные полосы для перевозки невоенных грузов. В принципе, узбекское руководство дало «добро» и на более интенсивное использование именно этого маршрута со стороны натовских сил, даже при условии, что американская военно-воздушная база в Киргизстане останется. Наметившееся в 2009 г. потепление в отношениях между США и Узбекистаном, в 2010 г. получило продолжение. США предложили Ташкенту сотрудничество в программах по обеспечению амери-

канских войск в Афганистане. Ташкент предоставил Вашингтону возможность снабжать свои войска через аэропорт «Навои». Ориентация Ташкента на США и Запад может в очередной раз перекроить структуру влияния в Центральной Азии, ослабить влияние России и вывести Узбекистан на очередную спираль борьбы за региональное лидерство. Однако эксперты считают, что происходящие процессы нельзя назвать окончательным изменением геополитической ориентации Ташкента. Сейчас речь идет скорее о тактическом ходе Ислама Каримова, которому сегодня выгодно более тесное сотрудничество с ЕС и США.

В конце января 2010 г. президент Узбекистана И. Каримов подписал План сотрудничества с США. Документ был основан на результатах первого раунда узбекско-американских политических консультаций. Вашингтон делает ставку на взаимодействие с Узбекистаном в политической, социальной, экономической сферах, а также в вопросах обеспечения безопасности. Инициатором проведения политических консультаций между правительствами США и Узбекистана стал помощник госсекретаря США Р. Блейк. В пункте, который касается сотрудничества в сфере безопасности, предусматривается организация подготовки и переподготовки офицерских кадров Узбекистана (учебные курсы и тренинги) в ведущих военно-образовательных учреждениях США, в том числе в рамках программы «Международное военное образование и обучение» (ТМЕТ).

В рамках сотрудничества в обеспечении мира в Афганистане Узбекистан и США будут обмениваться информацией об угрозах и мерах по их предупреждению, связанных с транзитом невоенных грузов через Северную распределительную сеть в Афганистан, в том; числе в рамках реализации проекта строительства железной дороги Хайратон–Мазари-Шариф. Узбекские компании уже построили 11 мостов вдоль маршрута Мазари-Шариф–Кабул и завершают постройку 275-мильной линии высокого напряжения, способной к передаче 150 МВт электроэнергии от Термеза до Кабула. В план сотрудничества включена также реализация проектов в сельском хозяйстве, промышленности, энергетике. Запланировано проведение совместно с Атлантическим советом специального мероприятия по реализации инициатив Узбекистана в сфере региональной безопасности и созданию под эгидой ООН Контактной группы «6+3» по Афганистану.

В экономической области США также намерены расширить содействие Узбекистану в модернизации ирригационных систем,

восстановлении деградированных земель и привлечении новых технологий для повышения урожайности сельскохозяйственных культур. Проект трансафганского коридора, через реализацию которого Узбекистан получит выход к портам Индийского океана, служит и основным аргументом нынешнего внешнеполитического сближения правительства И. Каримова с администрацией Б. Обамы. При этом Узбекистан подчеркивает свою ключевую роль в мирном урегулировании ситуации в Афганистане. Раскрывая все эти контакты, Узбекистан, тем не менее, вовсе не намеревается превратиться в послушного «клиента» США в Центральной Азии: узбеки прагматично подталкивают к сотрудничеству американских представителей, держа их все же на разумной дистанции.

После событий в Киргизстане, по-видимому, Вашингтон опасается чрезмерного вмешательства Ташкента в случае продолжения этнического конфликта в Южном Киргизстане с целью помощи соплеменникам и предотвращения «экспорта революции» в Узбекистан. В то же время, в случае масштабной дестабилизации региона США не исключают более активной роли Ташкента как наиболее влиятельной военной силы в Ферганской долине.

В последние годы президент Узбекистана Ислам Каримов принял решение о выходе из альянсов с Россией – таких как ЕврАзЭС и ОДКБ, что и произошло в 2012 г. Как считают европейские эксперты, снятие в октябре 2009 г. последних санкций против Узбекистана (запрет на продажу оружия), введенных после андижанских событий в 2005 г., явилось противоречивым решением. Евросоюз надеялся, что данный шаг станет стимулом для проведения реформ. Правозащитники придерживаются диаметрально противоположного мнения, полагая, что отказ от санкций дает неправильный сигнал узбекскому режиму. В любом случае, отмена санкций свидетельствовала о готовности ЕС работать с Узбекистаном и необходимости определить, как сделать сотрудничество эффективным. Следующим логическим шагом должно стать открытие делегации ЕС (работа в данном направлении уже ведется), в составе которой будет активно работать отдел общественной информации, призванный повысить осведомленность населения о Евросоюзе.

Как полагают в Брюсселе, Узбекистан, с его секретной службой и КПП внутри страны на границах между областями, остается крайне сложным партнером. Тем не менее Ташкент по понятным причинам (центральное положение в регионе и самая многонаселенная страна) не лишен претензий на лидерство и

улучшение своего имиджа за рубежом. Однако их воплощение в жизнь возможно только при условии открытия страны для внешнего мира и либерализации коммерческой деятельности внутри страны, а также сельского хозяйства. В политических диалогах с Ташкентом ЕС может активно лоббировать подобные изменения, а также убеждать режим занять более терпимую позицию в отношении регионального сотрудничества, особенно в вопросах водных ресурсов. Узбекистан блокирует или отказывается от участия в целом ряде проектов по управлению водными ресурсами, проводимыми ЕС.

В рамках программы для диалогов по правам человека в Узбекистане Евросоюз намерен требовать от Ташкента выполнения следующих условий: освобождение из тюрем правозащитников и узников совести; либерализация процесса аккредитации и работы НПО в стране; гарантия свободы слова и независимых СМИ; принятие конвенций, запрещающих детский труд; приведение выборного законодательства в соответствие с требованиями ОБСЕ; сотрудничество с ООН в вопросах прав человека; отмена ограничения въезда и выезда из страны; прекращение практики заключения в тюрьмы религиозных лидеров на основе сфабрикованных обвинений в террористической деятельности; независимое расследование сообщений о пытках в тюрьмах и наказание виновных; принятие закона, разрешающего свободную экономическую деятельность в любых сферах (политической, экономической, культурной); либерализация сотрудничества гражданского сектора с международными организациями; принятие законодательства, регламентирующего работу правоохранительных органов

Отношения США и ЕС с Туркменистаном. Как отмечают западные наблюдатели, в последнее время появилась новая площадка для соперничества России и Америки в регионе – Туркменистан¹. Речь идет прежде всего о борьбе за направление магист-

¹ Старчак М. США vs. Россия в попытке сотрудничества с Туркменистаном в сфере безопасности и обороны // Центральная Азия и Кавказ (Лулес, Швеция). 2009. № 2. С. 95–102. Лаумулин М.Т. Международное и внутриполитическое положение постиндустриального Туркменистана // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2010. № 2. С. 111–123; № 3. С. 26–39. Anceschi L. Analyzing Turkmen Foreign Policy in the Berdimuhammedov Era // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. No. 4, pp. 35–48. Denison M. Turkmenistan's foreign policy: positive neutrality and the consolidation of the Turkmen regime // Central Asian Survey (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue 4, pp. 429–431. Horak S., Sir J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimu-

рального газопровода («Набукко» или Прикаспийский трубопровод). Кроме того, конкуренция идет за подготовку военных, поставки техники. Россия продолжает попытки вовлечь Туркменистан в военные связи, например, участвовать в Объединенной системе ПВО государств СНГ. США продолжают проявлять интерес к созданию своих авиабаз на территории Туркменистана.

Туркменистан в транспортно-транзитном коридоре для США на данном этапе по-прежнему имеет немаловажное значение из-за продолжения операции сил коалиции в Афганистане. Также для США расширять сотрудничество с Ашхабадом важно, прежде всего, не столько для своих нужд, а больше для обеспечения энергетической безопасности Европы. Американские компании намерены увеличить свое участие в разработке туркменских месторождений. Контакты между Ашхабадом и американскими компаниями интенсифицировались благодаря проведению в марте 2011 г. в Туркмении международного бизнес-форума по проблемам добычи углеводородов в этой стране. Если требуется создать маршруты поставок в Афганистан в обход России, то Туркмения будет играть существенную роль в этих американских планах. Можно – хотя это и непросто – переправлять снаряжение и личный состав по железной дороге из Турции через Грузию и Азербайджан, доставлять его по Каспийскому морю в туркменский порт, а затем через Туркмению в Афганистан по суше.

Туркменистан особо не стремится стать поближе к США и выйти на какие-то более тесные связи с ними. Здесь ситуация может измениться только в том случае, если каким-то образом США удастся наладить именно личный контакт между президентами Обамой и Бердымухамедовым. Новый президент Туркменистана проявил себя довольно активным во внешней политике, впервые посетив штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где стороны договорились углублять связи в нескольких ключевых областях. Пентагон продолжает надеяться на развитие сотрудничества с Ашхабадом. В июне 2008 г. вице-адмирал Кевин Дж. Косгриф, командующий военно-морской компонентой Центрального командования США, и контр-адмирал Уильям Гортни посетили Ашхабад, где встретились с министром обороны и главой Государственной пограничной службы республики. Руководство Туркменистана, видимо,

по-прежнему опасается за сохранность своей власти и явных шагов к военному сотрудничеству с США не делает.

В США (и ЕС) надеются на то, что Ашхабад при нынешнем лидере все же будет гораздо более «прозападно ориентированным» и именно европейскому вектору своего развития станет на ближайшее будущее отдавать предпочтение. Главной задачей для Запада остается, как и прежде, переориентирование газовых потоков из Туркменистана в сторону Европы и снижение газовой зависимости этой республики от трубопроводов, идущих через российскую территорию. Спецпредставитель Госдепартамента США Морнинг стар регулярно появляется в Ашхабаде и каждый раз пытается убедить туркменского президента в важности партнерства с Вашингтоном прежде всего в энергетической сфере (по примеру того сотрудничества, которое установлено американской стороной с Казахстаном). Американская сторона все время дает понять, что чем активнее туркменское руководство будет «пускать» ее компании в республику, тем интенсивнее Вашингтон будет готов развивать с Туркменистаном как политические, так и военные связи. Афганская операция сил коалиции и опосредованное участие в ней Туркменистана (путем оказания помощи войскам НАТО разного рода транзитами и снабженческими услугами) позволяют на данном этапе Туркменистану более настойчиво подталкивать США к расширению делового и инвестиционного партнерства.

Туркменское руководство предложило Евросоюзу рассмотреть вариант доставки газа из Туркменистана в Европу через Иран (используя недавно проложенный газопровод из Давлетобада с пропускной способностью в 12 млрд м³ газа в год), минуя азербайджанскую территорию. Но США выступили категорически против подобного варианта. В то же время США приветствуют проект строительства газопровода ТАРІ из Туркмении в Индию через Афганистан и Пакистан.

Как отмечают европейские специалисты, новый президент страны, сменивший на посту своего печально знаменитого предшественника, предпринял ряд крайне сдержанных мер по улучшению положения в Туркменистане¹. В частности, население теперь имеет право свободно передвигаться внутри страны. Также отмечены решения предыдущего лидера о сокращении продолжитель-

¹ Horak S., Sir J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. – 97 p.

ности школьного обучения и университетского образования. Тем не менее Туркменистан остается чрезвычайно авторитарным государством, в котором отсутствуют возможности для существования политической оппозиции, свободы слова и работы НПО, занимающихся политическими вопросами и защитой прав человека. Единственными неправительственными структурами остаются организация по решению семейных проблем и бюро, консультирующее по гражданским вопросам. Многие эксперты свидетельствуют, что местное население отлично выучило правила отношений с государством, потому в стране совершенно отсутствуют предпосылки для зарождения политического диалога или возникновения оппозиционных движений.

В целом Туркменистан входит в XXI в. полностью изолированным от окружающего мира, истратив огромное количество ресурсов на грандиозные стройки в своей столице. В данных обстоятельствах углубление отношений между ЕС и Туркменистаном представляется крайне сложной задачей, даже учитывая тот факт, что с недавнего времени вступило в силу временное соглашение о торговле, а также были запущены диалоги по правам человека с властями страны¹. Первым шагом на пути укрепления имиджа ЕС является открытие в стране полноправной делегации. Работающий в Туркменистане «Дом Европы» выполняет некоторые функции дип. миссии, но без официального дипломатического статуса и силами работников, нанятых по контракту.

Что касается возможных путей предоставления европейской помощи Туркменистану, усилия должны быть сконцентрированы на стипендиальных программах для студентов на обучение в вузах за пределами страны, как в Европе, так и в учебных заведениях Алматы или Бишкека. Между тем в 2009 г. правительство пошло на новые экстраординарные меры, запретив выезд из страны для

¹ Ионова Е. Многовекторность внешней политики Ашхабада // Россия и мусульманский мир (ИБ РАН). 2009. № 9. С. 98–105. Лаумулин М.Т. Международное и внутривнутриполитическое положение постниязовского Туркменистана // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2010. № 2. С. 111–123; № 3. С. 26–39. Anceschi L. Analyzing Turkmen Foreign Policy in the Berdymuhammedov Era // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. No. 4, pp. 35–48. Pomfret R. Turkmenistan's Foreign Policy // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2008. Vol. 6. No. 4, pp. 9–34. Anceschi L. External Conditionally, Domestic Insulation and Energy Security: The International Politics of Post-Niyazov Turkmenistan // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2010. Vol. 8. No. 3 (Special Issue: Turkmenistan), pp. 93–114.

туркменских студентов, отправляющихся на учебу за границу. Студенты, уже находившиеся к тому моменту за рубежом, были вынуждены вернуться, так как туркменские спецслужбы оказывали давление на их семьи. По возвращении эти молодые-люди были внесены в «черные списки».

ЕС мог бы выступить с предложением закупать туркменский газ, который затем мог бы быть транспортирован через Каспийское море в Баку. Сейчас складывается относительно благоприятный момент для подобного рода предложений, учитывая последствия взрыва на туркменском газопроводе в апреле 2009 г., связанного с резким сокращением приема газа в России. Хотя все ремонтные работы на месте инцидента закончены, а Москва и Ашхабад заключили новое коммерческое соглашение в январе 2010 г., тем не менее с тех пор Туркменистан проявляет все больше интереса к проведению мультивекторной политики в области газового экспорта¹.

В рамках программы для диалогов по правам человека в Туркменистане Евросоюз намерен требовать от Ашхабада выполнения следующих условий: прекращение практики коллективного наказания; освобождение из тюрем членов семей заключенных; прекращение практики использования принудительного труда заключенных в опасных для здоровья условиях; создание благоприятной среды для развития культуры и традиций национальных меньшинств; создание условий для работы независимых СМИ и запрет цензуры; гарантия обеспечения возможностей для возникновения общественных организаций; изменение закона о неправительственных организациях; прекращение преследований диссидентов и общественных деятелей; разрешение для граждан свободно въезжать и выезжать из страны, особенно для студентов; установление норм экономической прозрачности в области использования доходов от газового экспорта.

Отношения США и ЕС с Таджикистаном. Таджикистан, граница которого с Афганистаном составляет 1200 км, оказался востребованным при проведении антитеррористической операции

¹ Тимофеев Л. Проблема экспорта энергоресурсов Туркменистана // Россия и новые государства Евразии (ИМЭМО). 2010. № II. С. 93–100. Тимофеев Л. Туркменистан: Диверсификация маршрутов экспорта энергоресурсов // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2010. № 9. С. 85–91. Федоров Ю. Туркменские газовые игры // Индекс безопасности (ПИР-Центр, Москва). 2010. № 2. С. 73–86.

«Несокрушимая свобода». В начале 2002 г. РТ открыла воздушный коридор для пролета военно-транспортной авиации стран НАТО. Вашингтон предпочел не размещать свои военные базы в непосредственной близости от 201-й российской дивизии. Хотя американские эксперты призывали Белый дом разместить в Таджикистане операционные структуры, чтобы усилить контроль над торговлей наркотиками и поддержку подразделений США в Афганистане в случае усиления движения «Талибан». Размещение ВС США должно было использоваться и как первый шаг в распространении американского влияния на территорию Индии, шаг, который заложил бы фундамент отношений безопасности между Нью-Дели и Вашингтоном.

В 2003 г. Таджикистан стал последней страной Центральной Азии, вступившей в программу НАТО «Партнерство ради мира». Стремление к расширению сотрудничества с США вылилось в то, что Таджикистан не пролонгировал договор с Россией об охране государственной границы, а в ответ Вашингтон предложил Душанбе модернизировать его пограничные войска, обеспечить совместную охрану границы и создать таджикско-американские заставы. Но в конце концов американцы не стали охранять таджикскую границу, но приняли участие в модернизации пограничных служб республики. Условием помощи в этой сфере, очевидно, был вывод российских пограничников¹.

США давно уже не критикуют Э. Рахмона за его внутреннюю политику, а выжидают, как будут дальше разворачиваться события вокруг афганской миссии сил коалиции. Ведь на данном этапе Таджикистан важен будет для США не как объект каких-то выгодных экономических инвестиций, а именно как стратегический плацдарм на афганском направлении. И от того, в какой форме это взаимодействие между Вашингтоном и Душанбе пойдет дальше, и будет зависеть, перейдет ли Таджикистан в категорию «новых партнеров» США в Центральной Азии (включая и воз-

¹ Абдулло Р.Г. Таджикистан – США: Взаимопонимание и бесконфликтность отношений // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф. Эберта, 2008. – С. 416–435. Захидов О. О геополитических приоритетах современного Таджикистана // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2010. № 2. С. 94–101. Ниятбеков В.А. Сотрудничество Республики Таджикистан и НАТО в условиях нового мирового порядка // США и НАТО в условиях глобализации. – Алматы: КазНУ, 2008. – С. 143–149.

можное размещение в республике военных баз стран НАТО и самих США).

США оказывают Таджикистану существенную экономическую помощь, в том числе построив два моста через пограничную реку Пяндж (в сооружении двух других мостов США также участвовали), которые связывают Афганистан и Таджикистан. Для Таджикистана, который фактически давно уже зажат транспортной блокадой со стороны Узбекистана, наличие прямого транспортного сообщения через Афганистан к берегам Индийского океана – вопрос наиважнейший.

Тем временем ныне складывающаяся ситуация с сотрудничеством между США и Таджикистаном меняется кардинально, поскольку для администрации Обамы доведение афганской операции до «логического конца» является внешнеполитическим приоритетом. Потенциально американцы могут сегодня предложить расширенное сотрудничество, в том числе и создание собственных военных баз на их территории, любому государству Центральной Азии. У Душанбе есть вариант обусловить свою помощь им по Афганистану целым рядом выгодных для себя экономических проектов. В феврале 2009 г. Э. Рахмон посетил штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где заявил, что НАТО как одна из важных составляющих в обеспечении безопасности в Афганистане должна наладить активное сотрудничество прежде всего со странами-соседями – Ираном и Таджикистаном особенно, так как последний имеет протяженную границу с Афганистаном. Этим президент всего лишь хотел сказать, что Таджикистан дал согласие на использование своих железнодорожных и автомобильных магистралей для транзита невоенных грузов в Афганистан, т.е. он просто предлагал возможности транзита в обмен на очередные инвестиции в республику, оказавшуюся под прессом мирового кризиса.

США предложили таджикскому руководству самую разнообразную помощь, и Душанбе при тех крайне скудных финансовых ресурсах, которыми республика располагает, от нее просто не может отказаться. На данном этапе общая сумма выделенных Америкой кредитов и помощи Таджикистану уже превышает 1 млрд долл., и, в принципе, эта помощь может быть в дальнейшем увеличена. У Таджикистана есть неплохой шанс предложить США разместить как минимум пункты обслуживания войск, участвующих в операции в Афганистане, на своей территории. Причем делать это надо таджикскому руководству оперативно. Можно было

бы заручиться финансовой поддержкой США и не только на новые мосты или дежурные программы помощи в различных сферах, но и добиться выделения траншей на строительство и того же Рогуна, и других гидроэнергетических объектов. Естественно, американцы в этом случае попытаются не просто дать денег, а инвестировать в виде своих технологий и оборудования.

После усиления финансового кризиса и смены администрации Белого дома США попытались прозондировать возможность дальнейшего повышения своего влияния в регионе в связи с усилением фактора Афганистана во внешней политике Вашингтона. В середине ноября 2008 г. Душанбе посетил представитель Госдепартамента США Дж. Крол. На встрече с президентом Э. Рахмоном он заявил, что смена американской администрации не отразится на политике Вашингтона в отношении Центральной Азии, поскольку регион имеет чрезвычайное значение для стабильности всей Азии. Дж. Крол заверил президента, что объемы финансовой помощи государствам региона, невзирая на мировой кризис, не уменьшатся.

Разумеется, на Э. Рахмона в таком случае попытаются надавить по всем каналам из Москвы. В любом случае Таджикистану, чтобы обезопасить себя от афганской нестабильности и продвинуть сооружение энергетических объектов, придется идти на нестандартные и не вписывающиеся в обычные схемы ходы. В Вашингтоне в начале февраля 2010 г. состоялись двусторонние политические консультации между Таджикистаном и США. В ходе переговоров рассматривались четыре блока вопросов: политико-экономическая ситуация в регионе; реализация водно-энергетических и транспортных проектов; ситуация в Афганистане. Власти Таджикистана готовы предложить США инвестиционное участие в различных отраслях экономики своей страны, и прежде всего в энергетике. В Душанбе понимают, что заинтересовать заокеанских партнеров могут прежде всего проектами, как-то связанными с соседним Афганистаном. По мнению экспертов, происходит плавный разворот Таджикистана в сторону США: не дождавшись помощи Москвы в решении проблем, Душанбе теперь надеется на Вашингтон.

США в этой республике работают по традиционной схеме: они выделяют гранты на развитие институтов гражданского общества, проведение реформ структуры самоуправления, а также политикам – на общественную деятельность. Таджикистан получает средства на охрану и оснащение границы, на борьбу с наркотра-

фиком. Но выделяемые суммы таковы, что становится очевидно, что это скрытая форма «подкормки» чиновников. В целом, в Вашингтоне приветствуется «поворот» во внешней политике Таджикистана в сторону от России, однако озабоченность США вызывает растущее сближение Душанбе с Ираном, а также усиление влияния и экономического присутствия Китая. США не готовы к оказанию масштабной помощи Душанбе. Но стратегическая ценность Таджикистана для Америки вытекает из его соседства с Афганистаном. Кроме того, США отнюдь не закрыли вопрос о возможной военной операции против Ирана. Во многом по этим причинам США будут и дальше предлагать Таджикистану либо эксклюзивную аренду аэродрома «Айни», либо его совместное использование с таджикскими военными. В обмен на это США могут не только договориться о какой-то фиксированной арендной плате, но и о финансировании целого ряда экономических проектов на территории Таджикистана, в том числе тех, где сегодня помощь Душанбе предоставляет только Китай (энергетика, транспорт, сооружение дорог и тоннелей). Именно на этот аспект возможной помощи со стороны США рассчитывает таджикское руководство.

Некоторые источники сообщают, что в окружении президента Э. Рахмона есть американское лобби. Таким образом, пока американцы будут оставаться в Афганистане, они будут усиливать свое присутствие и в Таджикистане. По мнению Брюсселя, вопреки мнению некоторых экспертов, Таджикистан является скорее слабым, чем несостоятельным государством. Эта бедная страна страдает от нищеты, а также нехватки электричества в зимние периоды вопреки громадному гидроэнергетическому потенциалу страны. Кроме того, существует угроза дестабилизации, поскольку Таджикистан находится в непосредственной близости от Афганистана, население которого на 35% состоит из этнических таджиков¹.

Европейская помощь Таджикистану осуществляется в основном Европейской комиссией, а также немецким правительством. Основными целями Евросоюза в этой сфере являются уменьшение уровня бедности и поддержание функциональности госаппарата в частности, ЕС проводит масштабную программу бюджетной поддержки в социальном секторе. Данная программа

¹ Хайдаров Р. Таджикистан-ЕС: Проблемы и возможности сотрудничества // Центральная Азия: Внешний взгляд. Международная политика с центрально-азиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф. Эберта, 2008. – С. 360–367.

вызывает немалые споры между ее сторонниками и теми, кто считает, что при существующем уровне коррупции подобные усилия обречены на провал. В стране существуют возможности для работы организаций гражданского общества, что делает диалоги по правам человека, проводимые ЕС, потенциально полезными, в то же время существуют и свидетельства того, что гражданские свободы в стране ущемляются. Одним из проектов ЕС могла бы стать поддержка политического диалога с представителями исламистского движения. Одним из приоритетов политики таджикского правительства является завершение Рогунской дамбы, для чего остро необходимы иностранные инвестиции. Рогунская ГЭС могла бы быть объединена с проектами по поставке электричества в Южную Азию (через Афганистан в Пакистан и Индию). Несмотря на амбициозность проекта, он мог бы быть поддержан Евросоюзом, так как открывает большие возможности по оживлению экономики и укреплению связей с Южной Азией.

В рамках программы для диалогов по правам человека в Таджикистане Евросоюз намерен требовать от Душанбе выполнения следующих условий: открытие доступа к тюремным заключенным для представителей гражданского общества и Красного Креста; ратификация опциональных протоколов к Конвенции против пыток; ратификация Конвенции по дискриминации женщин; декриминализация понятия «клевета»; запрет на использование детского труда на сборах хлопка; введение статьи о пытках в уголовное законодательство; реформирование системы свободного доступа малоимущего населения к услугам юристов; компенсирование насильственного переселения людей в связи с государственными нуждами.

Состояние и перспективы политики США в Центральной Азии

Таким образом, центральноазиатская политика США носит во многом инерционный характер. Администрация Б. Обамы продолжает политику, заложенную ее предшественниками, хотя и вносит корректировки, как правило, связанные с резкими изменениями текущей ситуации. Основные компоненты этой стратегии включают в себя учет ЦА с точки зрения проблемы Афганистана, умеренную поддержку НПО и символическую риторику по правам человека, поддержку трубопроводных проектов в обход России и Ирана, активизацию сотрудничества с государствами региона в

военной области, упор на сотрудничество с Казахстаном вне двусторонних рамок. Новым в политике Б. Обамы в Центральной Азии является осторожность и учет интересов России. В будущем следует ожидать нарастание озабоченности Вашингтона усилением позиций Китая и Ирана в регионе. Возможно, что данный фактор будет способствовать сближению позиций США и России в регионе. Если талибы установят контроль над всем Афганистаном, то обстановка в стране для ЦА может развиваться по непредсказуемому сценарию. Принимая во внимание, что в рядах талибов присутствует большое количество иностранных боевиков, не исключено, что они попытаются превратить Афганистан в одну большую базу для подготовки «террористического интернационала», который будет стремиться раскачать ситуацию в сопредельных регионах. Это может означать, что страны ЦА окажутся на «переднем крае защиты» Центральной Евразии. Учитывая, что граница региона с Афганистаном весьма протяженная и проходит в значительной мере по горной местности, обеспечить ее непроницаемость будет крайне сложно. Исходя из этого, конечно, в интересах стран ЦА поддержать операции США и НАТО в Афганистане и оказать им посильную помощь.

Монополия НАТО и США на решение афганской проблемы, вероятно, заканчивается. В последние 11 лет она не принесла желаемого результата. Если сохранятся нынешние тенденции, то в Афганистане и Центральной Азии сложится та же ситуация, что на Ближнем Востоке: шансов на разрешение конфликта нет, но наличие очага напряженности порождает спрос на американские услуги безопасности. В настоящее время для реализации стратегических интересов Вашингтона американские эксперты называют курс на сотрудничество с Москвой в Центральной Азии, а также отказ от прежней стратегии США, направленной на изоляцию или вытеснение России из региона; поддержку идеи центральноазиатского «круглого стола», т.е. диалога на высшем уровне между государствами региона и их соседями – КНР, Россией, Турцией и Ираном. В области энергетической политики США не должны, по мнению экспертов, сосредоточиваться исключительно на известных маршрутах транспортировки нефти и газа, поддерживать российские и международные проекты, в том числе те, которые могут связать регион с Восточной Азией.

Таким образом, американские долгосрочные стратегические интересы в регионе Центральной Азии выглядят следующим образом:

1) способствовать стабилизации региона посредством его демократизации и вовлечения в процесс глобализации;

2) не допускать обретения «контрольного пакета» политического влияния со стороны какой-либо другой державы (Россия и Китай).

В целом политика США в Центральной Азии должна (по внешним признакам) сохранить преемственность. Соответственно, данный подход действителен и в отношении Казахстана. Б. Обама и его администрация (которая, по-видимому, не претерпит радикальной трансформации кадрового состава, кроме поста госсекретаря) настроены продолжить курс на сохранение достижений «перезагрузки» с Россией. В отношении Китая Соединенные Штаты также ведут крайне осторожную политику.

Однако существует ряд факторов, которые способны резко активизировать политику США в Центральной Азии. К таким факторам относятся следующие:

- непредвиденное ухудшение ситуации в Афганистане и сбой дорожной карты вывода (сокращения) американских и коалиционных войск из этой страны;

- крупномасштабный и, следовательно, затяжной конфликт с Ираном, который неизбежно затронет в том или ином виде страны ЦА, Каспийского региона и Кавказа;

- переход США к стратегии сдерживания Китая и окружения КНР кольцом стратегических баз, в том числе в Центральной Азии;

- усиление беспокойства Вашингтона по поводу чрезмерной (с его точки зрения) интеграции постсоветских государств с Россией в рамках ТС, ЕЭП и Евразийского союза;

- развитие по непредсказуемому или неприемлемому для Вашингтона сценарию передачи власти в некоторых республиках региона.

В этих условиях Астане в отношениях с Соединенными Штатами необходимо руководствоваться в области дипломатии и внешней политики на ближайшую и среднесрочную перспективу определенными принципами. Они включают в себя задачу поддерживать западные инициативы, направленные на стабилизацию ситуации в Афганистане (особенно после 2014 г.). Целесообразно также в общих интересах поддерживать на международной арене все антиядерные инициативы Б. Обамы. Казахстан способен оказывать техническую и логистическую поддержку процессу эвакуации американского снаряжения и военных частей из Афганистана,

а также принять участие в адаптации использованной американской и натовской техники, но в таких пределах, которые не должны затронуть стратегические и военно-технологические интересы России в рамках военно-технического обмена ОДКБ.

Казахстан может заверить Вашингтон по дипломатическим каналам, а в случае необходимости – и на официальном уровне, что для Казахстана интеграция с Россией носит исключительно экономический характер; о каком-либо ущемлении суверенитета РК не может быть и речи. Представляется также, что в интересах национальной безопасности и стабильности ЦА необходимо внимательно осуществлять мониторинг американско-китайских отношений, чтобы не пропустить вероятный поворот к ухудшению отношений и начало конфронтации между двумя державами. И наконец, в случае гипотетического конфликта Запада с Ираном всячески дистанцироваться от конфликтующих сторон и принять серьезные меры к укреплению безопасности в рамках ОДКБ и ШОС.

Вместе с тем США вряд ли когда-нибудь станут единственной доминирующей силой в Центральной Азии: нет никаких предпосылок к тому, что это произойдет. Реальные цели – энергетическая безопасность, близость к главному очагу терроризма (Афганистану и Пакистану), борьба с торговлей наркотиками, оружием и технологиями производства ОМУ, поощрение прозрачности социально-экономического развития – все это требует твердых обязательств. К тому же непростые российско-американские отношения могут, по крайней мере в краткосрочной перспективе, заблокировать политику США в данном регионе.

Состояние и перспективы политики ЕС в Центральной Азии

Важнейшим аспектом пересмотра европейских подходов к региону ЦА является идея о том, что необходимо рассматривать регион в контексте всей Евразии. Стратегия ЕС своим появлением уже внесла значительные коррективы в концепцию регионализма, которую ЕС применял к ЦА. Главным отличием стало введение практики региональных встреч на высшем уровне: саммитов министров иностранных дел по политическим вопросам и проблемам безопасности, а также встреч разного уровня для обсуждения более специфичных областей: образования, экологии и верховенства закона. Практическую отдачу этих мероприятий оценить сложно,

но очевидно, что ЕС неизменно выступает в пользу регионального сотрудничества, даже несмотря на совсем обратные процессы в ЦА, происходящие за пределами конференций (к примеру, распад единого энергокольца).

Тем не менее регионализм в ЦА имеет свои узкие границы. Это осознают и в ЕС, что сказалось на уменьшении бюджетов региональных программ в пользу двусторонних инициатив. В этих условиях, однако, может существовать еще одна региональная концепция, представляющая собой не «внутренний» (относящийся только к пяти странам ЦА), а «внешний» (подразумевающий сотрудничество с соседними странами за пределами Центральной Азии) регионализм. Принимая во внимание малонаселенность Центральной Азии, можно утверждать, что региональное сотрудничество имеет перспективы только в том случае, если оно является частью более широкой экономической открытости. Важнейшие вопросы сотрудничества в Центральной Азии, такие как охрана границ, транспортные коридоры, водные ресурсы, не ограничиваются этим регионом, но выходят за пределы ЦА и приобретают трансконтинентальные масштабы. Так, управление границами подразумевает, в первую очередь, борьбу с перевозкой наркотиков в Центральной Азии, которая, по сути, является лишь перевалочным пунктом на пути из Афганистана в Россию, Европу и Китай.

Еврокомиссия ищет пути укрепления связей между Центральной Азией и странами «Восточного партнерства», в частности через энергетическую, транспортную и экологическую сферы. В этой системе отсутствуют евразийские проекты, которые бы связывали ЦА с Россией, или Китаем, или Южной Азией, или со всеми этими регионами. В Брюсселе полагают, что можно также обратиться к политическим приоритетам государств Центральной Азии. В процессе собственной модернизации и для снижения зависимости от России и Китая Казахстан развивает свои связи с Западом и внедряет программу «Путь в Европу». Туркменистан, оставаясь репрессивным и закрытым режимом, тем не менее намерен расширять свой газовый экспорт во все стороны света: на север – в Россию, на восток – в Китай, на юг – в Иран и, если все-таки ЕС решится на серьезное предложение Ашхабаду, возможно, на запад, в Европу. Киргизская экономика напрямую зависит от потоков китайских товаров через эту территорию в Казахстан и Россию. Таджикистан и Узбекистан заинтересованы в развитии отношений с южными странами через транспортные коридоры, проходящие

через Афганистан и Пакистан к Персидскому заливу и Индийскому океану.

ЕС необходимо обратить более пристальное внимание на новую картину многополярного мира, в котором на евразийском пространстве сформировались или переоформились новые геополитические игроки: Россия, КНР, Индия и сам Евросоюз. Главным стратегическим вызовом здесь становится сохранение нормативного порядка и духа сотрудничества. Центральная Азия занимает в этой концепции уникальное положение не имеющего выхода к морю региона, стиснутого четырьмя геополитическими гигантами: Россией на севере, Китаем на востоке, Индией на юге и ЕС на западе.

Основной смысл стратегии Евросоюза в отношении Центральной Азии – это поиск возможности включения Центральной Азии в глобальную концепцию европейской внешней политики. У Евросоюза существует налаженная система отношений с большинством регионов мира: Тропической Африкой, Юго-Восточной Азией, Латинской Америкой, Центральной Азией, ближайшими соседями Единой Европы, а также с крупнейшими странами: Китаем, Индией и Россией. Брюссель ищет пути объединить все эти разнообразные направления и связи в единый вектор и найти место в этой системе для Центральной Азии.

Европейские стратеги отдают себе отчет в том, что в глобальном масштабе Центральная Азия является крайне малонаселенным регионом. Тем не менее ее чрезвычайную геополитическую важность определяет географическое расположение на перекрестке интересов всех глобальных политических игроков в эпоху смены мирового порядка. Кроме того, опять же в силу специфики Центральной Азии, именно здесь открываются возможности для достижения наиболее быстрого и простого консенсуса между основными политическими силами, тогда как в других точках земного шара данный процесс может быть крайне затруднен. Этот факт в перспективе определяет чрезвычайную ценность ЦА для установления мирового порядка. В Брюсселе исходят из того, что Центральная Азия не представляет прямой угрозы безопасности ЕС, однако существует три косвенных фактора, которые могут иметь влияние и на Евросоюз. Первая проблема для ЕС – это нестабильность энергетических поставок. Вторая проблема – «Аль-Каида» и «талибанизация». Третья проблема – контрабанда наркотиков.

Концепция регионализма, применяемая ЕС в Центральной Азии, может принять более «экстравертные» формы, когда регион будет рассматриваться в более широком географическом контексте. Все это ведет к вопросам трансконтинентального сотрудничества вокруг Центральной Азии (или евразийского направления внешней политики ЕС), а также проблемам многополярного сотрудничества.

По мнению европейских аналитиков, возможностей для совместной работы между ЕС, странами ЦА и заинтересованными державами (Россия, Китай, США, Индия и др.) насчитывается, по крайней мере, три.

Во-первых, это сотрудничество по предотвращению угроз, идущих со стороны Пакистана и Афганистана, в частности экспорта наркотиков и радикального экстремизма.

Во-вторых, водный вопрос, который может быть решен с помощью международного консорциума с участием всех крупнейших акторов.

В-третьих, это оптимизация трансконтинентальных транспортных маршрутов торговли.

ЕС также мог бы принять статус наблюдателя в ШОС, если однажды поступит соответствующее приглашение. В качестве альтернативы формат региональных встреч ЕС со странами ЦА может быть расширен и включить представителей Афганистана, Пакистана и Индии. И наконец, европейские стратеги полагают, что поскольку ЕС уже обзавелся Центральноазиатской стратегией, она должна стать неделимой частью видения мира со стороны Евросоюза.

«Вызовы безопасности в Центральной Азии / ИМЭМО РАН», М., 2013 г., с. 106–131.

Е. Борисова,

политолог

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОВ
ПО ПОВОДУ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Водные ресурсы в Центральной Азии распределены неравномерно. Основным источником пополнения запасов питьевой воды в регионе являются центральноазиатские реки, берущие на-

чало в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. По мере того как они спускаются на равнину, их водность уменьшается. Человеческое вмешательство в режим этих рек за счет строительства плотин, усиленный разбор воды на полив сельскохозяйственных угодий, создание крупных и мелких водохранилищ и каналов без проведения соответствующих мер, необходимых для предотвращения инфильтрации и испарения воды, привели к серьезному дефициту этого ресурса в равнинной части региона. Практически исчезнувший с современных географических карт Арал – яркое тому подтверждение. Как известно, основная причина аральского кризиса в том, что питавшие ранее Аральское море две великие реки Центральной Азии – Амударья и Сырдарья – практически перестали доходить до него. Лишь в полноводные сезоны Сырдарья впадает в почти отделившийся от Большого Арала Малый Арал.

В современных работах центральноазиатских авторов в таком положении дел довольно часто принято винить наследие советского времени. Так ли все однозначно?

Для объективной оценки ситуации и поиска решений следует обратиться к истории. Начнем с того, что Центрально-Азиатский регион расположен в аридном климате, в зоне рискованного земледелия. Поэтому оросительные каналы здесь строились еще в эпоху неолита. Если вода уходила, люди переселялись вслед за ней. Именно в связи с этим на территории Средней Азии находят множество развалин бывших поселений и каналов, имеющих разную возрастную датировку: одни города умирали, другие рождались на новом месте. Повсеместного и единовременного изобилия здесь никогда не было. Наиболее благоприятными местами для расселения оказывались речные оазисы. Самые древние поселения существовали в долинах рек Мургаб, Зеравшан, Теджен. Особое значение для пустынной зоны Средней Азии имеют реки Амударья и Сырдарья, обеспечивающие жизнь большей части территории Средней Азии от верховьев в горах до крупнейших оазисов в их дельтах у Аральского моря.

С приходом советской власти в регионе развернулось грандиозное гидромелиоративное строительство. В интересах орошаемого земледелия равнинной части в горах создавались огромные резервуары пресной воды. При этом возводимые плотины призваны были служить интересам не только сельского хозяйства, но и энергетики. Вода стала использоваться и как энергоресурс. Система водного хозяйства оказалась тесно переплетена с энергетической системой региона, и крупные гидросооружения оказались

встроенными в Объединенную энергетическую систему Центральной Азии (ОЭСЦА). При этом внутренние административные границы, проведенные по этническому, а не по экономическому принципу, не имели с точки зрения водно-энергетического хозяйства принципиального значения. Регион, исходя из соображений экономической целесообразности, воспринимался как единое целое.

Улучшение условий существования в целом привело к росту рождаемости и уменьшению смертности. В итоге резко возросла численность населения: если в начале XX в. здесь проживало около 6 млн человек, то в начале XXI в. (2010) уже почти 62 млн человек [World Population..., 2012]. Если в начале XX в. на душу населения приходилось почти 0,6 га орошаемых земель, то сегодня на душу населения приходится в среднем по 0,18 га, притом что площадь орошаемого земледелия значительно увеличилась (до 8,4–8,7 млн га) [Ибатуллин, 2011]. Это очень важный момент: с ростом численности населения растет и объем вовлеченных в орошаемое земледелие площадей, а следовательно, и объем потребляемой воды. Аграрный сектор – основной потребитель водных ресурсов во всем мире. Что же касается Центральной Азии, то на нужды сельского хозяйства здесь используется 89–92% объема водопотребления [Абдуллаев]. Исходя из совокупности этих данных, можно утверждать, что на сегодняшний день численность населения Центрально-Азиатского региона стала превышать возможности вмещающего (кормящего) ландшафта.

Но эту проблему можно частично решить за счет современных средств ресурсной экономии. Возможность выхода из ограничений вмещающего ландшафта заключена в переходе на принципиально новые технологии (индустриальные и постиндустриальные). При разумном ведении хозяйства странами региона водного дефицита можно было бы избежать. Здесь характерен пример Израиля. Его сельское хозяйство с точки зрения потребления водных ресурсов – одно из самых экономных в мире. В арсенале израильских агрономов – отказ от водоемких сельскохозяйственных культур, выведение растений, способных питаться солоноватой водой, капельное орошение, включая точечное орошение корней растений, использование очищенных сточных вод, различные ценовые механизмы. Кроме того, Израиль отказался от водозатратных отраслей производства и воспитывает свое население в духе экономного водопотребления.

Созданная Советским Союзом система хозяйствования позволяла избегать водного дефицита за счет заложенного в ее основание принципа восприятия региона с точки зрения экономики как единого целого. Такой подход значительно снижает возникающие экономические издержки, уменьшает перепроизводство (в частности электроэнергии) и ресурсное потребление. Другое дело, что использовавшиеся тогда технологии были несовершенны и сами по себе ресурсоемки.

Именно исходя из общих интересов региона строились гидромелиоративные сооружения, плотно связанные с работой Объединенной энергетической системы Центральной Азии. Республиканские энергосистемы были подключены к работе единого регионального энергокольца, существенный вклад в работу которого вносили не только природные ископаемые (уголь, нефть и газ) Казахстана, Узбекистана и Туркмении, но и гидросооружения Киргизии и Таджикистана. Эти гидросооружения расположенных выше по течению республик работали не только в целях ирригации, но и вырабатывали электричество, хотя, конечно, основной режим их работы был соотнесен с интересами сельского хозяйства нижерасположенных республик – Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Такая взаимозависимость позволяла осуществлять обмен услугами между вододефицитными, но энергодостаточными Казахстаном, Узбекистаном и Туркменией, с одной стороны, и вододостаточными, но бедными другими природными ресурсами Киргизией и Таджикистаном – с другой. Все вопросы водodelения были отрегулированы в 1970–1980-х годах Минводхозом СССР, который разработал «Схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов» для всех крупнейших речных бассейнов региона.

Суть такого обмена заключалась в следующем: осенью и зимой, когда водохранилища при киргизских и таджикских гидроэлектростанциях (ГЭС) накапливали воду для орошения полей нижерасположенных республик, в Киргизию и Таджикистан поставлялись узбекские, туркменские и казахстанские газ, мазут, уголь и электричество. В период вегетации вся накопленная в водохранилищах при ГЭС вода поступала в нижерасположенные республики для орошения полей. Эта система подкреплялась установленными квотами на воду: каждой республике выделялась процентная доля от ежегодно уточняемых фактических запасов водных ресурсов. Для ускорения решения вопросов ежегодного водodelения в 1986 г. были созданы две региональные бассейно-

вые водохозяйственные организации – БВО «Амударья» и «Сырдарья».

Зависимость водных и энергетических проблем Центральной Азии успешно решалась не за счет создания изолированных систем хозяйствования в каждой республике отдельно, а за счет региональной кооперации. Такой подход позволял избегать дополнительных финансовых и ресурсных трат, включая воду. Особенно это было заметно при параллельной работе энергосистем в рамках Объединенной энергосистемы Центральной Азии. При параллельной работе в рамках региональной системы оптимально учитываются расположение стран в разных часовых поясах и время пиковых нагрузок; параллельная работа позволяет энергосистемам совместно использовать резерв, а не дублировать его, как если бы системы работали изолированно. Оптимальная диспетчеризация позволяет объединять преимущества тепловой генерации и гидроэнергетики, уменьшая их издержки и снижая ресурсопотребление; в случаях аварийных ситуаций параллельный переток способен снизить размер негативных последствий [Петров, 2009, с. 115–116; Анализ..., 2010, с. 32–33]. Выгоды этой системы очевидны при условии слаженной параллельной работы.

* * *

С распадом СССР и приобретением национального суверенитета республиками Центральной Азии устоявшаяся региональная система водно-энергетического деления стала расшатываться. Политические границы приобрели принципиальное значение. Однако заложенная ранее экономическая структура эти границы игнорировала. В итоге каждая из новообразованных стран хоть в чем-то, но видела ущемление своих интересов при работе этой системы в неизменном виде: ведь когда ставится задача совместить интересы нескольких сторон для достижения общего результата, чем-то жертвовать приходится каждому участнику. Накопившееся взаимное недовольство друг другом, не сдерживаемое уже никаким регулятором, стало выплескиваться в виде нарушения взаимных обязательств и предъявления новых требований. В 1993 г. в Киргизскую Республику впервые прекратились поставки электроэнергии и топливно-энергетических ресурсов из Узбекистана и Казахстана, компенсирующие недовыработку электроэнергии на ГЭС Нарын-Сырдарьинского каскада в зимнее время. Население Киргизстана оказалось в очень сложных условиях.

Гидроэлектростанции пришлось переводить на энергетический режим работы и срабатывать воду зимой, что повлекло за собой нехватку водных ресурсов в летние месяцы.

На следующий год договоренности были восстановлены, но сбои не прекратились. Постепенно в соглашения стала вводиться денежная составляющая, тем не менее взаиморасчеты это не облегчило. Цена на энергоресурсы устанавливалась каждой стороной произвольно, а это вызывало новые споры. Добавляли сложностей и такие специфические вещи, как существующая разница в цене между летней и зимней электроэнергией; цена дешевой электроэнергии, вырабатываемой гидроэлектростанциями, особенно летом, никак не могла быть приравнена к зимней электроэнергии, вырабатываемой теплоэлектростанциями (ТЭС). Кроме того, не все готовы были терпеть возникавшие задержки по оплате поставляемых товаров. Особенно суров в этом отношении был Узбекистан: как только происходили задержки по оплате узбекского газа, поставки этого ресурса сразу же останавливались. У Казахстана в первые годы независимости были трудности по поставкам угля в связи с приватизацией его угольной промышленности. Кроме того, страны, расположенные ниже по течению (РК и РУ), не всегда в полном объеме выполняли свои обязательства по покупке сопутствующей летней электроэнергии, получаемой за счет работы ГЭС «верхних» стран в ирригационном режиме [Борисова, Панарин, 2012, с. 272].

Из-за постоянных и обоюдных нарушений контрактов наибольшие убытки несли Киргизская Республика и Таджикистан. К примеру, в 2001 г., несмотря на то что вода из Токтогульского водохранилища Киргизстана была передана в согласованном объеме, объем потребленной летней электроэнергии Казахстаном и Узбекистаном был ниже по сравнению с включенным в контракт объемом. В итоге фактическая оплата, полученная Киргизской Республикой за электроэнергию, составила 0,88 цента США за кВтч от Казахстана и 2,01 цента США от Узбекистана, при среднемвешенном показателе 1,48 цента США/кВтч. Что же касается поставок угля, газа и мазута, то они были поставлены в Киргизстан в гораздо меньшем объеме, чем предполагалось по договору: всего Киргизской Республике было передано ресурсов на сумму, эквивалентную 29 млн долл. США, что меньше долгосрочных затрат, понесенных Киргизстаном (35 млн долл.) по эксплуатации Токтогульского водохранилища в ирригационном режиме [Взаимосвязь..., 2004, с. 49].

Сбои с поставками зимой энергоресурсов в Таджикистан и Киргизстан из нижележащих стран не прекращались. В свою очередь Киргизстану и Таджикистану ничего не оставалось, как переводить свои ГЭС из ирригационного в энергетический режим работы и спускать всю накопленную воду в холодные сезоны для того, чтобы собственное население не сидело без тепла и света. Это сопровождалось затоплениями территорий Узбекистана и Казахстана.

Чтобы хоть как-то уменьшить последствия зимних паводков, драгоценную воду из Сырдарьи и Амударьи, чьи застроенные русла уже не могли пропускать большие массы воды, приходилось периодически сливать в два искусственно образованных озера, находящихся в природных понижениях на территории Узбекистана и Туркменистана. За счет вынужденных сбросов, которые в полноводные годы происходили еще в советское время, образовались озеро Айдаркуль в Айдаро-Арнасайской низменности, куда сливалась сырдарьинская вода, и современное Сарыкамышское озеро, образованное за счет не дошедших до Арала вод Амударьи. Сброс воды в Айдаро-Арнасайскую низменность в 1969 г. составил $21,8 \text{ км}^3$, а за 1993–2001 гг. – $26,9 \text{ км}^3$ [Об экологической ситуации...].

В результате вышеописанных действий, вызванных взаимным срывом договоренностей, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан стали недополучать воду в вегетационный период, а состояние Аральского моря ухудшилось еще больше.

Впоследствии, понимая, что основной их ресурс, как в спор, так и в жизни, – вода, Киргизстан и Таджикистан при поддержке экспертов Всемирного банка стали настаивать на оплате своих услуг по накоплению и подаче воды, утверждая, что вода – тоже товар, тогда как «нижние» страны настаивали на формуле «вода – это всеобщее благо и достояние, доступ к которому не может быть ограничен». При этом «верхние» страны поднимали вопрос и о пересмотре квот на воду в свою пользу. У всех сторон в итоге была сформулирована своя, не лишенная логики, система аргументации, но к достижению согласия это не приводило.

Таким образом, отсутствие общей выработанной политики в водных вопросах и постепенный отказ от старой модели все сильнее запутывали клубок противоречий. Энергетическая система региона тоже не обошлась без негативных последствий межгосударственных споров по водным вопросам. Особым испытанием для нее были зимние месяцы. Столкнувшись с резким дефицитом энерго-

ресурсов из-за их недопоставок, страны верховий, помимо перевода своих водохранилищ на энергетический режим работы, стали несанкционированно отбирать электроэнергию из единого энергокольца Центральной Азии, что привело к частым сбоям в региональной энергосистеме и поломкам оборудования (см., например: [Безопасность..., 2009]).

Первым, кто устал от такой нестабильности, был Туркменистан. В 2003 г. он вышел из параллельной работы ОЭС Центральной Азии и переключился на параллельную работу с Ираном; его географическое положение и существующие энергетические мощности позволяли это сделать. Север Казахстана через несколько лет тоже вышел из параллельной работы ОЭСЦА, ограничившись существующим подключением к энергосистеме России. Ранее сбои в энергокольце ЦА через Казахстан докатывались даже до Российской Федерации. Юг Казахстана остался работать в параллели с остальной Центральной Азией.

В 2009 г. от ОЭС был отключен Таджикистан, но не по собственной воле. Его отключил, пользуясь своим территориальным положением в центре энергосистемы, Узбекистан. Отношения двух этих стран были изрядно подпорчены как раз водно-энергетическими проблемами [Борисова, 2011, с. 214–216]. Находясь в сильнейшей зависимости от энергомощностей соседних стран, Таджикистан решил преодолеть эту проблему за счет достройки крупнейшей в регионе гидроэлектростанции – Рогунской. Ее строительство было начато еще в Советском Союзе, но потом стройка была заморожена. Здесь важно отметить, что Таджикистан на протяжении более 15 лет в зимнее время живет в условиях, когда электроэнергия в некоторые отдаленные районы подается по четыре–шесть часов в сутки. При этом, согласно данным, озвученным таджикским президентом Э. Рахмоном на международной конференции «Вода для жизни», проходившей в Душанбе в начале июня 2010 г., гидроэнергетический потенциал Таджикистана составляет около 527 млрд кВт, а освоен он только на 3–4% [На водном форуме..., 2010]. Узбекистан высказался категорически против возобновления строительства Рогунской ГЭС, увидев в этом проекте угрозу своим национальным интересам по многим направлениям, начиная от экологии, продовольственной безопасности и заканчивая изменением расстановки сил в регионе не в свою пользу. Конфликт вокруг Рогунского водохранилища периодически сопровождается переводом Таджикистана на блокадное положение за счет того, что Узбекистан перекрывает всё (за исключением авиацион-

ного) транспортное сообщение Таджикистана с внешним миром. Для узбекского руководства такие манипуляции осуществлять нетрудно, так как практически все таджикские автомобильные и железные дороги, в том числе между собственными регионами, как и магистральные энергосети, из-за сложности рельефа проходят через узбекскую территорию.

* * *

Нестабильность и отсутствие согласия в отношениях привели к тому, что сегодня во всех странах региона взят курс на развитие республиканских энергосистем и постепенный выход из объединенного энергокольца. В начале 2010 г. в Узбекистане начала работать линия, соединившая Ново-Ангренскую ТЭС в Ташкентской области с Ферганской долиной. Эта линия позволила Узбекистану на какое-то время отказаться от электроэнергии из Киргизстана. Правда, потом выяснилось, что без электроэнергии гидроэлектростанций, покрывающей недостаток пиковых мощностей, все-таки не обойтись. Была также введена линия Гузар–Сурхан, которая позволяет подавать электроэнергию на юг Сурхандарьинской области Узбекистана в обход таджикских электросетей. По территории Киргизстана ведется прокладка отдельной от Объединенной энергосистемы ЦА электролинии «Датка–Кемин», которая избавит республику от зависимости от узбекских сетей. Таджикистан в 2009 г. за счет предоставленного Китаем займа построил ЛЭП-500 «Юг–Север». Ранее поставки электроэнергии с энергодостаточного юга страны на энергодефицитный север осуществлялись по электрическим сетям Узбекистана.

В целом в краткосрочном периоде Киргизстан и Таджикистан проблему энергодефицита в условиях вынужденной автономной работы способны решить, лишь опираясь на гидроэнергетику, что требует работы водохранилищ в энергетическом режиме. К ослаблению региональной напряженности это вряд ли приведет. При всем при этом, как показали советская система хозяйствования, а впоследствии и расчеты специалистов Всемирного банка [Взаимосвязь..., 2004], работа не в энергетическом, а в ирригационном режиме могла бы принести наибольшую выгоду всем при условии честной оплаты за услуги накопления и подачи воды странам верховий. Но такой вариант становится все менее вероятным.

Скрытый конфликт вокруг водных и энергетических ресурсов так сильно оброс сопутствующими проблемами, что распутать этот клубок, вернувшись к советской, пусть даже и модернизированной, модели хозяйствования, страны региона уже не считают возможным. Теперь каждая страна рассчитывает на собственные силы и помощь зарубежных доноров. К сожалению, внутрирегиональное сотрудничество осуществляется в очень ограниченных масштабах и по большей части является вынужденным.

Комплекс водных проблем каждая центральноазиатская страна пытается решить, не прибегая к помощи своих соседей. В частности, на территории стран, находящихся ниже по течению, строятся новые водохранилища. Например, Узбекистан, вопреки соглашению о наполнении Кайраккумского водохранилища в Таджикистане, намерен построить водохранилище в Ферганской долине; в Туркменистане уже несколько лет ведется строительство искусственного озера в Каракумах; Казахстан, решая проблему зимних паводков, построил ниже Токтогульского водохранилища Коксарайский контррегулятор [Коксарайский., 2011]. При поддержке Всемирного банка Казахстан решает проблему и своей части Арала: между Малым и Большим Аралом в 2005 г. была построена плотина, предотвращающая уход воды и рыбы в Большой Арал, где вода испарялась, а рыба погибала [Казахстан., 2008]. Узбекистан, со своей стороны, уже не рассчитывает на возрождение Аральского моря и на его высохшем дне высаживает засухоустойчивые растения и разрабатывает нефтегазовые месторождения [Кравец, 2009]. В свою очередь, Киргизстан и Таджикистан разрабатывают проекты и ищут спонсоров по строительству системы каскадных ГЭС. По их версии, именно каскады ГЭС позволят и накапливать воду для поливов нижерасположенных полей, и вырабатывать электричество в холодные сезоны.

В конечном счете переориентация с регионального на национальные уровни существенно увеличивает общие затраты на борьбу с водным дефицитом, но при этом не решает задачу экономии этого жизненно необходимого всем ресурса. Советская модель, хотя и имела свои существенные недостатки, все-таки лучше справлялась с проблемой всегда существовавшей в этом регионе ограниченности водных ресурсов.

Сегодня, чтобы разрешить все накопившиеся проблемы, нужно действовать по нескольким принципиальным направлениям.

Во-первых, Центрально-Азиатский регион с экономической точки зрения все-таки должен рассматриваться как единое целое,

что влечет за собой необходимость создания работающего политико-экономического объединения.

Во-вторых, чрезвычайно важно внедрять новые ресурсосберегающие технологии.

И, в-третьих, не менее важно решать проблему перенаселенности в регионе.

Литература

1. Абдуллаев А.К. Проблемы деградации земель как результат их нерационального сельскохозяйственного использования и пути улучшения ситуации [Электронный ресурс] // Сеть CARNet. URL: <http://www.caresd.net/land/ol.html> (Дата обращения: 24.05.2013.)
2. Анализ диспетчерского управления генерацией и взаимобменами электрической энергией между национальными энергосистемами Центрально-Азиатского региона. Mercados – energy markets international. Всемирный банк, октябрь 2010.
3. Безопасность, надежность и стабильность работы национальных энергосистем – важнейший приоритет, 05.11.2009 [Электронный ресурс] // Сайт МИД РУ. URL: http://mfa.uz/ras/pressa_i_media_servis/znam_data/problemi_arala/bezopas_nadejn_i_stabiln_raboti_natsionaln_energositsem.mgr (Дата обращения: 24.10.2013.)
4. Борисова Е.А. Центральная Азия: дефицит воды как угроза безопасности // Восточная аналитика, ИВ РАН, 2011.
5. Борисова Е., Панарин С. Противоречия безопасности на примере водно-энергетических проблем Центральной Азии // Безопасность как ценность и норма: Опыт разных эпох и культур (Материалы международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г.). – СПб., 2012.
6. Взаимосвязь водных и энергетических ресурсов в Центральной Азии. Улучшение регионального сотрудничества в бассейне Сырдарьи / Всемирный банк, январь 2004 г.
7. Ибатуллин С. Укрепление международного сотрудничества на трансграничных водах Центральной Азии, 25.05.2011 [Электронный ресурс] // Сеть водохозяйственных организаций стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. URL: http://www.eecca-water.net/index.php?option=com_content&task=view&id=2003&Itemid=52 (Дата обращения: 23.10.2013.)
8. Казахстан: Северная часть Аральского моря возрождается при помощи Всемирного банка [Электронный ресурс] // Фергана.Ру, 19.06.2008. URL: <http://www.fergananews.com/news.php?id=9447> (Дата обращения: 06.03.2011.)
9. Коксарайский контррегулятор – достижение независимости и гарантия безопасности южного региона [Электронный ресурс] // ИА «Казинформ», 30.12.2011. URL: <http://www.mform.kz/ras/article/2430103> (Дата обращения: 24.05.2013.)
10. Кравец П., Трагедия Арала: Зашумят ли саксаульные леса на дне мертвого моря? [Электронный ресурс] // Фергана.Ру, 11.02.2009. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=6064> (Дата обращения: 06.03.2012.)

11. На водном форуме в Душанбе разгорелся спор из-за Рогунской ГЭС // Немецкая волна, 09.06.2010.
12. Об экологической ситуации на айдаро-арнасайской системе озер [Электронный ресурс] // Портал Государственного комитета Республики Узбекистан по охране природы. URL: <http://www.uznature.uz/rus/water5.html> (Дата обращения: 24.11.2011.)
13. Петров Г. Совместное использование водно-энергетических ресурсов трансграничных рек Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. № 1(2), 2009.
14. World Population Prospects: The 2012 Revision [Электронный ресурс] // UN, Department of Economic and Social Affairs. URL: http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_population.htm (Дата обращения: 02.12.2013.)

*«Восток–Oriens»,
М., 2014 г., № 2, с. 80–86.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Б. Ахмедханов,

журналист

АФГАНИСТАН: В ПЛЕНУ ГЕОГРАФИИ

Все разговоры и попытки смоделировать ситуацию после предполагаемого в 2014 г. ухода войск коалиции из Афганистана сводятся к одному: как этот самый уход аукнется в соседних государствах. О том, что будет в самом Афганистане, особо не спорят, и правильно делают.

К власти почти наверняка придут талибы. Сначала на юге и в центре страны, а потом, возможно, на севере. Понятно, что «реталибанизация» займет какое-то время, за которое нужно успеть, образно говоря, обнести Афганистан высокой стеной и пропустить по верху колючую проволоку под напряжением, поставив, таким образом, заслон боевикам-исламистам и караванам с героином.

Напрасные хлопоты

Американские военные аналитики, оправдывая более чем десятилетнее бессмысленное присутствие в Афганистане, пишут, что вторжение в эту страну помешало талибам взять под контроль многие ее районы. Это правда, но не вся. Правда и то, что эффект от антиталибской кампании 2001 г. не замедлил сказаться в Центральной Азии: по инфраструктуре боевиков во всех государствах региона был нанесен серьезный удар. Сначала досталось афганским талибам. После 11 сентября 2001 г. американцы с помощью Северного альянса и при поддержке России вошли в Афганистан и за пару месяцев выдавили их из всех крупных городов. Сначала из Мазари-Шарифа (территория влияния узбекского полевого командира Рашида Дустума), потом из других северных городов, затем из Кабула и уже очень скоро из твердыни движения «Талибан» — города Кандагар на юге.

Одновременно в соседних с Афганистаном странах Центральной Азии возникли военные базы и логистические узлы НАТО, что также способствовало стабилизации обстановки. Важно понимать, что западные военные объекты в бывших республиках СССР создавались с согласия и при поддержке Москвы. США и их союзники никогда (по крайней мере, открыто) не оспаривали права России считать этот регион зоной своего влияния – именно это обстоятельство позволило правительствам молодых государств нейтрализовать у себя многочисленные ячейки таких организаций, как, например, ИДУ («Исламское движение Узбекистана»). Большинство уцелевших боевиков нашли убежище сначала в Афганистане, а затем в Зоне племен на территории Пакистана. Туда же очень скоро ушла большая часть находившихся в Афганистане талибов и членов «Аль-Каиды». Однако отступление оказалось тактическим.

Отдаленные и труднодоступные районы вдоль афгано-пакистанской границы были идеальным убежищем. Горная местность, максимально затрудняющая военно-поисковые операции, помощь со стороны пуштунских племен и, наконец, негласная поддержка, которую боевики получали от некоторых членов пакистанского правительства и влиятельных офицеров в армии и ISI (межведомственная разведка), – все эти факторы способствовали тому, что движение «Талибан» не только не было полностью разгромлено, но и сумело очень скоро перегруппироваться и практически восстановить былое влияние в Афганистане. «Несокрушимая свобода» (так называлась начавшаяся осенью 2001 г. военная операция) стала пробуксовывать, пока окончательно не выродилась непонятно во что.

Очень скоро стало ясно, что союзники не только не смогли и не смогут разгромить «Талибан» с «Аль-Каидой» – они оказались даже не в состоянии нанести им сколько-нибудь существенный урон. Более того, талибам следовало бы сказать «спасибо» американцам: ведь благодаря «Несокрушимой свободе» они приобрели куда больший, чем до войны, политический вес как в Афганистане, так и в Пакистане. Дело в том, что после смещения (также не без помощи американцев) генерала Мушаррафа, который держал страну если не в ежовых рукавицах, то, по крайней мере, в относительном порядке, Пакистан стал сползать к хаосу, и это прибавило талибам сторонников во всех слоях общества.

Примерно с 2005 г. баланс сил в Афганистане начал быстро меняться. Талибы возвращали себе влияние – об этом свидетельст-

вует хотя бы то, что во многих провинциях они стали создавать параллельные структуры власти, включая административные органы и даже суды. Закрывались школы, культурные учреждения вроде клубов, а международные гуманитарные организации начали отзываться из страны своих сотрудников. Примерно тогда же «Талибан» принялся открыто использовать свое лобби в правительстве и парламенте Афганистана, а многие официальные лица и военные стали говорить, что возвращение талибов во власть – вопрос времени. Свои боевые операции талибы проводили уже не только в Кандагаре, Гильменде, Урузгане, Забуле и Пактике, т.е. в пяти южных и юго-восточных провинциях, где их позиции всегда были сильны. Они уверенно, шаг за шагом, отвоевывали территории, казалось бы, всерьез и надолго взятые под контроль силами коалиции. Теперь талибы нападали на иностранных военных и афганских полицейских на северных и западных территориях и, что особенно важно, пользовались поддержкой значительной части местного населения.

Относительная граница подконтрольных силам коалиции территорий стала смещаться все дальше на север. В 2005–2006 гг. она проходила уже по середине страны, а сейчас провести такую разграничительную линию и вовсе невозможно. Талибы уже на севере, хотя еще несколько лет назад никто и помыслить здесь не мог о том, что они вернутся.

В начале лета 2010 г. афганские военные и полицейские рассказывали корреспондентам «Однако», что в сопредельных с Таджикистаном районах страны становится все беспокойнее. Причем боевики, в числе которых, по свидетельствам очевидцев, много выходцев из стран Средней Азии и России (Поволжье и Северный Кавказ), оказались в провинции Кундуз неожиданно для многих местных жителей. Еще накануне было тихо и спокойно, а наутро – вот она, альтернативная власть со всеми атрибутами, даже полицией и блокпостами, на которых запросто останавливают машину и проверяют документы пассажиров. При этом государственные полицейские предпочитают не замечать блокпосты талибов, существуя как бы в параллельных измерениях. Афганцы рассказывали, что талибы прибывали с юга и востока целыми колоннами. Их машины беспрепятственно пропускали через блокпосты полиции, которых немало на пути из Южного Кандагара (Хоста, Гильменда) до Северного Кундуза. Среди местных жителей ходили слухи, что боевиков перебрасывали на север военными самолетами.

Трудно сказать, насколько реальны эти слухи, но то, что переговоры американцев с талибами идут, и идут давно, скорее всего, правда. Сценарий, при котором Афганистан снова станет государством – прибежищем террористов, для американцев абсолютно неприемлем. Они не хотят признавать, что сверхдержава не смогла победить беднейшую из стран мира. Как ответить на простые вопросы налогоплательщиков: почему к власти в Афганистане приходят те, с кем мы воевали долгих 13 лет, и во имя чего Америка потеряла тысячи жизней и миллиарды долларов?

Правда, своим гражданам можно объяснить, что нынешние талибы – это совсем не те «плохие» талибы десятилетней давности. Эти, новые, выбрали демократический путь и уже трансформировались во вполне себе парламентскую партию. Поэтому идеальным вариантом могло бы стать коалиционное правительство с участием талибов и Карзая. Теоретически связать интересы сторон вполне реально: как ни странно, непримиримых противоречий между ними не просматривается. Главе марионеточного афганского режима нужны гарантии безопасности – их могут дать американцы. Американцам нужны гарантии сохранения в Афганистане военных баз – их могут дать талибы.

С самими талибами, правда, несколько сложнее. Им нужна власть – вся целиком, без Карзая. И не нужны американцы, ведь они уже много лет подряд рассуждают о войне до победного конца. С другой стороны, талибам проще. Им не нужно оправдываться перед народом, пусть лучше народ оправдывается перед ними. «А скажи-ка, уважаемый, чем ты занимался во время американской оккупации?» Такое в афганской истории уже было: тем, кого только подозревали в сотрудничестве с русскими, приходилось очень несладко. Очевидно, что с талибами можно договориться. За хорошие деньги они потерпят и американские базы, и Карзая. Другое дело, как долго они будут это терпеть и как долго американцы захотят платить, но это вопрос явно не ближайшей перспективы.

За негласными переговорами с талибами может стоять и нечто более существенное, чем просто желание выйти из тупиковой ситуации и не потерять при этом лицо. Как известно, особая ценность Афганистана – в исключительно выгодном географическом положении. Это, если хотите, страна-транзитер от бога, и если бы не бесконечная война, которой Афганистан также обязан своей географией, он мог бы очень неплохо жить, предоставляя территорию под перевозку и перекачку разных вещей из государства в государство, с континента на континент.

Есть много интересных проектов, правда, почти все на нынешний день заморожены. Один из них – строительство газопровода от месторождений в Туркмении в Пакистан и Индию через Афганистан. Газопровод будет стоить более 2 млрд долл. и позволит более чем в два раза увеличить экспорт туркменского газа, причем через южное, менее выгодное для России направление. В этом случае объемы прокачки через российскую территорию неминуемо сократятся, хотя бы потому, что цена газа в дальнем зарубежье выше, чем в странах СНГ.

Кстати, до вторжения в Афганистан американцы, лоббировавшие проект, уже вели переговоры с талибами, которые должны были гарантировать безопасность газопровода (афганский участок трассы – более 760 км). Но тут произошли события 11 сентября. Можно предположить, что, даже если американцы и их союзники действительно уйдут из Афганистана, ближайшие год-два в стране пройдут относительно спокойно. Талибы будут расширять зону влияния на все регионы и наращивать военные возможности. При этом маловероятно, что военная мощь нужна им для пресловутой экспансии на север, которой почему-то опасаются некоторые пишущие об Афганистане журналисты.

Талиб за Пянджем не воин

Конечно, неизвестность пугает. Трудно сказать, насколько реально мирное сотрудничество талибов с нынешним режимом Хамида Карзая (который по Конституции уже не сможет принять участие в президентских выборах 2014 г.) и другими политическими силами. Какой будет борьба за власть – мирной или не очень? Судьба постамериканского Афганистана волнует как самих афганцев, так и их северных соседей. Чего ждать от возрожденного «Талибана» и его союзников? Например, от «Исламского движения Узбекистана»? В самом Узбекистане последние десять лет о нем не слышно, но вот в Афганистане боевики ИДУ, по слухам, ведут себя по-прежнему активно. Есть сведения, что они вместе с боевиками «Аль-Каиды» и «Талибана» нападают на правительственные объекты и военных в таких городах Северного Афганистана, как Кундуз и Талукан, а в приграничных провинциях Фарияб, Балх и Бадахшан пытаются держать под контролем целые районы. Это вызывает тревогу в Узбекистане и Таджикистане – двух государствах, которые имеют как внутренние, так и нерешенные территориальные проблемы.

Ташкент и Душанбе не могут не беспокоить прошлые контакты лидеров «Исламского движения Узбекистана» с американцами. По нашей информации, еще в 2004 г. состоялась встреча лидера ИДУ Тахира Юлдашева (в августе 2009 г. убит в результате ракетного удара в Пакистане) с американцами, на которой присутствовали афганские полевые командиры, в том числе известный Маулави Сайд (Маулави Сайд Рахман, полевой командир «Талибана», в январе 2008 г. убит в Пакистане во время стычки с боевиками из другой группировки). И Юлдашеву, и афганцам была предложена помощь – в обмен на сотрудничество.

Какого рода сотрудничество было нужно американцам, впоследствии рассказал другой видный член ИДУ, также находящийся на пакистанской территории. В Пешаваре его задержали сотрудники спецслужб, а потом несколько раз вывозили на встречи, предварительно завязав глаза. Его собеседники говорили на фарси, но с сильным акцентом. Предлагали сотрудничество в борьбе против общего врага – режима Ислама Каримова в Узбекистане.

С тех пор прошло почти десять лет. Многих участников тех событий уже нет в живых, но даже малейшая возможность того, что талибы при негласной поддержке американцев попытаются натравить ИДУ на правящие режимы бывших советских республик, является для этих режимов ночным кошмаром. Однако не все так страшно. Сегодня «Исламское движение Узбекистана» уже совсем не то, что было в конце 1990-х (на эти годы приходится пик активности организации). ИДУ в его прежней форме больше не существует.

После того как боевики этой организации перебазировались в Афганистан и Пакистан, они оказались в среде, где что ни племя, то вооруженная группировка. К тому же многие местные авторитеты стали обвинять членов ИДУ в том, что они террористы и навлекают на пуштунские деревни удары американских беспилотников.

Через некоторое время руководство ИДУ (сначала Джума Намангани, а затем и Тахир Юлдашев) было уничтожено. Организация распалась на мелкие группы, часто даже не поддерживающие между собой связи и озабоченные исключительно вопросом выживания. А часть людей просто влилась в отряды талибов, а также таких известных командиров, как Байтулла Махсуд (член «Аль-Каиды», погиб в 2009 г. в результате удара с беспилотника)

или братья Хаккани (независимая группировка, действующая в союзе с «Талибаном»).

Итак, «Исламское движение Узбекистана» представляет собой разве что ограниченную угрозу – и то исключительно в связке с «Талибаном». А поскольку в ближайшее время талибы, скорее всего, займются укреплением позиций в Афганистане, среднеазиатские режимы вряд ли будут представлять для них интерес. Но даже если допустить, что талибы спят и видят свой триумфальный вход в Ташкент и Душанбе, подготовка к операции такого масштаба займет годы. Причин много, назовем лишь основные.

Во-первых, талибы сильны у себя на родине – в Афганистане. Таджики и узбеки, как бы они ни ненавидели собственные правительства, вряд ли примут чужаков в качестве освободителей, тем более что освобождение талибы смогут принести весьма условное. Будет нужен фактор поддержки изнутри, «пятая колонна», а ее, по сути, нет. Даже в Таджикистане, на востоке которого существуют вооруженные группировки, неподконтрольные правительству, протестные настроения далеко не всегда имеют проталибский характер. Пик активности боевиков в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии пришелся на 1999–2001 гг., т.е. именно на тот период, когда талибы были в зените власти в Афганистане. Сейчас они хоть и сильны, но полностью взять власть в свои руки в ближайшее время не смогут.

Во-вторых, есть фактор Северного Афганистана. В свое время талибы подчинили его в последнюю очередь, и на это у них ушло долгих пять лет. Весьма вероятно, что нечто подобное произойдет и на этот раз. Северные провинции, скорее всего, станут буферной зоной между талибами и странами Центральной Азии, которые будут активно поддерживать антиталибские силы – как политически, так и материально. Помогать им наверняка станет и Россия, которая рассматривает «Талибан» с его фундаменталистской идеологией как серьезный фактор риска.

В-третьих, за 20 лет независимости бывшие советские республики создали более или менее эффективные вооруженные силы и спецслужбы, способные противостоять как внутренним угрозам, так и попыткам вторжения из-за границы. В меньшей степени это относится к Таджикистану, армия и силы безопасности которого находятся в наихудшем состоянии, а в большей – к Узбекистану, располагающему одной из самых многочисленных и оснащенных армий на постсоветском пространстве. Достаточно увидеть, как

оборудована узбекско-афганская граница, чтобы понять – вторгаться сюда талибам в общем-то ни к чему.

Другое дело, что страны Центральной Азии сталкиваются с серьезными внутренними проблемами (межэтническая напряженность, вопросы передачи власти, территориальные споры и пр.), которые радикальные элементы, скорее всего, попытаются использовать в своих интересах. И Афганистан после ухода сил коалиции снова может стать их тыловой и тренировочной базой. К тому же при существующей прозрачности границ между некоторыми странами Центральной Азии и Афганистаном (прежде всего, имеется в виду таджикско-афганская граница) можно не сомневаться, что поток товаров, людей, наркотиков и боевиков станет интенсивнее. Реальная, хотя пока и неявная угроза для соседей Афганистана заключается в том, что в случае серьезной схватки за Север страны конфликтная зона сместится ближе к границам России и Китая. А с учетом в принципе нестабильной ситуации в Средней Азии, эту зону при желании можно и расширить.

Но пока жуткая картина, на которой полчища талибов в черных чалмах с криками «Аллах Акбар!» форсируют Пяндж и Амударью и идут маршем на Душанбе и Ташкент, нереальна. Хотя название «Талибан» вместе с аббревиатурой «ИДУ» будут по-прежнему широко использоваться местными режимами для борьбы с оппозицией. Это ведь очень удобно – пугать обывателя талибами, тем более что они совсем рядом, буквально за речкой. Так что, «кто не с нами, тот талиб».

Добро пожаловать в Афганистан!

Как уже было сказано, ближайшие год-два в Афганистане будут относительно спокойными. Но нужно оговориться: для его соседей. Внутри же страны можно ожидать чего угодно. Дело даже не в борьбе группировок и возрождении талибского влияния, скорее всего, талибы договорятся с американцами, и процесс передачи власти будет относительно спокойным. Очередную проблему может создать Афганистану его местоположение на карте, благодаря которому на протяжении всей своей истории страна является полем чужих сражений. На этот раз здесь схлестнутся интересы двух непримиримых противников, много лет соперничающих за влияние в регионе Персидского залива, – Ирана и Саудовской Аравии.

После того как в отношениях Вашингтона и Тегерана наметилась положительная динамика (частичные уступки по ядерной программе в обмен на частичное снятие экономических санкций), можно предположить, что Иран перестанет быть страной-изгоем. Более того, ИРИ превратится в самого крупного и влиятельного игрока в регионе Персидского залива. Что, понятно, никак не устраивает Саудовскую Аравию.

Парадокс: своими действиями американцы последовательно наносят удар за ударом главному союзнику США на Ближнем Востоке – Эр-Рияду. Сначала они оккупировали Ирак, уничтожив режим Саддама Хусейна и сделав ставку на иракских шиитов, составляющих более 60% населения страны и политически и духовно ориентированных на Тегеран. Теперь они собираются покинуть Афганистан, на ситуацию в котором будут оказывать влияние соседние государства, самое крупное из которых опять же Иран. Как еще прошлой осенью писал «Однако», Иран сегодня напоминает человека, который в каждой руке держит по пульту управления: в левой – иракский, в правой – афганский. Шиитов в Афганистане немного, но зато 30% населения страны составляют говорящие на фарси таджики (и, кстати, это еще большой вопрос, что больше сближает людей – религия или язык).

Таджики компактно живут на севере, северо-востоке и на сопредельном с Ираном западе страны. Они являются национальным большинством в крупнейших городах Афганистана, в том числе в Кабуле. Кроме того, 10% населения Афганистана составляют хазарейцы, которые не только говорят на диалекте персидского языка, но и исповедуют ислам шиитского толка. Во времена первого пришествия талибов их поддерживала Саудовская Аравия и некоторые другие монархии Залива. Ирану рост влияния суннитских радикалов у самых его границ ничего, кроме неприятностей, не сулил. Потому нет ничего удивительного в том, что Тегеран активно помогал воевавшему с талибами афганскому Северному альянсу, а иранские спецслужбы делились информацией и предоставляли другую помощь натовским военным.

Но помощь Тегерана не ограничивалась одной лишь военной сферой. Иранские компании вкладывали и продолжают вкладывать деньги в восстановление разрушенной войной афганской экономики, иранцы снабжают электроэнергией сопредельные афганские территории, а недавно закончили строительство железной дороги, связавшей два государства. Есть также многочисленные гуманитарные проекты, совместная борьба с наркотрафиком и др.

Теперь же, если тенденция на потепление между Вашингтоном и Тегераном сохранится, иранское влияние в Афганистане многократно возрастет. И Саудовской Аравии противопоставить ему нечего, разве что резкий рост активности талибов и джихадистов всех мастей. Таким образом, Тегеран будет поддерживать таджиков и хазарейцев, а Эр-Рияд – пуштунов, составляющих костяк движения «Талибан», а также интернациональные отряды идейно близких ему боевиков (в Афганистане их немало).

Страдать от противоборства богатых покровителей будут, понятное дело, простые афганцы. Например, прошлой осенью в провинции Лагман на востоке Афганистана полиция задержала целую группу из 20 детей в возрасте от 6 до 10 лет. Вместе с ними был арестован и взрослый сопровождающий. Представитель правительства провинции сделал заявление о том, что дети были похищены в провинции Нуристан, с тем чтобы переправить их одной из террористических группировок. По сообщениям афганской прессы, похищение и вербовка детей в качестве живых бомб становится одной из главных проблем страны – и, к сожалению, есть все предпосылки считать, что в ближайшее время подобных сообщений меньше не станет.

Кстати, генерал афганской полиции, комментировавший информацию об использовании детей террористами, говорил, что будущих смертников для прохождения специального курса обучения должны были переправить на территорию соседней страны. Пакистан – вот еще один важный фактор, который будет серьезно влиять на ситуацию в Афганистане. О роли Пакистана в возникновении и становлении движения «Талибан» написано и сказано очень много. Применительно к сегодняшней ситуации можно лишь добавить, что Исламабад, переживающий кризис в отношениях с Соединенными Штатами и испытывающий серьезные экономические трудности, скорее всего, вновь прибегнет к помощи проверенного политического инструмента – талибов.

Суть информационной войны, которую ведут между собой Кабул и Исламабад, можно выразить так: правительство Карзая обвиняет пакистанское руководство в том, что оно дает убежище талибам и использует их в своих целях, в частности, для дестабилизации обстановки в Афганистане. Исламабад выдвигает встречные обвинения: официальный Кабул не в состоянии обеспечить у себя в стране элементарный порядок и пытается свалить вину с большой головы на здоровую.

Так или иначе, но, учитывая наличие проталибского лобби в силовых структурах и, возможно, даже в правительстве Пакистана, трудно представить, что талибы не задействованы в геополитических играх Исламабада. Через активизацию их вылазок или, наоборот, сведение их числа к минимуму можно весьма эффективно влиять на ситуацию в соседнем Афганистане. Американцам нужно сохранить там свои базы? Пожалуйста, можем посодествовать. Или наоборот. Как не вспомнить замечательные слова генерала Зия-уль-Хака о том, что если исламский мир – пояс Земли, то Пакистан – его пряжка. Можно ослабить, а можно и затянуть потуже.

Резюмируя все сказанное, еще раз подчеркнем, что будущее Афганистана точно так же, как и его прошлое, определяет географическое положение. Эту страну просто не могут оставить в покое – слишком большие выгоды сулит контроль над бесплодными афганскими горами и пустынями. Трудно сказать, кто следующий отважится воевать за право считать Афганистан «своим», но история попыток покорения страны, похоже, будет продолжена. Тем же, кто захочет попробовать стать следующим после Британкой империи, Советского Союза и Соединенных Штатов, стоит подумать над одним популярным в Афганистане анекдотом.

На базаре в Кабуле сидит старик, а мимо проходит иностранный (неважно, какой именно) солдат. «Добро пожаловать в Афганистан, сынок! – приветливо улыбаясь, говорит старик. – Прийти-то ты пришел, а вот как уходить будешь, подумал?»

«Однако», М., 2014 г., с. 242–250.

А. Демченко,
востоковед
ИОРДАНИЯ

С начала 2011 г. Иорданское Хашимитское Королевство, подобно многим другим странам арабского мира, вступило в полосу народных волнений. Эти события стали результатом противоречивости и непоследовательности политики короля Абдаллы II как в политической, так и социально-экономической сфере. Главным требованием оппозиции стало проведение широкой конституционной реформы, которая бы существенно ограничила полномочия короля и повысила бы роль законодательного органа в управлении страной. Абдалла II за время протестов показал себя как крайне

неуступчивый политик в том, что касается радикального изменения Конституции. Это связано не столько с его нежеланием делиться властью с парламентом, сколько с пониманием того, что традиционная для страны слабость политических партий, соперничество и недоверие между иорданскими палестинцами и восточноиорданцами может привести к дестабилизации, если процесс реформ будет форсирован. Несмотря на то что внутривнутриполитический кризис в Королевстве затянулся, этнодемографические особенности Иордании, специфика исламистской оппозиции, патриархальный характер политической жизни страны, низкая популярность партий и сложившийся баланс сил между различными группами населения, при котором король, чья легитимность подкрепляется происхождением династии от Пророка Мухаммада, находится над схваткой, выступает как главная консолидирующая сила и верховный арбитр, позволяют рассчитывать, что кризис в Королевстве, в отличие от некоторых арабских стран, не дойдет до опасной черты, и оно сохранит репутацию одного из самых стабильных государств арабского мира.

Абдалла II, занявший трон короля Иордании в 1999 г., одним из приоритетов своего правления объявил проведение реформ в политической и экономической областях. Он выдвинул идею создания устойчивых массовых светских партий, относительно лояльных властям и служащих противовесом исламистам – «Братьям-мусульманам» и их политическому крылу, Фронту исламского действия (ФИД). Вовлечение населения в политическую жизнь, по мысли монарха, должно происходить на основе иорданоцентристских идей. С этой целью в октябре 2002 г. король предложил концепцию «Иордания превыше всего». Ее цель – сплотить население вокруг решения вопросов социально-экономического развития страны, отвлечь внимание от внешнеполитических региональных проблем (палестино-израильского и иракского конфликтов)¹. Акцент на внутренних делах Иордании, четко обозначенный в названии документа, связан не только со стремлением оградить страну от негативного влияния из сопредельных государств, но и со структурой иорданского общества. По неофициальным данным, до 60% населения страны составляют палестинские беженцы и их потомки, которые являются полноправными

¹ Jordan First Document. http://www.kingabdullah.jo/template.php?page_id=94&menu_id=245&menu_id_parent=17&lang_hmka1=1

гражданами¹. При этом палестинцы, в отличие от восточноиорданской части населения бедуинского происхождения и потомков выходцев с Северного Кавказа (черкесов и чеченцев, переселившихся в Иорданию в начале XX в.), никогда не считались абсолютно лояльными правящей династии. Представительство палестинцев в органах власти невелико, но зато они занимают хорошие позиции в бизнесе. Они традиционно более политизированы, восприимчивы к событиям вокруг ближневосточного конфликта и составляют значительную часть электората ФИД, причем не столько из интереса к политическому исламу, сколько потому, что им близок жесткий подход Фронта к Израилю.

Абдалла II является вполне вестернизированным, современным и динамичным лидером, понимающим неотвратимость глобализации, со всеми ее плюсами и минусами для стран Востока, осознающим необходимость соответствовать ожиданиям Запада, толкающего арабские режимы к демократизации. Именно поэтому он проявляет заинтересованность в модернизации политической системы. Король учитывает, что лояльные партии могут служить в качестве опоры его власти, а исламистская оппозиция имеет право на существование и также должна быть вовлечена в парламентскую жизнь, так как это способствует умеренности и удерживает ее в легальном поле. Наконец (возвращаясь к палестинскому фактору), для Абдаллы II важно расширить участие палестинцев в политической жизни страны при обязательном условии постепенности этого процесса и повышении лояльности подданных палестинского происхождения, усилении иорданской составляющей их идентичности.

В экономической сфере Абдалла II продолжил курс своего отца, короля Хусейна (1953–1999), на создание современной рыночной экономики, что особенно важно, так как страна не имеет значительных полезных ископаемых. Наиболее сложные времена иорданская экономика переживала в первой половине 2000-х годов из-за палестинской интифады, ухудшившей инвестиционный климат, и войны в Ираке, которая привела к росту цен на нефть. Однако увеличение помощи со стороны США и аравийских монархий, восстановление торгово-экономических связей с Ираком, увеличение объемов денежных переводов от иорданцев, работающих за рубежом, а также приток инвестиций со стороны состоя-

¹ Аганин А.Р., Соловьева З.А. Современная Иордания. Справочник. – М., 2003. – С. 30.

тельных иракских беженцев способствовали экономическому буму 2005–2008 гг. В эти годы (пока не начался мировой финансовый кризис) рост ВВП достигал 8% в год. Власти сделали упор на осуществление приватизации, поддержку частного предпринимательства и повышение транспарентности в сфере бизнеса, облегчение условий торговли (особенно экспорта в зарубежные страны), привлечение инвестиций, развитие сектора услуг (туризма, образования и здравоохранения). Как отмечает российский арабист Л.Н. Руденко, «всё это способствовало позитивной трансформации иорданской экономики»¹.

Реформы осложнялись непоследовательностью, избирательностью, сохранением административных барьеров для бизнеса. Преобразования во многом тормозились правящей элитой, чиновниками госсектора и даже частью общества (особенно в провинциях, где преобладают восточноиорданцы). Дело в том, что в 1950–1980-х годах государство играло большую роль в экономике, занимаясь ее планированием, распределением ресурсов, защитой внутреннего рынка, субсидируя основные продукты питания и бензин, выступая главным работодателем для населения и давая привилегии политикам и племенным лидерам. Даже сейчас заработная плата госслужащих составляет 58% от всех расходов правительства. Большинство госслужащих разного ранга – это восточноиорданцы, которые, таким образом, становятся главными противниками реформ. Не способствуют успеху преобразований частая смена правительств, а также то, что реформы осуществляются сверху небольшой группой технократов, ориентирующихся на рекомендации Международного валютного фонда².

Абдалла II и оппозиция: История отношений

Еще одна проблема, стоящая перед властями Иордании, – исламистская оппозиция. Королевство представляет собой пример наименее конфликтного и «мягкого» взаимодействия правящих кругов и исламистов. С одной стороны, власти проявляют заинте-

¹ Руденко Л. Иордания: Приверженность экономическим реформам. Новое восточное обозрение, 31.01.2011. – <http://journal-neo.com/?q=ru/node/4077>

² Sufyan Alissa. Rethinking Economic Reform in Jordan: Confronting Socio-economic Realities // Carnegie Papers. Carnegie Middle East Center. № 4, July 2007, p. 9–10. – http://www.carnegieendowment.org/files/crnec4_alissa_jordan_final.pdf

ресованность в участии «Братьев-мусульман» в парламентской жизни страны; с другой – оппозиция демонстрирует отсутствие намерений сменить режим или сделать ставку на нелегальные методы политической борьбы. Специфику политическому исламу придает палестинский фактор, так как среди иорданских исламистов есть крыло, поддерживающее тесные связи с ХАМАС. Иорданские «Братья» всегда выступали на стороне радикально настроенных сил в Палестине, не признавая палестино-израильских соглашений в Осло 1993 г. и иордано-израильского мирного договора 1994 г.

Начало палестинской интифады аль-Акса в сентябре 2000 г. взбудоражило население Королевства, особенно его палестинскую часть. В преддверии парламентских выборов, намеченных на ноябрь 2001 г., во дворце посчитали, что у исламистов слишком хорошие шансы, и Абдалла II объявил о роспуске Национальной ассамблеи (парламента). Выборы в нижнюю палату были отложены до июня 2003 г. Несмотря на недовольство действиями властей, исламисты посчитали нецелесообразным бойкотировать выборы, и в Палату представителей было избрано 17 членов ФИД. После успеха «Братьев-мусульман» на парламентских выборах в Египте в декабре 2005 г., когда они получили 88 из 454 мест в законодательном органе, и победы ХАМАС на парламентских выборах в ПНА в январе 2006 г. в среде иорданских исламистов активизировались пропалестинские элементы. Генеральным секретарем ФИД был избран Заки Бани Иршад, тесно связанный с ХАМАС и оппонировавший руководителю «Братьев-мусульман» Салиму аль-Фалахату – представителю умеренного крыла.

В последующие годы пропалестинское крыло иорданских исламистов продолжало укрепляться. Обострившиеся разногласия между исламистами по палестинскому вопросу привели к их поражению на парламентских выборах в ноябре 2007 г. Сторонники ХАМАС призывали к отказу от участия в выборах, но не добились своего. В результате внутренней борьбы ФИД неудачно провел избирательную кампанию и получил лишь шесть мест в Палате представителей. Исламисты объясняли этот результат нелиберальным законодательством и фальсификациями властей. Провал на выборах способствовал укреплению радикального крыла «Братьев-мусульман». В мае 2008 г. на выборах нового главы организации победу с перевесом в один голос одержал иорданец палестинского происхождения Хаммам Сайд, опередивший умеренного Салима аль-Фалахата. Умеренные проиграли также выборы в Маджлис

аш-шура (Консультативный совет) «Братьев-мусульман» – высший руководящий орган организации. И хотя в июне 2010 г. после ожесточенной борьбы главой ФИД стал умеренный восточно-иорданец Хамза аль-Мансур, в исламистских организациях, особенно на низовом уровне, наблюдается рост влияния иорданских палестинцев, что беспокоит королевский режим.

В преддверии кризиса: Парламентские выборы 2010 г.

В конце 2009 г. власти Иордании предприняли обычный для них политический маневр, который многократно повторялся в истории страны, когда король сталкивался с недовольством подданных. Абдалла II 24 ноября распустил парламент, проработавший половину своего четырехлетнего срока. Решение короля объяснялось тем, что Палата представителей не пользовалась популярностью у населения и подвергалась критике за коррумпированность, некомпетентность, неэффективность. Традиционные упреки в адрес депутатов усилились на фоне социально-экономических проблем, которые переживала Иордания, затронутая мировым финансовым кризисом. Как свидетельствовали результаты опроса, проведенного американской организацией The International Republican Institute 8–11 августа 2009 г., более 50% иорданцев были не удовлетворены работой депутатов, а 42% считали, что законодатели не представляют их интересы¹. В парламенте были слишком сильны консервативные настроения. Депутаты не спешили принимать законы, которые бы способствовали притоку инвестиций и развитию частного сектора. Как отмечает американский исследователь К. Райан, такое поведение депутатов имело свою причину: экономическая либерализация и приватизация укрепили позиции палестинского предпринимательского класса, что вызвало недовольство многих восточноиорданцев, занятых в госсекторе².

¹ 'National Priorities, Governance and Political Reform in Jordan. National opinion public poll#7. The International Republican Institute, October 2009, p. 12, 21. – <http://www.iri.org/sites/default/files/2009-October-27-Survey-of-Jordanian-Public-Opinion,August-8-11,2009.pdf>

² Curtis R. Ryan. Jordan's new electoral law: reform, reaction, or status quo? // The Foreign Policy, 24.05.2010. – http://mideast.foreignpolicy.com/posts/2010/05/24/jordan_s_new_electoral_law_reform_reactor_or_status_quo

Вслед за роспуском парламента последовала отставка правительства Надира Дахаби, которого 9 декабря на посту премьер-министра сменил 43-летний технократ Самир ар-Рифаи. В послании новому кабинету министров Абдалла II говорил о необходимости продолжения реформ, модернизации, борьбы с коррупцией, повышения ответственности, эффективности работы чиновников, открытости органов государственной власти¹. Исламисты одобрили роспуск королем парламента и начало разработки нового закона о выборах.

Однако принятый в мае 2010 г. закон был воспринят не только ими, но также интеллектуалами и либеральными политиками как шаг назад. Впрочем, и прежний закон 2001 г. с последующими поправками не давал исламистам серьезных шансов. Закон сохранил принцип «один избиратель – один голос», при котором избиратель может проголосовать только за одного кандидата. Иорданцы с наиболее традиционными взглядами (особенно из провинции), предпочитающие голосовать в первую очередь за представителей своих кланов и племен, не имеют возможности отдать дополнительные голоса за кандидатов от партий, политические платформы которых им близки. Численность парламента увеличилась со 110 до 120 депутатов. Количество мест, предназначенное для женщин, удвоилось – с шести до 12. Еще 12 мест отвели представителям этноконфессиональных меньшинств: для девяти депутатов от христианской общины и трех выдвиженцев от северокавказской. Резервирование в нижней палате мест для представителей религиозных и этнических меньшинств, поддерживающих короля, означало, что по этим квотам пройдут лояльные властям политики. Были выделены также два дополнительных места для депутатов, избравшихся от Амманского округа, и по одному от городов Зарка и Ирбид. Власти разделили Королевство на избирательные зоны таким образом, что малонаселенные сельские районы и провинциальные города, где проживают коренные иорданцы, голосующие за лояльных королю клановых кандидатов, имеют непропорционально большое представительство в парламенте. Например, для Маанского избирательного округа на юге страны с населением в 143 тыс. человек в парламенте предусмотрено семь мест, а для столицы страны Аммана с 2,3 млн жителей – только 28. Весьма спорным стало деление географических избира-

¹ His Majesty King Abdullah II's letter of designation to Samir Rifai. Amman, Jordan, 09.12.2009. – lah.jo/main.php?main_page=0&lang_hmkal=1

тельных округов на так называемые виртуальные подокруга, не имеющие географических границ. От каждого из 108 подокругов избирался один депутат (остальные 12 членов парламента избирались по «женской квоте»). Человек, зарегистрированный в своей избирательной зоне, имел право проголосовать за кандидата, выдвинутого от любого виртуального округа¹. И хотя предполагалось, что избиратель благодаря виртуальным подокругам отойдет от местечковых предпочтений при голосовании, на деле во время голосования из широкого списка кандидатов он все равно может выбрать знакомого ему местного лидера.

По словам политического комментатора крупной иорданской газеты «Аль-Гад» Джамиля Нимри, новый закон мешает созданию кандидатами коалиций на основе их политических платформ и способствует формированию племенных альянсов. Эксперт Центра стратегических исследований Иорданского университета Мухаммад аль-Масри отмечал, что после того, как в 1993 г. был введен принцип «один избиратель – один голос», в обществе сохраняется доминирование традиционной идентичности, а социальные и экономические интересы отходят на второй план². Увеличение женской квоты и появление дополнительных мандатов для депутатов от Амманского округа стало единственной уступкой властей в ответ на требование оппозиции увеличить представительство городского населения и палестинцев. Особенности деления страны на избирательные зоны и виртуальные округа привели к тому, что решающее слово на выборах принадлежало восточноиорданцам, голосовавшим исходя из племенных предпочтений.

Принятие нового закона спровоцировало обострение противоречий среди исламистов. Так как их лидеры не смогли прийти к согласию относительно участия в выборах, были опрошены руководители среднего звена в регионах, из которых более 73% выступили за бойкот³. Фронт исламского действия после собрания Консультативного совета 31 июля объявил о бойкоте выборов. Из 120 человек только 18 проголосовали за предложение идти на вы-

¹ Канун аль-интихаб аль-урдуний ли маджлис навваб ли сана 2010. – <http://www.mopd.gov.jo/files/%202010.pdf>

² The Jordan Times, 09.05.2010.

³ Abu Rumman Muhammad. Jordan's Parliamentary Elections and the Islamist Boycott // Arab Reform Bulletin, October 20, 2010. Carnegie Endowment for International Peace. – <http://www.carnegieendowment.org/arb/?fa=show&article=41769>

боры. Видный член ФИД Абу ас-Суккар заявил, что, кроме опросов партийцев по всей стране, Фронт принял во внимание мнение руководства «Братьев-мусульман», которое рекомендовало не участвовать в выборах¹. Глава Сената (верхней палаты парламента) Тахер аль-Масри признал, что решение оппозиции не участвовать в выборах ослабит будущий парламент. «Бойкот исламистов, главной оппозиционной группы в Иордании, означает, что мы получим парламент без организованной оппозиции», – заявил политик².

Подготовка к парламентским выборам проходила в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке. Население проявляло недовольство ростом цен на продукты питания, бензин (инфляция в 2011 г. составила 6,1%), высокой безработицей (по официальным данным, составляющей 13,3%, по неофициальным – 20%). Бюджетный дефицит достиг 2,1 млрд долл., внешний долг – 11 млрд, т.е. около 60% ВВП страны. Под влиянием мирового финансового кризиса сократились переводы от иорданцев, работающих за границей, снизился приток иностранных туристов и инвестиций. Прирост ВВП упал с 7,8% в 2008 г. до 2,3% в 2009 г. Эксперты МВФ оценивали прирост ВВП в 2010 г. в 4,1%. Финансовые трудности заставили власти снизить ассигнования, сдерживающие цены на социально значимые товары³.

В такой обстановке 9 ноября 2010 г. прошли выборы в парламент. Согласно официальным итогам подсчета голосов, оглашенным 11 ноября министром внутренних дел Найефом Кади, в Палате представителей только 17 депутатов из 120 представляют политические партии. Депутатский корпус нижней палаты, избираемой на четыре года, существенно обновился: 78 человек ранее не заседали в парламенте. Явка на выборах составила около 53% от более чем 2,4 млн избирателей (в Аммане – только 34%). Оппозиция указала на это как на признак недоверия населения к властям, однако такой показатель участия в голосовании обычен для Иордании: например, в 1989 г., когда после 22-летнего перерыва король Хусейн решил провести выборы и даже допустить к ним

¹ The Jordan Times, 01.08.2010.

² Maan, 09.11.2010.

³ Maan, 09.11.2010; Schenker David, Pollock David. Jordan: Heightened Instability, But Not Yet a Major Crisis. The Washington Institute for Near East Policy, 01.02.2011. – <http://washingtoninstitute.org/templateC05.php?CID=3298>; The Associated Press, 01.11.2011.

исламистов, явка была столь же низкой. В этой связи премьер-министр ар-Рифаи справедливо отметил, что «бойкот исламистами выборов не оказал влияния на голосование»¹.

Коалиция оппозиционных сил – Демократической народной партии («Хашед»), Иорданской баасистской партии, Коммунистической партии Иордании и Партии национального единства – выставила восемь кандидатов. Из них в парламент прошла только Абла Абу Олба – генсек «Хашед», избранная по женской квоте в одном из районов Аммана. Как заявил пресс-секретарь «Братьев-мусульман» Джамиль Абу Бакр, «это не провал политических партий, это провал демократии и политической реформы». Из семи независимых исламистов в нижнюю палату прошел один. Помимо отсутствия исламистов, особенностью 16-го в истории Иордании состава парламента стало сокращение количества депутатов-палестинцев, которых и раньше не бывало более 20%, а в новом парламенте оказалось почти в два раза меньше². Парламент остался традиционно лояльным королю и даже безынициативным, так как основную часть депутатов составили представители восточно-иорданских племен и кланов.

Динамика политического кризиса 2011 г.

Спустя два месяца после парламентских выборов у оппозиции появилась возможность оказать давление на власть в целях проведения серьезных реформ. В начале января 2011 г. в Иордании, под влиянием антипрезидентских выступлений в Тунисе, начались акции протеста. Население выступало против резкого роста цен на бензин и продукты питания, инфляции, высокой безработицы, коррупции. Волнения проходили в регионах (в городах Дибан, Керак, Салт), а потом распространились на столицу Амман и другие города (Зарку, Ирбид, Маан, Аджлун). Активное участие в акциях протеста жителей районов с преимущественно восточно-иорданским (а не палестинским) населением вызвало озабоченность властей. Хотя подобные выступления против плохих условий жизни в провинциях и конфликты между племенами и государством по вопросам принадлежности земель случались и прежде, на этот раз они приняли более массовый характер, а их

¹ Agence France Presse, 11.11.2010.

² Al Jazeera, 10.11.2010. – <http://english.aljazeera.net/news/middleeast/2010/11/2010111011597439770.html>

география расширилась, так как зарубежный пример вдохновил недовольных и вселил в них уверенность в своих силах. Затем организацией более масштабных и громких акций протеста, особенно в столице, занялись основные оппозиционные силы: профсоюзы (14 профсоюзов, в которых насчитывается 200 тыс. членов), «Братья-мусульмане» и коалиция шести партий (ФИД, «Хашед», Коммунистическая партия Иордании, Иорданская социалистическая партия Баас, Арабская социалистическая партия и Партия народного единства). Таким образом, основными участниками акций протеста стали исламисты, либералы, левые, а также представители племен, что предопределило гетерогенность оппозиции.

Сразу после начала волнений власти постарались удовлетворить требования манифестантов. Был разработан пакет мер, предусматривавший расходование около 500 млн долл. на повышение зарплат госслужащих и регулирование цен на топливо и 12 социально значимых товаров. 1 февраля король Абдалла II отправил в отставку правительство непопулярного реформатора ар-Рифаи. На его место был назначен Маруф аль-Бахит – представитель одного из влиятельных восточноиорданских племен, бывший глава разведки и посол в Израиле и Турции. В 2005–2007 гг. аль-Бахит руководил правительством, став премьер-министром после взрывов в отелях Аммана в ноябре 2005 г. Оппозиции, в том числе исламистам, было предложено войти в состав нового кабинета министров, но она отказалась. Абдалла II поручил правительству заняться решением социально-экономических проблем, переговорами с протестующими, а также изменением выборного законодательства.

Протестующие посчитали финансовые меры властей недостаточными и рассчитанными на краткосрочный эффект. Недовольство вызвала фигура аль-Бахита – явного силовика, а не социально ориентированного реформатора. Нападкам подверглось не только новое правительство, но и парламент, который почти единогласно (111 депутатов из 120) голосовал после выборов за продление полномочий непопулярного кабинета ар-Рифаи. Оппозиция потребовала изменить Конституцию таким образом, чтобы повысить ответственность правительства перед парламентом, а также ввести норму, согласно которой кабинет министров формируется не королем, а парламентскими партиями. В результате иорданская¹ монархия, по мнению оппозиции, лишь формально считающаяся конституционной, должна стать таковой на самом деле. Экономи-

¹ The Jordan Times, 06.02.2011.

ческие промахи прежних правительств протестующие объяснили именно тем, что депутаты не могли влиять на их политику. При этом все партии постоянно подчеркивали, что «Иордания – это не Египет», что их целью является не смена режима, а политические реформы. Как заявил аль-Мансур, «мы признаем и подтверждаем легитимность Хашимитов»¹. Несмотря на доминирование в рядах оппозиции исламистов, требования протестующих не получили религиозной окраски.

Активизация оппозиции вызвала беспокойство восточно-иорданской элиты, удовлетворенной сменой премьер-министра. Претензии части восточноиорданских политиков, отставных военных и шейхов племен были предъявлены лично королю. В середине февраля 36 глав бедуинских племен и кланов направили Абдалле II петицию, в которой раскритиковали его супругу, королеву Ранию, выразив недовольство как ее палестинским происхождением, так и политической и общественной активностью, противоречащей патриархальным ценностям «пустыни» и способствующей укреплению влияния палестинцев. Авторы обращения подчеркнули, что игнорирование их предупреждений может привести в Иордании к таким же беспорядкам, как в Тунисе и Египте².

Реакцию руководства страны на действия оппозиции можно охарактеризовать как сдержанную, осторожную и отчасти компромиссную. Активно обсуждая вопросы, связанные с социальной сферой и борьбой с коррупцией, власти старались не заострять внимание на требованиях оппозиции по поводу изменения Конституции, ограничиваясь обещанием пересмотреть закон о выборах, повысить роль партий, содействовать развитию свободных СМИ и гражданского общества. По решению короля 15 марта был создан «Национальный комитет по диалогу», в который вошли 52 представителя общественно-политических кругов: оппозиционеры, общественные деятели, один министр, представители профсоюзов, ученые и правозащитники. Во главе комитета стал спикер Сената. Однако властям не удалось привлечь к участию в комитете исламистов, которые восприняли новый орган как излишне лояльный королю, созданный для того, чтобы дать властям возможность избежать серьезных уступок протестующим, а предпринятые законодательные изменения представить как итог широкого общест-

¹ The Jerusalem Post, 02.01.2011; The Jordan Times, 01.02.2011.

² Ammon News, 06.02.2011. – <http://en.ammonnews.net/print.aspx?Articleno=>

венно-политического диалога. С целью подготовки поправок в основной закон 26 апреля 2011 г. Абдаллой II был создан Королевский комитет по пересмотру конституции.

Уступки властей не удовлетворили оппозицию, и она продолжала проводить ставшие уже традиционными демонстрации после пятничной молитвы. Кроме того, в условиях роста протестного движения и опасения властей прибегать к жестким мерам для его подавления активнее себя начали проявлять салафиты. 15 апреля они провели демонстрацию в Аммане с требованием возвращения к основам ислама, таким образом дистанцировавшись от «Братьев-мусульман» с реформистской повесткой. Столкнувшись с выступлением внесистемной оппозиции, власти действовали жестко: полиция применила слезоточивый газ для разгона демонстрантов, шестеро полицейских получили ножевые ранения. Столкновения стражей порядка с салафитами повторились в конце апреля в Зарке. В ходе беспорядков несколько десятков исламистов были задержаны, около 80 полицейских получили ранения¹.

Несмотря на эпизодические вылазки экстремистов, которые не пользуются поддержкой большинства населения страны и контролируются иорданскими спецслужбами, главной заботой Абдаллы II оставалась умеренная оппозиция во главе с исламистами. 21 мая она заявила о создании Национального фронта в поддержку реформ, в который вошли семь левых и центристских партий и ФИД, а также несколько профсоюзных организаций, женское и молодежное движения и ряд независимых общественных деятелей. Возглавил Национальный фронт Ахмад Обейдат, восточно-иорданец, занимавший в 1970–1980-е годы посты главы разведки, МВД и председателя правительства, а в 2007–2008 гг. возглавлявший Национальный правозащитный центр. На пресс-конференции Обейдат обнародовал программу фронта, которая совпала с предыдущими требованиями оппозиции. Основной акцент в документе делался на необходимости изменения Конституции, которая стала бы «действительной основой для создания парламентской

¹ A1-Shishani Murad Batal. Jordan's Abu Sayyaf: The Key Islamist Actor in Maan. Militant Leadership Monitor, 30.11.2011. – http://ndm.jamestown.org/single/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=387218&tx_ttnews%5BbackPid%5D=551&cHash=4e9acc5ccb820039772bb45a0c9c440

конституционной монархической системы в демократической стране»¹.

В ответ на требования оппозиции Абдалла II 14 августа огласил поправки в Конституцию, которые были разработаны королевским комитетом. Они предполагали создание Конституционного суда, функции которого ранее выполнял Верховный суд во главе со спикером Сената. Также было решено сформировать независимую Центральную избирательную комиссию (ранее наблюдением за организацией выборов и подсчетом голосов занималось МВД). Король предложил снизить минимальный возраст депутатов парламента с 30 до 25 лет, запретить правительству принимать законы в период, когда парламент распущен, а также ограничить право короля досрочно прекращать полномочия членов нижней палаты. В соответствии с новыми правилами, в случае роспуска нижней палаты правительство автоматически отправлялось в отставку. Властями было обещано улучшить ситуацию в сфере соблюдения прав человека, включая ужесточение уголовной ответственности за посягательство на права и свободы граждан. Подчеркивался принцип невмешательства в частную жизнь граждан и тайну переписки. Король заявил, что для успеха политических реформ «необходимо, чтобы все силы и институты, сторонники политических партий, профсоюзные или общественные, были вовлечены в процесс реформ и сделали свой вклад в него»².

Нижняя палата парламента 24 сентября проголосовала за принятие поправок. Из 99 присутствовавших депутатов 98 выступили за изменения в Конституции, один – против. 28 сентября состоялось голосование в Сенате. Две трети членов верхней палаты поддержали поправки, отказавшись проголосовать лишь за изменение ст. 70, посчитав неприемлемым снижение минимального возраста парламентариев до 25 лет. Абдалла II 30 сентября подписал указ о вступлении 41-й поправки в силу³.

Реакция оппозиции на изменения в Конституции была неоднозначной. ФИД охарактеризовал поправки как позитивные, но

¹ The vision of Jordan's National Front for Reform. 25.05.2011. – <http://www.middleeastmonitor.org.uk/articles/middle-east/2396-the-vision-of-jordans-national-front-for-reform>

² Remarks by His Majesty King Abdullah II on the occasion of presenting the suggested constitutional amendments by the Royal Committee on Constitutional Review. Amman, Jordan, 14.08.2011. – http://www.kingabdullah.jo/index.php/en_US/speeches/view/id/482/videoDisplay/0.html

³ The Jordan Times, 29.09.2011.

недостаточные, и потребовал продолжить пересмотр Основного закона. Исламисты повторили свои прежние требования об изменении избирательного законодательства и о формировании правительства парламентским большинством. В день одобрения королем поправок оппозиция провела четырехтысячный митинг в центре Аммана, потребовав отставки правительства аль-Бахита, проведения более радикальных политических реформ и ужесточения антикоррупционных мер.

Непрекращающиеся акции протеста заставили власти вновь пойти на уступки. Большинство членов парламента 16 октября проголосовали за отставку аль-Бахита, который пользовался репутацией ретрограда, подвергался критике за неспособность вовлечь оппозицию в политический диалог. 17 октября король принял отставку главы правительства и назначил на его место 61-летнего юриста Ауна аль-Хасауну. Выбор аль-Хасауны в качестве премьер-министра был связан с тем, что его фигура не вызывала нареканий со стороны оппозиции. С 2000 г. он был судьей Международного суда ООН в Гааге, в том числе его вице-председателем в 2006–2009 гг. Таким образом, у нового главы кабинета министров была репутация человека, который прожил длительное время за рубежом и не был связан с иорданской политической элитой, обвиняемой исламистами в коррупции и кумовстве. Наряду с поручениями заняться решением социально-экономических проблем и развитием гражданского общества, король подчеркнул, что приоритетной задачей правительства является «завершение процесса изменения законов, регулирующих политическую жизнь, в первую очередь закона о выборах и закона о политических партиях». «Прежде чем законы будут приняты в соответствии с предусмотренной Конституцией процедурой, они должны быть разработаны в ходе эффективного и конструктивного национального диалога со всеми политическими силами и гражданскими институтами», — говорилось в письме короля к аль-Хасауне¹.

Перемены в правительстве совпали с еще одним знаковым кадровым решением монарха. Пост главы разведки вместо Мухаммада ар-Раккада, руководившего спецслужбой с 2008 г., занял бывший посол Иордании в Марокко, сотрудник спецслужб Фейсал

¹ His Majesty King Abdullah II Letter of Designation to Awn Khasawneh. Amman, Jordan, 17.10.2011. — http://www.kingabdullah.jo/index.php/en_US/royalLetters/view/id/297.html

Шубаки¹. Причиной смены главы разведки стало недовольство оппозиции вмешательством консерватора ар-Раккада в политику и слабой борьбой с коррупцией, которая находится в ведении ведомства².

Аль-Хасауне, как и его предшественнику, не удалось уговорить исламистов войти в состав кабинета. ФИД в обмен на свое согласие войти в правительство выдвинул следующие требования: изменение избирательного законодательства, роспуск действующего парламента, формирование правительства парламентским большинством, а Сената путем всеобщих выборов, ограничение полномочий короля по роспуску Палаты представителей. Исламисты выступили против участия в правительстве, так как аль-Хасауна отказался выполнять их условия³. Ранее, 19 октября, премьер отложил проведение муниципальных выборов, запланированных на 27 декабря. Свое решение он объяснил необходимостью изменения соответствующего закона. Скорее же всего, власти посчитали, что устраивать выборы, которые исламисты решили бойкотировать, слишком рискованно, так как их проведение в соответствии с действующим избирательным законом будет выглядеть как демонстративный отказ короля и правительства идти на уступки оппозиции и акции протеста лишь усилятся.

В октябре, после девяти месяцев «иорданской весны», в оппозиционном движении стала проявляться новая тревожная для властей черта. Со стороны отдельных, но заметных участников выступлений стала раздаваться критика не только в адрес правительства, парламента и властной элиты в целом, но и в адрес Абдаллы II. Выпады против короля варьируют от обвинений в нежелании проводить реформы для установления в стране реальной, а не декларативной, с точки зрения оппозиции, конституционной монархии до намеков на возможность отстранения правителя от власти за его неспособность проводить реформы.

Так, в начале октября Национальный фронт в поддержку реформ после нападения сторонников короля на участников митинга оппозиции в одной из провинций обнародовал заявление, в кото-

¹ Ammon News, 10.17.2011. – <http://en.ammonnews.net/artide.aspx?articleNO=14165>

² Barari Hassan, Schenker David. Jordan's Evolving Strategy toward the Pressures of the Arab Spring. The Washington Institute for Near East Policy, 01.11.2011. – <http://www.washingtoninstitute.org/templateC05.php?CID=3416>

³ The Jordan Times, 23.10.2011.

ром отмечалось, что «монополистический [характер] иорданского режима и тот факт, что [власть] сконцентрирована в руках короля, означают, что король несет полную ответственность за коррупцию, насилие и жестокость [в стране]...» На встрече сторонников оппозиции в доме бывшего члена парламента Гази аль-Файеза в городке аль-Люббан хозяин, открывая мероприятие, заявил, что «Хашимитские короли – это красная линия», имея в виду негласный отказ оппозиции от критики монарших особ. Когда в ответ на эти слова несколько человек покинули собрание, аль-Файез сделал уточнение, что «единственная красная линия – это отечество». Другой участник встречи – бывший депутат парламента Ахмад Увайди аль-Абади – прямо сказал, что люди хотят свергнуть короля¹. Позднее жесткую критику в адрес короля высказал Обейдат, который на конференции «Иордания за реформы» 7 января 2012 г. обвинил Абдаллу II в политическом кризисе, длящемся 12 лет, т.е. все время его правления. Бывший премьер-министр подчеркнул, что если режим продолжит использовать старые методы борьбы с коррупцией, бюрократией и способы решения социально-экономических проблем, шанс провести реформы будет упущен и страну ждет катастрофа².

В связи с тем что новый премьер-министр не смог наладить диалог с исламистами, а в среде оппозиции зазвучали радикальные призывы, король 26 октября, выступая в нижней палате, пообещал, что парламент, который планируется переизбрать во второй половине 2012 г., будет избираться в соответствии с новым законом о выборах и о партиях, а парламентское большинство получит возможность сформировать правительство. Абдалла II сделал важное уточнение, отметив, что процесс перехода к парламентаризму будет постепенным, эволюционным; формирование правительства при участии парламента будет осуществляться на консультативной основе «до тех пор, пока система политических партии не достигнет зрелости и они не станут играть видную роль в парламенте»³.

¹ Цит. по: Varulkar H. The Arab Spring in Jordan: King Compelled to Make Concessions to Protest Movement. The Middle East Media Research Institute, 18.12.2011. – http://www.memri.org/report/en/0/0/0/0/0/5906.htm#_ednl2

² Arabs Today, 08.01.2012. – <http://www.arabstoday.net/en/2012010877272/obeidat-claims-jordan-is-in-crisis-due-to-king.html>

³ Speech from the Throne By His Majesty King Abdullah II Opening the Second Ordinary Session of the 16th Parliament. Amman, Jordan, 26.10.2011. – http://www.kingabdullah.jo/index.php/en_US/speeches/view/id/493/videoDisplay/0.html

Иордания и конфликт в Сирии

Определенное влияние на иорданскую внутривластную ситуацию и особенно международное положение Королевства оказывают события в Сирии, где в приграничном с Иорданией городе Деръа 15 марта 2011 г. начались акции протеста против правящего режима во главе с президентом Башаром Асадом. Сирийская диаспора в Иордании, где проживает около 6,5 млн человек, достаточно внушительна, хотя точных данных о ее численности нет. По информации МВД Королевства, на середину 1998 г. в стране находились 130 тыс. сирийцев¹. Иорданские СМИ в 2011 г. приводили цифру в 200 тыс. человек². С апреля 2011 г. представители диаспоры начали регулярно проводить митинги около посольства Сирии в Аммане и представительства ООН. Так, 21 мая сирийцы собрались около офиса ООН и призвали эту организацию, а также Лигу арабских государств к активным действиям с целью свержения баасистского режима. Один из организаторов митинга Мухаммад Отри заявил, что в отношении Дамаска нужно принять такую же резолюцию, какая была принята по Ливии (резолюция Совета Безопасности ООН 1973, обеспечившая вооруженное вмешательство сил НАТО в ливийский конфликт)³.

Другая сила в Иордании, которая выступила на стороне сирийской оппозиции, – это исламисты. В начале июля они сформировали Народный комитет в поддержку Сирии, в который вошли около 100 иорданских политиков, интеллектуалов, журналистов и такие видные исламистские деятели, как Салим аль-Фалахат и Заки Бани Иршад. В заявлении организации говорилось о намерении «быть солидарным с сирийским народом в этот решающий и исторический момент их героической борьбы против деспотизма». По поводу роли сирийского режима в борьбе с Израилем, который для исламистов является главным врагом, члены комитета отметили, что «заявление о том, что Сирия вдохновляла сопротивление против Израиля, не должно служить прикрытием для режима, который убивает своих сыновей и детей, заключает протестующих в

¹ Аганин А.Р., Соловьева А.З. Современная Иордания. Справочник / Отв. ред. В.А. Исаев. – М., 2003. – С. 33.

² The Jordan Times, 13.06.2011.

³ The Jordan Times, 25.05.2011.

тюрьмы и использует танки для разрушения домов»¹. В последние месяцы иорданские сирийцы и исламисты продолжали высказываться в том же духе, поддерживая радикальное вооруженное крыло сирийской оппозиции.

Отношение иорданских властей к событиям в Сирии, напротив, можно охарактеризовать как осторожное и взвешенное. Официальные лица воздерживаются от вмешательства в сирийские события, ограничиваясь общими заявлениями о необходимости прекращения насилия, начала диалога с оппозицией и проведения реформ. Амман старается балансировать между США, Саудовской Аравией, Катаром и Турцией, добивающимися ухода Асада, и собственными интересами. Первоочередным для Иордании является скорейшая стабилизация ситуации в САР либо под управлением Асада, либо под властью победившей оппозиции, но при условии, что в стране прекратится насилие, а не начнется межэтническая и межконфессиональная борьба и уничтожение прежней политической элиты. Это чревато появлением у границ Королевства третьего очага нестабильности вдобавок к Палестине и Ираку, усилением угрозы со стороны радикального исламизма и притоком в Иорданию большого числа сирийских беженцев², тем более что в 2000-е годы страна и так приняла около 500 тыс. иракцев.

Поэтому с началом волнений в Державе Иордания поддержала Асада, дав понять, что заинтересована в сохранении стабильности в Сирии. Абдалла II провел телефонные переговоры с сирийским президентом. Иорданский государственный министр по делам СМИ и коммуникаций Тахер Одван сообщил, что король выступил за сохранение стабильности и безопасности в Сирии. Чиновник опроверг сообщение сирийской газеты «Аль-Ватан» о том, что с территории Королевства в Державу были направлены грузовики с оружием, а пересечь границу им помогли иорданские контрабандисты. Одван отметил, что такие публикации не повлияют на хо-

¹ Jordanians unveil first gathering in support of Syrian revolt // Monsters and Critics, 12.07.2011. – http://news.monstersandcritics.com/middleeast/news/article_1650778.php/Jordanians-unveil-first-gathering-in-upport-of-Syrian-revolt

² Точных сведений о числе сирийских беженцев и в Иордании нет. По данным Агентства ООН по делам беженцев, за год сирийского конфликта в Иорданию перебрались и зарегистрировались более 5 тыс. беженцев, а по словам представителя правительства королевства их реальное число составляет около 80 тыс.

рошие отношения между Иорданией и Сирией¹. В апреле, еще до начала штурма Деръа, по приглашению президента Народной ассамблеи Сирии Махмуда аль-Абраса Дамаск посетила иорданская парламентская делегация во главе со спикером Сената Тахером Масри. Асад заявил о намерении учесть иорданский опыт при проведении политических реформ, особенно в плане проведения выборов и деятельности политических партий². Во время штурма сирийскими войсками Деръа в конце апреля, после того как сирийские власти отключили сотовую связь в приграничных районах, по неподтвержденным данным сирийской оппозиции, иорданская сторона сделала то же самое, чтобы жители Деръа не могли пользоваться услугами иорданских операторов для координации антиправительственных действий³.

По мере того как политический кризис в Сирии углублялся, Запад усиливал давление на Асада, а отдельные страны в индивидуальном порядке вводили санкции против Дамаска, Иордания проявляла все бóльшую обеспокоенность затянувшимся сирийским кризисом. Глава МИД Королевства Насер Джуда 7 августа в интервью иорданскому информагентству Petra выразил сожаление в связи с ростом насилия в Сирии, призвав стороны конфликта к диалогу и проведению реформ, чтобы положить конец кризису. Также министр подчеркнул, что Иордания не вмешивается во внутренние дела Сирии, но для Королевства единство, безопасность и стабильность республики – это главное⁴. По сравнению с высказываниями иорданских властей по сирийским событиям весной, во второй половине 2011 г. заявления стали менее благоприятными для Сирии, так как внутренняя обстановка в республике осложнилась, усилилась международная изоляция режима Асада и ухудшились перспективы его сохранения. В результате Абдалла II в интервью Би-би-си 14 ноября сказал: «Если Башару небезразлична судьба его страны, он должен уйти в отставку». При этом король оговорился, что, прежде чем подать в отставку, сирийский

¹ The Jordan Times, 25.03.2011.

² The Jordan Times, 12.04.2011.

³ Jordan Islamists (Hizb ut-Tahrir) demonstrate in support of Syrian protests // The Hizb ut-Tahrir Watch, 28.04.2011. – <http://thehizbuttahrirwatch.wordpress.com/2011/04/28/hizb-demonstrates-in-jordan/>

⁴ Jordan News Agency (Petra), 09.08.2011.

лидер «должен создать условия перехода сирийцев к новому этапу политической жизни»¹.

Несмотря на ужесточение критики Асада, Иордания продолжала выступать против иностранного военного вмешательства в сирийские дела и поддержала курс на разрешение конфликта при посредничестве ЛАГ и ООН, которые активизировали свою деятельность на этом направлении в марте 2012 г.

Протесты в Иордании: Предварительные итоги

«Арабская весна» в Хашимитском королевстве стала результатом половинчатости реформ, противоречивости и непоследовательности политики властей. Фактически реформы ограничивались двумя направлениями: экономикой и укреплением иорданоцентризма. При этом в политической сфере наблюдалось ужесточение действий властей и даже некоторый отход от политики либерализации по сравнению с периодом 1990-х годов. В 2011 г. Transparency International's поместила Иорданию на 56-е место из 183 стран по уровню коррупции (в 2003 г. Королевство занимало 37-е место)². В 2010 и 2011 гг. американская организация Freedom House определила Иорданию как «несвободную страну», в то время как в предыдущих докладах Королевство фигурировало как «частично свободная страна»³. По мнению экс-главы МИД и заместителя премьер-министра Королевства Марвана Муашера, «после десятилетия попыток проведения политических реформ в Иордании очевидно, что этот процесс не продвинулся. На самом деле ... процесс не только остановился, но даже развивался в обратном направлении»⁴.

Усилившееся давление на оппозицию привело к уменьшению ее представительства в парламенте, который к тому же рас-

¹ Jordan's king calls on Syria's Assad to step down // BBC, 14.11.2011. – <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-15723023>

² Corruption Perceptions Index 2011. The Transparency International, 2011, p. 4. – http://www.transparency.org/publications/publications/other/corruption_perceptions_index_2011

³ Freedom in the World 2011, Jordan. The Freedom House, 2011. – <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-world/2011/Jordan>

⁴ Muasher Marwan. A Decade of struggling reform efforts In Jordan. The resilience of the rentier system. Carnegie Endowment for International Peace, May 2011, p. 22. – http://carnegieendowment.org/files/jordan_reform.pdf

пускался нынешним королем дважды. Происходящие с начала 2011 г. в арабском мире события и их влияние на Иорданию оцениваются оппозицией, прежде всего исламистами, как исторический шанс на увеличение своего влияния и некоторую трансформацию политической системы страны. Оппозиция надеется, что в условиях недовольства народа социально-экономической ситуацией в стране, при благоприятном региональном фоне ей удастся добиться от властей больших уступок, чем предложение войти в состав правительства. Принятие Абдаллой II хотя бы одного из ключевых требований протестующих (изменение закона о выборах, изменение порядка формирования правительства и Сената, ограничение полномочий главы государства по роспуску парламента) уже будет оценено оппозицией как серьезный успех.

Тем не менее король чувствует себя достаточно уверенно. Власти, балансируя между оппозицией и восточноиорданской элитой, избрали выжидательную тактику. Для понимания действий властей важно учитывать, что Абдалла II воспринимает события в арабском мире прежде всего как следствие неудовлетворенности населения своим социально-экономическим положением, а не результат отсутствия политических перемен. В октябрьском интервью *The Washington Post* король сказал: «“Арабская весна” началась не из-за политики; она началась из-за экономики – бедности и безработицы»¹. В результате иорданские власти видят свою главную задачу в том, чтобы традиционные пятничные митинги так и остались выступлениями партийных и профсоюзных активистов и не превратились в широкую волну народного недовольства. Во дворце надеются, что со временем оппозиция уйдет с площадей, а пока используют проверенные методы, рассчитанные на краткосрочный эффект: стараются заручиться поддержкой восточноиорданских низов путем финансовых вливаний, визитов короля и премьер-министра в регионы и т.п. Две отставки правительства, случившиеся в 2011 г., также обычное явление для Иордании (всего в истории страны с 1921 г. было 94 кабинета министров, из них девять при нынешнем правителе). Для обеспечения внутривластной стабильности в долгосрочном плане одних кадровых перестановок и увеличения социальных расходов недостаточно, поэтому Абдалла II видит решение в создании в стране сильного среднего класса. При этом он не исключает перемен в политической сфере. «Монархическая власть, которую я передам своему сыну, не будет

¹ The Washington Post, 24.10.2011.

той, которую я получил от своего отца», – считает король. Он признает, что на эффективности работы правительства негативно сказывается то, что многие чиновники чувствуют себя ответственными перед королем, а не перед народом, так как их назначает король, а не выбирает парламент¹.

Существенную помощь в решении внутривластных проблем Иордании оказывают США и арабские монархии. Вашингтон отводит небольшому Хашимитскому королевству важную роль в системе безопасности в регионе, тем более что с усилением в Египте «Братьев-мусульман» и салафитов и ростом критики египетско-израильского мирного договора ситуация в Иордании, заключившей мир с Израилем в 1994 г., отражается на безопасности еврейского государства. Что касается стран ССАГЗ, то для них Иордания представляет интерес в силу сходства политического устройства (для арабских правителей важно не допустить дестабилизации монархического режима, чтобы не создавать опасный прецедент). Также арабские монархии стремятся консолидироваться перед лицом усиливающегося Ирана с его ядерными амбициями. В перспективе, если в Сирии будет свергнут режим Башара Асада, тесное сотрудничество с Иорданией облегчит арабским монархиям как влияние на внутривластные процессы в Сирии, так и создание нового транспортного коридора, соединяющего Персидский залив и Средиземноморье. В связи с тем, что иорданские власти пытаются купировать протестное движение путем повышения расходов на социальные нужды, а также из-за падения объема иорданской торговли с Европой через сирийскую территорию США и страны ССАГЗ в 2011 г. оказали Амману большую экономическую помощь для покрытия бюджетного дефицита. Например, Вашингтон предоставил Иордании пять грантов на сумму около 359,3 млн долл. по линии Агентства США по международному развитию. В 2012 г. ожидается, что в Иорданию поступит 360 млн долл. экономической помощи, еще 300 млн долл. составит военная помощь². В июле 2011 г. Саудовская Аравия предоставила Иордании 1,4 млрд долл. помощи, а в сентябре

¹ National Public Radio (NPR), 22.09.2011. – <http://www.npr.org/2011/09/22/140670554/king-abdullah-jordan-needs-stable-middle-class>

² The Jordan Times, 18.12.2011.

страны ССАГЗ пообещали Королевству ежегодную помощь в объеме 2 млрд долл. в течение ближайших пяти лет¹.

Оценки властей, рассматривающих нынешнюю ситуацию в Иордании как кризис, который можно преодолеть, но никак не катастрофу, подтверждаются данными опроса общественного мнения, проведенного в январе 2012 г. Центром стратегических исследований Иорданского университета. 60% опрошенных считают, что страна движется в правильном направлении, а 25% полагают, что положение ухудшается. По мнению оптимистов, правительство всерьез занимается реформами и борется с коррупцией. Те же, кто настроен пессимистично в оценке ситуации в стране, указали на плохое экономическое положение, коррупцию, nepотизм как на главные проблемы². Таким образом, иорданцев больше беспокоят вопросы социально-экономического порядка и проблемы эффективного управления, чем структура и функционирование политической системы.

Сравнение ситуации в Иордании с положением дел в других арабских монархических государствах, также столкнувшихся в 2011 г. с проявлениями недовольства в том или ином масштабе, позволяет говорить об устойчивости монархических режимов вообще. Аналитик британского «мозгового центра» The Transnational Crisis Project Н. Джакс указывает, что у монархов есть больше возможностей для уступок оппозиции в критической ситуации, так как, если тот или иной арабский король соглашается на ограничение полномочий, он в силу особенностей страны все равно остается центральным звеном политической системы, в то время как президент в этом случае рискует полностью потерять власть³.

На наш взгляд, развитие Иордании после спада протестного движения во многом будет зависеть от ситуации в регионе и умения властей проводить модернизацию, соблюдая при этом баланс сил между иорданскими палестинцами и восточноиорданцами. Проведение реформ при одновременном смягчении их негативных социально-политических последствий возможно при условии формирования сильного правительства, которое разработает план

¹ A Full Agenda for King Abdullah of Jordan's White House Visit Schenker David, Makovsky David. The Washington Institute for Near East Policy, 13.01.2012. – <http://www.washingtoninstitute.org/templateC05.php?CID=3441>

² The Jordan Times, 19.01.2012.

³ Jaques Nick. Jordan: Evolution or Revolution? The Transnational Crisis Project, 26.10.2011. – <http://crisisproject.org/jordan-evolution-or-revolution>

преобразований, прежде всего в сфере экономики, и будет иметь возможность реализовывать его в течение нескольких лет, не боясь быть отправленным в отставку через год-полтора. Проблема заключается в том, как добиться поддержки реформ восточно-иорданцами, которые в последние годы проявили себя как сдерживающий фактор модернизации. Тем более что для короля они и далее будут оставаться главной социально-политической опорой. Власть демонстрирует намерение вовлечь широкие слои восточно-иорданцев (особенно жителей отсталых провинций) в процесс модернизации, добиться их перехода из госсектора в частный. Этому должны способствовать вступление Иордании в ССАГЗ и реализация серии крупных инфраструктурных проектов общей стоимостью 30 млрд долл., инициированных властями Иордании. Рассчитанные на 20 лет, мегапроекты предполагают, в частности, строительство АЭС, чтобы к 2030 г. Королевство смогло не только покончить с зависимостью от импорта энергоносителей (на это сейчас уходит 25% госбюджета), но и стать экспортером электроэнергии. Предполагается реализация Red Sea project стоимостью 12 млрд долл., что даст возможность смягчить проблему нехватки пресной воды и остановить высыхание Мертвого моря. Также планируется строительство железной дороги протяженностью 1080 км, которая свяжет Иорданию с Сирией и Ираком и позволит ей стать важной транзитной зоной в Западной Азии (последний проект представляется наименее вероятным из-за неясности будущего Сирии).

«Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: Что дальше?», М., 2013 г., с. 321–337.

О. Бибикова,

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник (ИВ РАН)

ТУРЕЦКИЕ ИММИГРАНТЫ В ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К началу 2011 г. в Германии проживало более 4 млн турок, из них 1 658 083 обладали турецким гражданством¹. Ныне турки являются крупнейшей национальной диаспорой Германии, в 2009 г. их численность составила 25% всех иностранцев. Официальное число турок в Германии, имеющих турецкое гражданство, снижается в основном из-за того, что некоторые категории получают немецкое гражданство. В 2000 г. был принят закон, согласно

которому гражданство определялось не по национальности, а по месту рождения, в результате чего турецкие дети, рожденные в Германии после этой даты, автоматически получают немецкое гражданство. Принимая этот закон, немецкие законодатели исходили из того, что рожденные в Германии турки должны ощущать себя причастными к этой стране, к ее культуре и истории. По мнению французского исследователя А. Кайя, принятие этого закона «приведет к ослаблению сплоченности этнических общин, смягчит зависимость от этнических, конфессиональных и национальных связей»². Положительным следствием нового закона стало то, что общая численность иностранцев в последние годы остается относительно стабильной.

Для Германии учет детей, родившихся в турецких или турецко-немецких семьях, как будущих граждан страны очень важен. Дело в том, что немецкая нация стремительно стареет: в 2000 г. каждый шестой житель Германии был в возрасте 65 лет и старше. По данным на 2011 г., люди старше 65 лет составляли уже 20,6%, а к 2050 г. их число может достичь 30%³.

Кроме того, по статистике, немцы по сравнению с другими европейцами заводят меньше всего детей. Последние 40 лет коэффициент рождаемости в Германии остается на уровне 1,39 ребенка на каждую женщину. Это главная причина того, что население страны сокращается: даже для его простого воспроизводства, как известно, нужен показатель 2,0⁴. Таким образом, Германия демонстрирует один из самых низких показателей рождаемости на континенте.

Здесь, так же как и в других странах Европы, утрачивает свое значение и институт брака: по данным на 2009 г., немцы регистрировали лишь 4,6 бракосочетаний на 1000 жителей. Сложилась ситуация, когда человек сознательно отказывается регистрировать брак и иметь детей, что отражается на социальных и этических ценностях общества. Причину того, что в индустриально развитых государствах показатели сокращения населения самые высокие, следует искать в двух мировых войнах XX в. Кроме того, немцы опережают многие страны по количеству разводов – 2,3 развода на 1000 жителей⁵.

Единственный способ избежать катастрофических последствий сокращения населения – это массовый приток иммигрантов. Демографы подсчитали, что при уровне иммиграции в 100 тыс. человек к 2060 г. в Германии будет 65 млн человек. При нулевом уровне миграции в 2060 г. в стране останется не больше 58 млн

жителей. Но это приблизительные данные. Дело в том, что одновременно Германия переживает исход коренного населения из страны: за последние десять лет из страны ежегодно уезжали около 700 тыс. немцев. Таким образом, Германии нужно не только уравновесить потерю населения из-за низкой рождаемости, но и ежегодно предоставлять гражданство более чем полумиллиону человек для того, чтобы только компенсировать эмиграцию.

Начиная с 1960-х годов гастарбайтеры (прежде всего из Турции), политэмигранты и беженцы⁶ способствовали увеличению населения страны, а поскольку среди переселенцев преобладали молодые люди, рождаемость у них была выше, чем у коренных жителей. Несмотря на то что рецессия 1967 г. временно приостановила процесс найма новых гастарбайтеров, сразу после ее окончания немецкие власти открыли двери страны для воссоединения семей, пытаясь одновременно разрешить проблему дефицита рабочей силы в низкооплачиваемых и непрестижных областях сферы услуг. На основе этого решения рабочие визы были предоставлены преимущественно женщинам. Отчасти это снижало уровень социальной угрозы со стороны одиноких иностранных рабочих – мужчин, живущих в общежитиях. Принятый впоследствии (в 1974 г.) Закон об объединении семей существенно облегчил этот процесс. Естественно, что в первую очередь визы получили жены гастарбайтеров, уже проживавших в ФРГ. Таким образом, к 1976 г. турчанки составили 27% гастарбайтеров⁷. Логичным результатом кампании по воссоединению семей и увеличению числа женщин-иммигранток стало повышение рождаемости среди семей иммигрантов. Властям ФРГ потребовалось немало усилий для того, чтобы создать условия для решения социальных вопросов, в том числе включения детей в образовательную систему страны. В 1978 г. бундестаг одобрил закон, предусматривающий выдачу иностранным рабочим разрешений на работу и проживание в течение неограниченного срока (после восьми лет проживания вместо 10 лет, как это было ранее). Этот факт свидетельствует о том, что страна не смогла подготовить собственные кадры рабочих и по-прежнему рассчитывала использовать наемный труд иностранцев. Были также сняты ограничения на проживание иммигрантов в районах с высокой плотностью населения⁸.

Таким образом, стало очевидно, что если в 1960-е годы турецкие гастарбайтеры воспринимались как временные работники, приехавшие на несколько лет на заработки, то теперь в стране присутствует крупное этническое сообщество, отличающееся от ко-

ренных жителей не только культурой, религиозными воззрениями, но и менталитетом. К этому времени в ФРГ уже насчитывалось около миллиона турок. Тогда же вопрос об их присутствии стал темой общественных дискуссий.

В 1970–1980-е годы правительство стало принимать меры по сдерживанию иммиграции. Принимались антииммигрантские законы, стимулировалось возвращение турок на родину. Однако после того как в 1983 г. власти стали выплачивать гастарбайтерам 10,5 тыс. марок с условием переезда на родину, этой возможностью воспользовались только 13 тыс. человек – капля в море. Жизнь в Германии равно оставалась более привлекательной, чем возвращение в Турцию, несмотря на рост ксенофобии в немецком обществе.

Сегодня среди немецких турок мало людей старше 60 лет – всего 5%. Часть представителей первого поколения вернулась на родину, а те, кто приехал в ФРГ после 1973 г., сегодня составляют 53% турецкой диаспоры. К этому надо добавить 17% молодых турок, родившихся в Германии⁹. Приведенные цифры свидетельствуют о привлекательности Германии для турецких иммигрантов. Однако из этого не следует, что все они адаптировались к немецкой действительности.

Следует отметить, что не все турецкие иммигранты стремятся закрепиться в Германии. Сложившаяся ныне в Турции благоприятная экономическая ситуация заставляет молодых иммигрантов размышлять о преимуществах трудоустройства на родине. По оценкам Айхана Кайя, специалиста по вопросам иммиграции, в последние несколько лет из-за границы на родину ежегодно возвращаются примерно 8–10 тыс. представителей молодежи, имеющих турецкие корни. В качестве причин, побуждающих их вернуться на родину, они называют усиливающийся расизм, антиисланизм и ксенофобию, а также углубляющиеся экономические проблемы в странах Европы. Как свидетельствуют результаты исследования, проведенного Фарухом Шеном, руководителем турецко-немецкого Фонда образования и научных исследований в Стамбуле, обстановка экономической неопределенности, сохраняющаяся в Европе, представляет собой главную причину, побуждающую турецкую молодежь (представителей диаспоры или обучавшихся в европейских университетах студентов) возвращаться на родину¹⁰. Среди тех, кто решил вернуться в Турцию, много выпускников немецких вузов. Обладая дипломом о высшем образовании и знанием немецкого языка, они довольно быстро находят

работу в немецких фирмах, представительства которых в последние годы в изобилии открываются в Турции.

Согласно некоторым оценкам, сегодня в Европе проживают 120 тыс. турок, имеющих университетское образование. А Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) отмечает, что треть из 40 тыс. европейских предпринимателей турецкого происхождения, которые ежегодно дают в бюджет из своих доходов 45 млрд евро и предоставляют работу 700 тыс. человек, – также имеет университетские дипломы¹¹. Тем не менее образование остается болевой точкой турецкой диаспоры в Германии.

В 1960-е годы иностранцы в основном были заняты в горнодобывающей, сталелитейной, автомобильной промышленности и сельском хозяйстве, которые в тот период в ФРГ назывались «отраслями роста». Позднее, с внедрением новых технологий, процент иностранцев в этих отраслях стал меньше, и они стали уходить в сферу услуг. Это свидетельствует о том, что профессионализм иностранных рабочих остался на прежнем уровне, ибо власти ФРГ не занимались переподготовкой иностранных рабочих. По мнению А.А. Николаева, «наличие иностранной рабочей силы было фактором, смягчавшим структурные трудности и напряженность на рынке труда в кризисный период»¹². Таким образом, социальное положение гастарбайтеров в Германии оставалось прежним. Даже выросшая в ФРГ молодежь, т.е. второе и третье поколения гастарбайтеров, оставалась маргинальной.

В берлинском районе Кройцберг доля турецкого населения составляет более 40%. Учитывая, что в турецких семьях традиционно много детей, доля турецких учащихся в школах этого района колеблется от 70 до 90%. Такая фантастическая концентрация иностранцев в общеобразовательных школах сводит «на нет» все попытки учителей интегрировать турецких детей в немецкое общество. В вузы поступают лишь 6% детей из турецкой общины (среди этнических немцев этот уровень достигает 23%)¹³.

В Берлине лишь один из 12 турецких школьников сдает экзамены за полный курс средней школы, в то время как среди немецких школьников их сдает каждый третий. Слабая успеваемость турецких школьников связана с отсутствием у большинства родителей установок на получение полного образования. Российский журналист С. Сумленный в своей книге «Немецкая система. Как устроена Германия» отмечает, что в ряде школ преподаватели просто «махнули рукой на плохую успеваемость детей из турецких семей», что в конце концов перекрывает дорогу детям иммигран-

тов к достойному образованию. Однако в берлинском районе Нойкелльн, отличающемся высокой концентрацией иммигрантов, доказали, что если перевести школу на полный день, обеспечив детям доступ к бесплатным спортивным и творческим секциям, то их успеваемость резко повышается, дети лучше говорят по-немецки, а их контакты с уличными бандами сокращаются. Расходы на продленное содержание детей в школе «не больше, чем стоимость содержания двух-трех заключенных»¹⁴.

Есть признаки того, что турки создают в Германии (так же как и в других странах Европы) своеобразное «параллельное общество», в котором они живут по собственным законам. Об этом свидетельствует стремление многих обосновавшихся в Германии турок обзавестись невестой из турецкой глубинки. С точки зрения психологии этот феномен вполне объясним: брак с соотечественницей более прочен, в то время как в смешанном союзе возможны столкновения менталитетов и т.д.

Зачастую консервативные отцы турецких семей привозят с родины невест для своих сыновей. Подобный «брачный туризм» замедляет процесс интеграции турок в европейское общество. Как известно, влияние семьи на подрастающее поколение обычно выше, чем школы или государства, а в турецком случае это еще существеннее, так как государство не является «своим». Возможности для вертикальной мобильности представителей турецкой общины невелики – есть исключения, но они подтверждают правило. А социальные пособия, которые получают турецкие семьи с детьми, позволяют им поддерживать более высокий уровень жизни не только в каком-нибудь захолустном анатолийском городке, но и в Стамбуле.

Как и в других странах Европы, в случае развода законы шариата входят в противоречие с законами Германии. Дело в том, что по немецким законам несовершеннолетний ребенок остается с матерью, которая может не работать до достижения ребенком восьми лет, а после (до 15 лет) – работать частично. Все это время отец ребенка должен платить алименты, которые рассчитываются по специальной таблице с учетом его возраста и профессии. По мусульманским законам отец имеет больше прав на своих детей (особенно на мальчиков) и зачастую, например в случае отъезда из страны, стремится увести детей из Германии.

Естественно, что при столь масштабном присутствии этнических турок в Германии существуют и положительные примеры успешной адаптации в немецком обществе. Среди них можно

назвать немецкого государственного и политического деятеля Джема Оздемира. Сын турецких иммигрантов черкесского происхождения, он родился в Германии в 1965 г. Закончив университет, работал журналистом, опубликовал несколько книг по вопросам турецкой иммиграции. В 1981 г. стал членом Партии «зеленых»¹⁵, а в 1994, 1998 и 2002 гг. избирался в бундестаг. Однако в результате разгоревшегося скандала¹⁶ был вынужден уйти в отставку. В 2004 г. Дж. Оздемир стал депутатом Европейского парламента. В 2008 г. он был избран на пост сопредседателя Партии «зеленых». Следует отметить, что в Германии практически нет политиков федерального уровня, происходящих из семей иммигрантов. Партия «зеленых» – единственная из политических организаций, которая серьезно занимается проблемами иммигрантов. Сама же турецкая диаспора достаточно активна в коммунальной политике Берлина: в городском сенате из 149 депутатов девять депутатов турецкого происхождения¹⁷.

Как и в других европейских странах, турки достаточно успешны в спорте и зрелищных искусствах. Фатих Акин (р. 1973) – молодой кинорежиссер, сценарист и актер – уже за свой первый фильм «Быстро и не больно» (1998) получил премию в Локарно. За свой следующий фильм «Пьеро» он был награжден на кинофестивале в Мюнхене. Еще один фильм Ф. Акина – «Головой о стену» (2004) – получил несколько наград, в том числе премию Берлинского кинофестиваля. Здесь же в 2007 г. он получил премию за лучший сценарий за фильм «По ту сторону». В 2007 г. в немецкую Академию языка и литературы была избрана немецкая писательница турецкого происхождения Эмине Севги Оздмар (р. 1946), получившая несколько премий за свои произведения. Среди спортсменов турецкого происхождения лучшим футболистом сезона 2010–2011 гг. в Германии был признан полузащитник команды «Боруссия» (Дортмунд) Нури Казым Шахин (Люденшайд, р. 1988), а в 2012 г. лучшим игроком был назван еще один турецкий уроженец Германии Месут Озил (Гельзенкирхен, р. 1988), выступающий за национальную сборную Германии¹⁸.

Большинство немецких турок живут в двух конфликтующих культурах с различными моделями поведения. В школе или на работе, как правило, доминирует немецкая культура, тогда как в свободное время социальные связи осуществляются в рамках этнических групп. Наиболее многочисленны турки в Берлине, который называют «Анkarой-на-Шпрее»: здесь они составляют примерно 10% населения. Каждый третий берлинский турок является обла-

дателем немецкого паспорта. Около 12 тыс. человек – люди с высшим образованием. Почему Берлин стал главным центром притяжения для турок? Турки начали селиться в этом районе с 1970-х годов, так как немецкое население старалось держаться подальше от Стены. До падения Стены в Германии имелась так называемая «берлинская доплата» – 8%, что было существенно для турецких рабочих. То, что берлинцы были не обязаны служить в армии, для турок особой роли не играло. Кройцберг стал главным районом расселения турок в Берлине. И не только турок. Этот район мультинационален.

В первые годы после объединения двух Германий, в то время как восточные немцы устремились на Запад, турки активно стали осваивать бывшую ГДР: в восточных землях было зарегистрировано свыше 2 тыс. турецких предприятий. Однако во второй половине 1990-х годов начался исход турецкого бизнеса, это, по мнению аналитиков, было связано с тем, что часть восточных немцев вернулась и потребовала освободить рабочие места. Именно в этот момент здесь появились антииммиграционные и даже нацистские лозунги. Немецкие экономисты считают это тревожным сигналом, указывающим на неблагоприятную экономическую ситуацию на востоке страны. Впрочем, более поздние исследования Немецкого института экономических исследований показали, что за пять лет, с 2005 по 2009 г., Берлин по экономическому росту вдвое опередил все другие федеральные земли. За пять лет здесь появилось 140 тыс. новых рабочих мест. Характерно, что примерно 6800 новых предприятий (в основном в торговле и быстром питании) с годовым оборотом до 4 млн евро были созданы турецкими предпринимателями. Особенно много торговых точек по продаже традиционных турецких денеров¹⁹ – 1200. Зачастую открытие собственного предприятия объясняется «не столько надеждой преуспеть в транснациональном германо-турецком пространстве, сколько недостатком альтернативных возможностей найти занятость в Германии»²⁰. По этому поводу один юморист из Баварии даже пошутил: «Турки дважды пытались через Вену попасть в Европу, но безуспешно. Теперь им это удалось через Берлин: город полностью оккупирован турецкими лавками с денерами».

В Германии существует значительное число мусульманских организаций, объединяющих иммигрантов из Турции и других мусульманских стран. С одной стороны, это свидетельствует о свободе вероисповедания в Германии, но, с другой стороны, наличие

столь многочисленных общин замедляет адаптацию иммигрантов и членов их семей, сводит «на нет» те усилия, которые предпринимаются германской общественностью для их интеграции в немецкое общество.

Пожалуй, самыми старыми мусульманскими учреждениями в Германии считаются Центральный институт Исламского архива Германии, основанный еще в 1927 г., а также берлинское отделение Всемирного исламского конгресса, которое связывает свое происхождение с основанием первой мусульманской общины, возникшей в Германии еще в 1739 г.

В XX в. турецкие этноконфессиональные сообщества, как правило, объединяются по принципу единства происхождения или принадлежности к религиозному направлению. Еще в 1973 г. был создан Союз исламских культурных центров, поставивший перед собой задачу помогать турецким мусульманам удовлетворять их религиозные потребности. Крупнейший из них – Организация турецких суннитов. Кроме нее существует Объединение турецких шиитов – также одна из старейших организаций с центром в Гамбурге. В 1992 г. было основано Алевитское объединение Германии, включающее в себя около сотни общин, разбросанных по разным землям. По некоторым данным, в Германии проживают 700 тыс. алевитов. Вторым по величине является турецко-исламское сообщество «Милли Герюш», возникшее на базе основанного в 1976 г. в Кёльне Турецкого союза Европы. Организация имеет свои отделения практически во всех европейских странах. Одним из активных членов этой организации, особенно на раннем этапе, был молодой тогда турецкий политик Неджметдин Эрбакан²¹. В 1987 г. по инициативе Муссы Сердара Челеби был создан Союз турецких исламских культурных объединений Европы. В отличие от других подобных объединений он не зависит от Турции. Союз демонстрирует стремление к диалогу с общественностью Германии и реализует совместные культурные проекты, направленные на адаптацию турецких иммигрантов к немецкой действительности. Кроме подобных организаций существуют общества последователей Саида Нурси и Фетхуллы Гюлена (Джамаатан ан-нур). Они создали Рисале-и-Нур-Институт в Штутгарте и Евро-Нур и занимаются просветительской деятельностью.

Немцы, принявшие ислам, также объединены в организации Немецкая исламская лига (Гамбург) и Германская исламская лига (Бонн). Среди членов этих общин ощущается влияние турецкого суфизма. Во Франкфурте-на-Майне находится центральное отде-

ление организации Ахмадийский исламский джамаат ФРГ, членами которой являются в основном выходцы из Пакистана. Ежегодно в конце августа они устраивают в городе Мангейм сбор своих членов. Существуют также объединения студентов-мусульман, действующие практически во всех крупных университетах Германии, а также женские мусульманские объединения.

Следует отметить, что за пределами страны исхода турецкие верующие сплачиваются вокруг суфийских объединений. В Османской империи суфизм находился под контролем государства. После провозглашения Турецкой Республики суфизм стал одним из важнейших факторов, который способствовал сохранению турецкого ислама как на родине, так и за ее пределами. На деле получилось, что крайний секуляризм Кемаля Ататюрка загнал суфизм в подполье. Формально тарикаты стояли вне политики, однако в действительности представляли собой альтернативу антиисламской линии правившего светского режима. В 1940–1960-е годы принадлежность к суфизму наказывалась законом: 6–7 месяцами тюремного заключения. Тем не менее члены тарикатов собирались приватно. Однако сегодня стало очевидно, что среди власть имущих Турции есть адепты суфизма. Более того, суфийские радения стали элементом, привлекающим туристов. В путеводителях по Стамбулу и Коньи можно найти адреса текке и расписание радений (сема), которые там проводятся публично.

Сегодня в Турции, а также в Европе и США получил распространение так называемый «клубный суфизм». Деньги, получаемые с туристов, присутствующих на радениях, позволяют тарикатам оплачивать аренду помещения и иные расходы. В диаспоре суфизм позволяет турецким иммигрантам сохранить свою идентичность.

Доля турок-мусульман, которые относят себя к глубоко верующим, в Германии и в самой Турции примерно одинакова. Среди турок Германии – это 7,5%. Религиозными людьми называют себя 89% германских турок. Одновременно 2,4% немецких турок – это атеисты или агностики²². В 2007 г. в Карлсхорсте открылось первое в ФРГ образовательное учреждение по подготовке имамов, в самом Берлине – 82 мечети. По инициативе канцлера Германии А. Меркель в сентябре 2006 г. была созвана конференция по вопросам ислама.

Именно через мечеть Анкара оказывает влияние на своих соотечественников, находящихся в европейских странах. Этими вопросами занимается организация Диянет – Управление по делам

Турецкой Республики²³, имеющая своих представителей в зарубежных посольствах. Через Диянет аппарат религиозных служащих как в Турции, так и в диаспоре полностью финансируется и управляется.

Усиление позиций ислама в самой Турции отражается на ее европейских диаспорах. Диянет держит под контролем мечети и мусульманские общины в Европе, направляет туда имамов и преподавателей турецкого языка. Характерно, что внимание к туркам в Европе усилилось в период правления Партии справедливости и развития²⁴. Благодаря усилиям Диянет в 1984 г. был создан Турецко-исламский союз по вопросам религии (ТИСВР). Организация существует за счет финансовой поддержки из Анкары. Имамы и другие чиновники командированы из Турции. Документация ведется на турецком языке. Согласно Уставу ТИСВР, его основной целью является забота о просвещении и наставлении турецких общин, проживающих на территории Германии. Кроме того, организация занимается поиском помещений для проведения молитв и урегулированием вопросов по их аренде. В задачи союза входят также и организация занятий по религии, обеспечение общин имамами, проведение культурных мероприятий в соответствии с мусульманским календарем. Кроме того, руководство Союза координирует деятельность других турецких сообществ на территории ФРГ.

Представители ТИСВР неоднократно выступали против введения в школьные программы уроков религии на немецком языке, мотивируя это тем, что невозможно проконтролировать предлагаемую школьникам информацию об исламе. Впрочем, в 2007 г. по инициативе этой организации (и конкретно религиозного атташе турецкого посольства Р. Какира) была проведена акция «Вместе за мир, против террора», в которой приняли участие более 20 тыс. мусульман. Это была первая совместная демонстрация в ФРГ, проведенная с целью показать несовместимость понятий «ислам» и «террор». Немецкое правительство относится к влиянию ТИСВР на немецких мусульман неоднозначно, однако считает его одним из главных официальных представителей турецкой диаспоры.

В 1990-х годах в Германии стали говорить о мультикультурализме²⁵ как о модели сосуществования различных культур, первоначально воспринятой многими как чудодейственное средство для решения межэтнических и межконфессиональных проблем. Произошла либерализация законодательства о гражданстве, государство признало право турецкой общины на своеобразие, рассчи-

тывая, что та сделает шаги навстречу и будет пусть не ассимилироваться (в рамках мультикультуральной доктрины это негативное понятие), то интегрироваться в современное демократическое общество. Однако, по мнению весьма компетентного исследователя этого вопроса С.В. Погорельской, «мультикультурализм – как разновидность целенаправленной государственной внутренней политики по интеграции иммигрантов, не принадлежащих к культурному кругу принимающей страны, как система мер и нормативов, регулирующих их права и обязанности, – в Германии никогда не практиковался. Однако, несмотря на отсутствие так называемого “государственного мультикультурализма”, в Германии в последние десятилетия шел стихийный процесс формирования “мультикультурного общества”, для обозначения которого в этой стране используется такое понятие, как “мульти-культи”»²⁶.

Особенности германской ситуации свидетельствуют о том, что целенаправленной дискуссии о том, какой должна быть политика в отношении иммигрантов, практически не было. Это наглядно показывают нормативные акты, регулировавшие права гастарбайтеров того времени. Предполагалось, что приглашенные рабочие вернутся на родину, так же как и политические беженцы, и проблема сама собой исчезнет. Поэтому те, кто придерживался противоположной позиции, употребляли термины «ассимиляция», «интеграция», «адаптация», не учитывая разницы этих понятий. После объединения двух Германий дискуссия стала более конкретной: оказалось, что восточные немцы («осси») и западные («весси») после эйфории, последовавшей за разрушением Стены, должны были преодолевать неприязнь друг к другу и предпринимать усилия для того, чтобы жить вместе без проблем.

Заявление Ангелы Меркель, которая в октябре 2010 г., обращаясь к участникам конференции христианско-демократической молодежи, констатировала провал политики мультикультурализма²⁷, вызвало широкий резонанс в Европе. Были разные мнения. Так, итальянская газета «L'Occidentale» оценила слова немецкого канцлера как «спокойное обращение к здравому смыслу»²⁸ и призыв к пересмотру политики в области иммиграции. При этом всем было ясно, что известная всем своим либерализмом и умеренностью Меркель не намерена закрыть двери своей страны перед иммигрантами.

Высказывание Меркель о мультикультурализме совпало с возобновлением дискуссии о возможном вступлении Турции в ЕС. Во второй половине 2008 г., в условиях начинавшегося мирового

экономического кризиса, Анкара предприняла целый ряд внешне-политических инициатив, целью которых было ускорение процесса вхождения в ЕС. В 2009 г. президент страны А. Гюль впервые за всю историю посетил штаб-квартиру ЕС. Однако европейские страны дали понять, что на данном этапе возможны лишь «привилегированные отношения». Нежелание европейских стран, прежде всего Германии и Франции, подойти к решению этой проблемы более конкретно можно объяснить как серьезным финансовым бременем, связанным с приемом Турции в ЕС, так и страхом перед турецкой иммиграцией. Не последнюю роль играют и политические опасения. «Париж и Берлин не хотят изменения расстановки сил внутри ЕС и ослабления позиций ФРГ и Франции в органах, определяющих политику и вырабатывающих стратегический курс ЕС»²⁹. По мнению Германии и Франции, механизм принятия решений по европейским делам должен по-прежнему оставаться под их контролем.

Очередная отсрочка решения о принятии Турции в ЕС заставляет Анкару искать иные пути влияния на европейских политиков. Одним из них, на наш взгляд, является стремление усилить роль турецкой диаспоры, прежде всего в Германии. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган довольно часто посещает Германию, и каждый раз он встречается со своими соотечественниками. В 2008 г., выступая в Кёльне перед членами турецкой общины, он выдвинул идею о создании в Германии школ с обучением на турецком языке (причем учителей премьер предложил приглашать из Турции – таким образом, большинство школьников заведомо не будет говорить по-немецки)³⁰. Следующий визит Р. Эрдогана был приурочен к открытию в Ганновере Международной выставки информационных технологий (февраль 2008 г.). Этот визит завершился политическим кризисом германо-турецких отношений. Сначала Эрдоган выступил перед 16 тыс. турок, собравшихся приветствовать его в Кёльне. В своей речи он призвал соотечественников быть более активными: «Вы должны активно участвовать в политической жизни Германии – ведь вас здесь 3 млн! Мы не должны восприниматься как чужаки, мы должны быть важной частью этой страны». И далее: «Турецкий язык – это ваш родной язык, и вы должны учить ему своих детей. Я отлично понимаю, почему вы против ассимиляции. Ассимиляция – это преступление против человечества!»³¹

Как известно, правительство Германии обеспокоено тем, что иммигранты не стремятся овладеть немецким языком. Пытаясь

преодолеть дистанцию, существующую между коренным населением и иммигрантами, правительство разрабатывает специальные программы, реализация которых должна сделать обязательным знание немецкого языка для соискателей немецкого гражданства, ибо только таким образом иностранцы могут рассчитывать на успешное продвижение в немецком обществе. Однако взгляды Анкары и Берлина в этом вопросе не совпадают. В Дюссельдорфе Эрдоган вновь заявил, что в случае возникновения проблем (т.е. если начнут заставлять учить немецкий) он ждет своих земляков на родине: «Я приглашаю писателей, художников, интеллектуалов, которым пришлось в свое время покинуть страну из-за притеснений и недостатка свободы самовыражения и уехать в Германию, я приглашаю вас на родину, в Турцию». В Дюссельдорфе 11 тыс. турок на встрече с Эрдоганом кричали: «Да – интеграции, нет – ассимиляции».

27 марта 2011 г. канцлер Германии А. Меркель в телеинтервью по поводу очередного визита турецкого премьера сказала: «Мы хотим интегрировать людей, поколениями живущих в нашей стране. При этом речь не идет об их ассимиляции или забвении ими этнической родины. Мы хотим их активного участия в общественной жизни нашей страны и в трудовой деятельности, что требует хорошего владения немецким языком и соблюдения немецких законов». Уже на следующий день Эрдоган во время рабочей поездки в Ливию заявил: «Я не понимаю, почему г-жа Меркель отказывается от моего предложения открыть турецкие гимназии в Германии. Откуда у нее такая ненависть к Турции? Я не ожидал подобного от федерального канцлера...»³²

Надо отметить, что эти выступления проходили в преддверии парламентских выборов в Турции, которые должны были пройти 12 июня 2011 г. Естественно, что Эрдоган старался привлечь на сторону своей партии турецких граждан, постоянно проживающих в ФРГ. Кстати, во время этого визита ему удалось получить согласие властей Германии на проведение выборов в турецких консульствах в Германии. Подводя итоги визита турецкого премьера в Германию, газета «Ди Вельт» писала, что если Эрдоган «сможет в организационном отношении объединить вокруг себя турок Германии и получить возможность бросить их влияние на весы немецких выборов – в поддержку партии, обещающей поддерживать турецкие интересы, – то в таком случае Турция будет обладать большим влиянием и в Европе»³³.

В ноябре 2012 г. Р.Т. Эрдоган снова приехал в Германию. Поводом стало открытие в Берлине нового здания посольства Турции, которое стало самым большим из всех турецких дипломатических представительств за рубежом. Эрдоган выступил с предложением разрешить миллионам жителей Германии с турецкими корнями иметь двойное гражданство, которое на данный момент исключено по немецкому законодательству. Одновременно он призвал 50 тыс. германских граждан, живущих в Турции (речь идет о пенсионерах, покупающих недвижимость в курортных городах), обратиться за получением гражданства его страны.

Большую роль в реальной жизни иммигрантов играет транснациональное медийное пространство. Туркам, приехавшим в Германию в начале 60-х годов XX в., почти с самого начала были доступны пресса, поступавшая непосредственно из Турции, и радиовещание на родном языке. В 1972 г. крупнейшая турецкая газета «Хюррийет» стала печатать специальные «европейские страницы», посвященные проблемам турецких эмигрантов. Этому примеру последовали другие издания. С развитием спутникового телевидения и особенно Интернета пределы медийного пространства, доступного туркам, живущим в Германии, существенно расширились. Изучение потребностей выходцев из Турции показало, что даже представители молодого поколения, лучше интегрированные в местную жизнь, достаточно свободно владеющие немецким языком и сравнительно более образованные, испытывают потребность в турецких СМИ в такой же мере, как и в немецких. Такое отношение к СМИ напрямую соотносится с «лоскутной идентификацией», характерной для части молодежи турецкого происхождения.

Практически все турецкие иммигранты имеют спутниковые антенны, благодаря которым они могут смотреть передачи турецкого телевидения. Наиболее популярны 7-й и 5-й каналы, транслирующие дискуссии по различным вопросам, касающимся как жизни в самой Турции, так и турок за границей. Телевидение также транслирует проведение религиозных и национальных праздников в мечетях Стамбула. В последние годы многие каналы транслируют образовательные передачи, а также сериалы, посвященные истории Турции.

Влияние европейской культуры и европейского менталитета больше ощущается в Стамбуле, чем среди турок в Германии. Тем не менее молодое поколение более восприимчиво к европейским ценностям. Впрочем, есть и другие тенденции. Неустроенная молодежь обладает повышенной агрессивностью и старается

выплеснуть ее за пределы своего социально-этнического пространства. Подобное поведение характерно не только для турецких подростков. Немецкая полиция зафиксировала образование молодежных уличных банд смешанного происхождения (турки, арабы, итальянцы, поляки, албанцы и т.д.), включая этнических немцев.

На самом деле германо-турецкое транснациональное пространство претерпевает изменения, по мере того как меняется самоидентификация иммигрантов. Этот закономерный процесс развивается на фоне смены поколений. Данные обследования, проведенного по всей Германии среди молодых представителей семей турецких мигрантов, показали, что 7% членов возрастной группы от 16 до 29 лет склонны считать, что соединяют в себе турецкую и германскую национальную принадлежность. Они называют себя «немецкими турками». Еще 25% считают себя полутурками-полунемцами. Большинство представителей молодежи до 30 лет (59%) однозначно причисляют себя к лицам турецкой национальности³⁴. И все же в молодежной среде происходит медленное продвижение в направлении транснациональной идентификации.

Вопрос об идентичности турецких мигрантов остается открытым. Большинство из них ориентируется частично на Турцию, а частично на Германию. Постоянный контакт с Турцией, а также продолжающееся воссоединение семей препятствуют процессу аккультурации представителей второго и третьего поколений мигрантов. В отличие от других иммигрантов, турки редко создают смешанные семьи, хотя исключения все-таки случаются, в том числе в среде интеллигенции. Так, в 2001 г. Петер Коль, сын Г. Коля, бывшего канцлера Германии, женился на турчанке.

Надо отметить, что проблема турецкого присутствия в СМИ Германии обычно рассматривается в негативных тонах. Однако речь идет о людях, легально приехавших в страну, легально в ней работающих и платящих налоги³⁵ и, следовательно, способствующих процветанию Германии. Но все иммигранты, как первого, так и второго или третьего поколений, свидетельствуют о широко распространенной ксенофобии по отношению к иностранцам вообще, а уж к туркам – втройне (особенно после 11 сентября 2001 г.). Само немецкое общество блокирует возможности социального подъема любых иммигрантов. Известны конкретные случаи дискриминации армянских, курдских и других семей. Большинство немцев воспринимает иммигрантов как нахлебников,

пользующихся благами немецкой социальной системы. При опросе населения немцы обычно обращают внимание на то, как иностранцы одеты, и на то, что они не христиане. Европейцев раздражает мусульманский платок, в то время как одежда монахинь разных орденов воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Следует отметить, что проблемы иммигрантского присутствия в Германии мало чем отличаются от того, что происходит с иммигрантами во Франции, Италии, Бельгии и других странах. Нужно признать, что для всех европейских стран характерен этноцентризм, сопровождающийся негативизмом по отношению к чужакам, особенно если они мусульмане. Большинство турецких иммигрантов, легально проживающих в Германии, отдают себе отчет в том, что, несмотря на то, что в Европе им жить спокойнее и сытнее, здесь они остаются нежеланными, хотя в паспортах их детей, родившихся после 2000 г., записано «немец». Происходит взаимное отторжение: немецкие общественно-политические структуры демонстрируют безразличие и нежелание предпринять кардинальные меры по привлечению иммигрантского сообщества. В свою очередь иммигранты замыкаются в своей среде и порой демонстрируют агрессию к коренным жителям.

Еще в 1980-е годы западноевропейский экономист М. Николинакос писал о том, что миграционный механизм «предназначен не для достижения равновесия между спросом и предложением,³⁶ а для увековечивания отношений между периферией и центром». Миграция турецких рабочих в ФРГ – явление закономерное, основанное на определенных исторических традициях и имеющее отнюдь не только одну экономическую составляющую. Использование иностранной рабочей силы в Германии прослеживается с кайзеровских времен, включая период Веймарской республики и годы фашизма. Вероятно, это обстоятельство способствовало формированию определенной фобии по отношению к чужакам, тем более исповедующим другую религию.

Примечания

- ¹ Среди них примерно 1/5 представлены курдами, кроме того, есть представители балканских народов, предки которых переселились в Османскую империю и после. Специалисты считают, что каждый шестой гражданин Турции имеет балканские корни.
- ² Hommes et migration. – P., 2009. – № 1280. – P. 65.

- ³ Newsweek, 22.05. 2006.
- ⁴ Русская Германия, № 51, 21.12. 2012.
- ⁵ Deutsche Welle, 2.01.2012. По данным российского исследователя Н.Ю. Ульченко, в самой Турции также зафиксирован высокий уровень разводов: 93,5 тыс. в 2006 г. (см.: Исламский фактор в истории и современности. – М., 2011. – С. 67).
- ⁶ Либеральная политика Германии в отношении политических беженцев имела своим последствием приезд в страну Гемалеттина Каплана, известного как «кёльнский халиф». Он призвал превратить Германию в «острие копья, направленного против неверных». Выдворить из страны его удалось только в 2005 г.
- ⁷ Indley C. The Turks in World History. – Oxford University Press, 2005. – P. 220–221.
- ⁸ Main-d'oeuvre etrangere le point de la situation. Observateur. OCDE. – P., 1979. – № 97. – P. 33.
- ⁹ Erdem K. Ethnic Marketing for Turks in Germany – Influences on the Attitude Towards Ethnic Marketing, GRIN Verlag, 2007. P. 17.
- ¹⁰ <http://russian.eurasianet.org/node/58837>
- ¹¹ Today's Zaman, Istanbul. 10.02.2012.
- ¹² Николаев А.А. Место и роль иностранных рабочих в социальной структуре и рабочем движении ФРГ. Канд. дисс. – М., 1989. – С. 4
- ¹³ <http://nemo991.livejournal.com/690631.html> (См.: Сумленный С. Турецкое население Германии: Этническая бомба замедленного действия. 24.02.2011.)
- ¹⁴ Сумленный С. Немецкая система. Как устроена Германия. – М., 2012. – С. 232.
- ¹⁵ Партия «зеленых» была создана в 1979 г. Первоначально ее члены поддерживали левоцентристский экономический курс, протестуя против строительства АЭС, требуя выхода из НАТО, отмены ограничений на иммиграцию, а также легализации легких наркотиков и однополых браков. Члены партии неоднократно участвовали в акциях гражданского неповиновения, в частности против размещения в ФРГ американских ракет «Першинг-2». В 1983 г. партия получила 5,7% голосов (27 мест) на выборах в бундестаг. В 1997 г. на федеральных выборах она получила 8,3% голосов. К 2005 г. партия «зеленых» окончательно отошла от своих первоначальных установок антикапиталистического и пацифистского характера, поддержав бомбардировки НАТО на территории Югославии. В 2008 г. сопредседателем партии был избран германский политик турецкого происхождения Джем Оздемир, получивший 80% голосов. Партия выступает за «мультикультурное» общество, интеграцию иммигрантов, разрешение однополых браков, защиту информации о личной жизни в Интернете и другие гражданские права. «Зеленые» также поддерживают намерение Турции вступить в Европейский союз.
- ¹⁶ Немецкие журналисты выяснили, что Оздемир покупает авиабилеты для личных нужд в счет «премиальных миль», накопленных в официальных поездках.
- ¹⁷ Русская Германия, № 41, 18.10.2010.
- ¹⁸ В 2010 г. в Германии был проведен конкурс красоты среди мужчин. Победителем стал 30-летний Мехмет Дуракович, этнический турок и одновременно супруг «мисс Германии» Катрин Дуракович. С точки зрения психологии этот

эпизод свидетельствует о положительном визуальном восприятии восточного элемента в европейской культуре.

- ¹⁹ Денер – турецкий фастфуд, состоящий из мяса/рыбы, овощей, национальной лепешки и специй.
- ²⁰ Halm D., Thranhardt D. Der transnational Raum Deutschland – Türkei. – Aus Politik und Zeitgeschichte. – Bonn, 2009. – № 39–40. – S. 38.
- ²¹ Неджметдин Эрбакан (1926–2011) – премьер-министр Турции в 1996–1997 гг. Считается сторонником «политического ислама» и наставником Реджепа Тайипа Эрдогана, нынешнего премьер-министра Турции.
- ²² Hommes et migration. – P., 2009. – № 1280. – P. 67.
- ²³ В ведении Диянет находится 76 тыс. мечетей. Число сотрудников Диянета составляет примерно 100 тыс. человек. Известно, что его бюджет на 2006 г. превосходил бюджеты Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел и равен примерно трети государственных расходов на здравоохранение.
- ²⁴ Партия справедливости и развития основана в 2001 г. Генеральный секретарь – Реджеп Тайип Эрдоган, премьер-министр Турецкой Республики (с марта 2003 г.).
- ²⁵ Впервые о мультикультурализме заговорили в конце 1960-х годов в Канаде как о либеральной идеологии, которая ставит перед собой задачу защищать права «коллективных индивидов».
- ²⁶ Актуальные проблемы Европы. – М., 2011. – № 4. – С. 10–11.
- ²⁷ Незадолго до выступления А. Меркель аналогичную мысль высказал консервативный баварский политик Клаус Зехофер, заявивший, что пришло время закрыть Германию для иммигрантов, поскольку страна рискует превратиться в «мировой собес».
- ²⁸ Occidentale, 20.10.2010.
- ²⁹ <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=57954>. Шлыков П.И. Турция на пути в Евросоюз: Надежды и разочарования.
- ³⁰ «В Германии необходимо открыть школы, преподавание в которых будет вестись на турецком языке, – заявил Эрдоган собравшимся. – Турция готова отправить в Германию необходимых для этого учителей». См.: <http://rus.ruvr./2011/09/21/56489185.html>
- ³¹ В апреле 1998 г. Эрдоган, тогда еще оппозиционный политик, был осужден по ст. 312-2 Уголовного кодекса Турции за «подстрекательство к этнической, расовой и религиозной вражде» на 10 месяцев заключения и пожизненный запрет заниматься политической деятельностью. Основанием послужила его публичная речь, произнесенная в 1997 г., во время которой он процитировал следующий фрагмент из стихотворения: «Демократия – это лишь поезд, с которого мы сойдем, как только достигнем цели. Мечети – наши казармы. Их минареты – наши штыки. Их купола – наши шлемы. Верующие – наши солдаты». В ходе февральской (2008) встречи с представителями молодежи, проводившейся в здании администрации канцлера ФРГ, Эрдоган, отвергая вступление Турции в ЕС на правах привилегированного партнера, а не полноправного члена, заявил: «В Европе уже живут 15 млн турок. Если ЕС останется христианским клубом, то какая вообще может идти речь о содружестве культур?»
- ³² Русская Германия, № 8, 2.03.2012.

- ³³ Die Welt, 30.10.2012.
- ³⁴ Halm D., Thranhardt D. Der transnational Raum Deutschland. S. 3.
- ³⁵ Российский журналист С. Сумленный, постоянно проживающий в Германии, приводит данные Института по изучению перспектив рынка труда: в среднем каждый находящийся на территории Германии иностранец выплачивает ежегодно в бюджет страны 7400 евро, а получает лишь 5500. Для немцев эти показатели составляют соответственно 10 500 и 7800 евро (см.: Сумленный С. Указ. соч. – С. 242).
- ³⁶ Положение иностранной рабочей силы в странах Общего рынка, Реферативный сборник; Николинакос М. Заметки по общей теории миграции в условиях современного капитализма. – М., 1976. – С. 34–36.

*«Государство, общество, международные
отношения на мусульманском Востоке»,
М., 2014 г., с. 350–366.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В. Ахмадуллин,

(аспирант МГГУ им. Н.Э. Баумана)

АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНА

«БЛИЖНИЙ ВОСТОК» ЗАПАДНЫМИ АВТОРАМИ

Анализ политических событий в мире показывает, что Запад постоянно и неуклонно старается усилить свое влияние во многих регионах мира. Черeda «цветных революций», прокатившихся по планете, а также других резонансных событий, наиболее серьезно затронула регион, который большинство ученых, политиков, представителей СМИ и простых граждан знают как Ближний Восток.

В исследованиях различных ученых, в выступлениях политиков, в документах международных организаций встречаются различные определения, подходы и объяснения существующих позиций по определению географических границ, или «периметра», этого важнейшего региона мира. В силу разнообразных причин в настоящее время под этим термином (понятием) понимаются различные территории.

Автор считает необходимым исследовать термин «Ближний Восток» с точек зрения, представленных в специализированной литературе и выступлениях политиков. Авторы знаменитой энциклопедии Americana [The Encyclopedia Americana 1973: 38a–39h] считают, что территория Ближнего Востока расположена в основном в Юго-Западной Азии и Северо-Восточной Африке, но при этом они отмечают, что часть региона расположена в Европе (территория Турции). В энциклопедической статье приведен список стран, входящих в регион: Турция, Иран, Ирак, Израиль, Иордания, Ливан, Сирия, Саудовская Аравия, Йемен, Южный Йемен, Оман, Договорный Оман (Объединенные Арабские Эмираты), Катар, Кувейт, Бахрейн. Интересно, что авторы статьи, включая в Ближний Восток Объединенную Арабскую Республику, указывают, что она состоит из Египта и Судана, а не из Египта и Сирии, как

это происходило в действительности. Поэтому неясной остается позиция авторов относительно того, входит ли Судан в регион. Вместе с тем мы согласны с выводом в статье о том, что время от времени границы региона меняются и в него могут быть включены или исключены из него различные прилегающие районы.

Мы считаем, что вывод авторов статьи, что «в культуре и геостратегии Ближний Восток занимает центральное место», абсолютно верный, более того, его актуальность будет сохраняться многие годы.

Анализ соответствующей статьи в энциклопедии Britannica [The New Encyclopedia Britannica 1991: 108] показывает, что ее авторам не чужда идеология коллектива энциклопедии Americana. В Britannica указывается, что в Ближний Восток входят земли вокруг южных и восточных берегов Средиземного моря, простирающегося от Марокко до Аравийского полуострова и Ирана, и даже иногда включаются соседние земли. Они отмечают, что, как правило, Восток делится на три региона: Ближний, Средний и Дальний Восток. В статье отмечается также, что понимание границ региона происходило в зависимости от геополитической ситуации. Так, до Второй мировой войны британское военное командование, базировавшееся в Египте, считало, что в Ближний Восток входят: Турция, Кипр, Сирия, Ливан, Ирак, Иран, Палестина (сейчас Израиль и Палестина), Иордания, Египет, Судан, Ливия, Саудовская Аравия, Кувейт, Йемен, Оман, Бахрейн, Катар, Договорный Оман (Объединенные Арабские Эмираты). По мнению авторского коллектива, в последнее время допустимо включить в этот список Тунис, Алжир, Марокко (т.е. части Северной Африки), а также Афганистан и Пакистан в связи с их вовлеченностью в дела региона. Тем не менее в статье отмечается, что в руководстве США не было однозначного мнения о границах региона.

Авторский коллектив «Энциклопедии современного Ближнего Востока и Северной Африки» [Encyclopedia of the Modern... 2004: 1522, 1523], по нашему мнению, названием своей книги частично обозначил границы Ближнего Востока. Мы полагаем очень интересным приведенное в энциклопедии мнение знаменитого политика У. Черчилля, считавшего, что термин «Ближний Восток» неудачен для Египта, Леванта, Сирии и Турции. В статье отмечено, что этот термин ввел в оборот Альфред Тайер Мэриан в 1902 г. в работе «Персидский залив и международные отношения», и только с 1950 г. понятие «Ближний Восток» приобрело популярность у американцев. Они стали использовать его для вновь соз-

данных академий, институтов, программ и профессиональных ассоциаций. Авторы констатируют, что в сознании многих людей Ближний Восток «охватывает земли, которые простираются от Египта до Турции и Ирака, в том числе на Аравийском полуострове, а также обычно Иран и, несколько реже, Марокко, Алжир, Тунис, Ливию и Судан».

По нашему мнению, авторы «Энциклопедии современного Ближнего Востока и Северной Африки» абсолютно правильно утверждают, что термин «Ближний Восток» не тождественен понятию «мусульманский или исламский мир», так как большинство мусульман в мире живут за пределами Ближнего Востока. В статье справедливо отмечено, что некоторые авторы считают необходимым рассматривать Ближний Восток как географический термин, обозначающий территорию от Марокко до Афганистана и Пакистана с включением Турции. Другие авторы предлагают включать в регион еще и Испанию, Сицилию и Центральную Азию.

Надо отметить, что именно администрация США сделала значительный вклад в расширительную трактовку границ региона. Так, в ходе саммита «Большой восьмерки» в 2004 г. президент США Дж. Буш ввел в политический лексикон новый термин – «Большой Ближний Восток» (Greater Middle East). Этим термином он обозначил огромные территории: арабские страны, государства Центральной Азии и Южного Кавказа, Турцию, Иран, Афганистан и Пакистан.

Как видно из списка, в него вошли почти все мусульманские страны, кроме находящихся в Юго-Восточной Азии. С нашей точки зрения, от таких манипуляций страны Запада, и прежде всего США, получили значительный выигрыш. Он заключается в расширении и усилении присутствия Запада в государствах, которые вошли в этот список.

В июне 2006 г. государственный секретарь США К. Райс, выступая в Тель-Авиве, стала рассуждать о ситуации на «Новом Ближнем Востоке» – дуге нестабильности, хаоса и насилия в границах от Ливана и Палестины до Сирии, Ирака, Персидского залива и Ирана, вплоть до Афганистана.

Эксперименты США с введением новой терминологии ударили и по нашей стране: действия России по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г. стало возможно интерпретировать как ведение боевых действий на территории Ближнего Востока, пусть и Большого. Такое объяснение ситуации дает возможность США оказывать политическое давление на своих ближайших союзников

в регионе – Саудовскую Аравию и Катар, используя мифический рост «российской военной угрозы».

Говоря о разных словарях, объясняющих понятие «Ближний Восток», мы считаем необходимым остановиться на книгах, изданных на Западе и ориентированных на специалистов-переводчиков. С нашей точки зрения, эти издания очень тонко передают идеологию руководителей государств Запада в отношении трактовки границ Ближнего Востока. Мы считаем, что расхождения в переводе и толковании этого термина объясняются изменением геополитической ситуации.

Словарь Collins Russian Dictionary, изданный в 2000 г., переводит Middle East и Near East одинаково – Ближний Восток [Collins... 2000: 306, 323]. Но этот словарь, выпущенный в 2009 г., термин Near East не использует, а Middle East переводит как Ближний Восток [Collins gem... 2009: 552].

В Оксфордском словаре английского языка (одно из наиболее известных академических изданий) при объяснении термина Middle East указывается, что это территория Юго-Западной Азии и Северо-Восточной Африки. Словарь акцентирует внимание на том, что в этом же значении, но существенно реже используется понятие Near East. Фактически между этими терминами в словаре ставится знак равенства [Hornby 2010:968,1021].

Словарь, изданный в знаменитом Оксфордском университете, переводит термин Middle East как [Oxford essential... 2010: 110, 281], что по-русски означает Ближний Восток. Термин Near East в этом словаре отсутствует.

Популярный в переводческой среде словарь Lingvo термин Middle East трактует двояко и с пояснениями:

1. Ближний Восток (название территории на западе Азии и северо-востоке Африки);
2. Средний Восток (Ближний Восток вместе с Ираном и Афганистаном).

Этот же словарь термин Near East переводит как Ближний Восток (название территории на западе Азии и северо-востоке Африки)¹.

В контексте американской политики и ее политологического обоснования развивается и деятельность их союзников в Европе. Так, Европейский совет по международным отношениям (ECER) в

¹ ABBYY Lingvo. Доступ: <http://www.lingvo-online.ru/ra/Translate/ra-en/Near%20East> (Проверено 15.08.2013.)

своих исследованиях использует термин «Ближний Восток и Северная Африка» (Middle East and North Africa). По их мнению, регион разделен на следующие части: Северная Африка (Тунис, Египет, Ливия, Алжир и Марокко); Левант (Сирия, Ливан, Иордания, Палестина); Персидский залив (Иран, Йемен) [European Foreign Policy... 2013: 92–93]. В похожем ключе строит политику изучения региона и Королевский институт международных отношений в Лондоне. Его специалисты считают, что государствами Ближнего Востока и Северной Африки являются страны Персидского залива: Египет, Палестина, Израиль, Иран, Ирак, Ливия, Марокко, Тунис, Алжир, Сирия, Ливан, Йемен [European Foreign Policy... 2013: 92–93].

Как показывает анализ, американские политики регулярно вводят новые геополитические понятия. С нашей точки зрения, это делается преднамеренно, с целью оправдания амбициозных претензий США на мировую гегемонию. Так, видные западные политики – бывший госсекретарь США М. Олбрайт и бывший специальный представитель Президента США в Судане Р. Уильямсон – в рамках исследования, опубликованного в Брукингском институте в 2013 г., используют термин «Арабский Ближний Восток» (Arab Middle East), когда говорят о регионе, который потрясла «арабская весна» [Albright, Williamson 2013: 17].

Специалисты этого института рассматривают в качестве единого региона Ближний Восток и Северную Африку. В него они включают Сирию, Египет, Израиль, Иран, Ирак, Бахрейн, Иорданию, Ливан, Ливию, Палестинские территории, страны Персидского залива [Brookings Institution]. Анализ материалов этого института показывает, что особое внимание они уделяют Саудовской Аравии, Ирану и Катару. Одним из доказательств нашего вывода может служить факт открытия Брукингским институтом в Дохе центра по изучению ближневосточной политики – SABAN.

Проведенное исследование дает возможность утверждать, что среди исследователей и политиков разных стран Запада не сложился и в принципе не может сложиться единый подход к пониманию того, какие государства входят в Ближний Восток. Более того, у исследователей и политиков одной и той же страны Запада в разные исторические периоды существуют разные варианты определения границ и списка стран. Это может объясняться, по нашему мнению, как внутренними, так и внешними причинами различного характера – политического, экономического, социального и т.д.

В ходе анализа различных теоретических подходов ученых и политиков к проблеме определения границ Ближнего Востока автор считает нужным показать собственный взгляд на то, какие страны входят в Ближний Восток: это Египет, Судан, Южный Судан, Израиль, Палестина, Иордания, Ирак, Сирия, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Йемен, Кувейт, Катар, Бахрейн, Оман, Кипр, Турция, Иран.

Как показывает опыт, политики Запада часто используют один и тот же прием – для усиления своего влияния в разных странах, а также для оправдания присутствия своих войск они не жалеют средств по внедрению в сознание мировой общественности необходимости новой нарезки геополитических пространств. Обязательным условием такой деятельности за последние годы стало активное и даже агрессивное внедрение выгодных им на данный момент и на ближайшую перспективу геополитических новаций в виде укрупнения или разделения исторически сложившихся территорий. Именно поэтому России надо тщательно анализировать такие шаги Запада, которые, как правило, сопровождаются действиями, направленными на снижение политического и экономического влияния РФ в «новом» регионе.

Литература

1. Albright M.K., Williamson R. 2013. The United States and R2P: From Words to Action. Washington, 29 p. URL: <http://www.brookings.edu/~media/research/papers/2013/07/23%20united%20states%20responsibility%20protect%20albright%20williamson/23%20united%20states%20responsibility%20protect%20albright%20williamson.pdf> (Accessed 5.08.2013.)
2. Brookings Institution. Middle East and North Africa. URL: <http://www.brookings.edu/research/topics/middle-east-and-north-africa> (Accessed 5.08.2013.)
3. Collins Gem Russian dictionary: Russian-English, English-Russian. 2009. 4th ed. Glasgow: Collins Gem.
4. Collins Russian dictionary: Russian-English, English-Russian. 2000. 2nd ed. Glasgow; New York: HarperCollins.
5. Encyclopedia of the Modern Middle East & North Africa (P. Mattar, ed.). 2nd ed. 2004. Detroit: Thomson Gale, 2027 p.
6. European Foreign Policy Scorecard 2013. (J. Vaisse, S. Dennison, eds.). 2013. London 147 p. URL: http://ecfr.eu/page/-/ECFR73_SCORECARD_2013_AW.pdf (Accessed 7.08.2013.)
7. Hornby A.S. 2010. Oxford advanced learner's dictionary of current English. 8th ed. Oxford: Oxford University Press.
8. Middle East and North Africa. URL: <http://www.chathamhouse.org/research/middle-east> (Accessed 12.06.2013.)

9. Oxford Essential Arabic Dictionary: English-Arabic, Arabic-English. 1st ed. 2010. Oxford; New York: Oxford University Press.
10. The Encyclopedia Americana. 1973. N.Y.: Americana Corporation; Oxford University Press, 808 p.
11. The New Encyclopedia Britannica (P.W. Goetz, ed.). 1991. Vol. 8. Menage – Ottawa. 1044 p.

«Власть», М., 2014 г., № 4, с. 126–130.

Г. Косов,

доктор политических наук,

Г. Станкевич,

доктор политических наук (ПГЛУ, г. Пятигорск)

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ: ОПЫТ ВОСТОЧНЫХ ПОЛИТИЙ
(Исламская проекция)**

Восток, являясь колыбелью всех мировых религий, крайне неоднороден. В истории политической мысли наблюдались попытки сформулировать некоторые общие черты восточных цивилизаций. Так, М. Вебер, оправдывая культурный империализм, писал о нерациональных аспектах этих цивилизаций [2]. Нам представляется, что целесообразно разделить Восток как социокультурный феномен на классический Восток (Индия, Китай, Япония) и исламский Восток. Притом что, с одной стороны, Востоку в широком социокультурном понимании (и классическому, и исламскому) присущ ряд общих характеристик, а с другой стороны, существует определенная проекция ислама, буддизма, индуизма и т.д. на сущность и политическую практику восточных политий.

Для характеристики роли религиозного фактора в политическом процессе восточных политий мы воспользуемся рядом положений теории незападного политического процесса Л. Пая [10] и отечественной ориенталистики (Л.С. Васильев [1]). Л. Пай, выделяя специфику политических процессов западного и незападного типов, сформулировал 17 черт, отличающих политический процесс в западных обществах от политического процесса в западных [10, с. 66–85]. Описанная Л. Паем структура незападного политического процесса достаточно полно и подробно раскрывает его особенности, а теоретические рассуждения Л.С. Васильева о

специфике восточных сообществ позволяют проследить эволюцию основных элементов политического процесса.

Представляется, что доантичные политические структуры как на Западе, так и на Востоке были идентичны, и мы считаем, что они развивались по восточному типу (в социокультурном, а не в географическом понимании). Начиная с Античности, происходит разделение политических структур и практик на специфически западные и восточные. Данное разделение связано с появлением на Западе частнособственнических отношений, развитием товарного производства, отсутствием централизованной власти, наличием демократического самоуправления в общине и формированием «гражданского общества» [9, с. 10], в то время как в восточных обществах господствовала общинная и государственная, а не частная собственность. Данная тенденция вела к диктату общины над личностью, государства над общиной. Семья, клан, каста (не путать с варной), братство как варианты общины, с одной стороны, помогали человеку в противостоянии с государством, а с другой — являлись проводниками идей государства / власти в массы. Руководители данных структур были вписаны в государственную систему, являясь первой ступенью чиновничества. Именно поэтому политическая структура восточных политий стремилась к внутренней стабильности, а консервация норм общинной этики способствовала воспроизведению одного и того же типа политических структур.

Д. Угринович отмечает три основных направления воздействия религии на политический процесс: «Во-первых, влияние самой религии на политическое поведение верующего человека; независимо от того, какую политическую позицию занимают служители церкви, затрагивают политические и социальные вопросы в своих проповедях, всякая пропаганда религии в известной мере усиливает политическую активность трудящихся, препятствует их участию в борьбе за общественное переустройство». «Во-вторых, религия воздействует на политический процесс через конкретные социальные учения, проповедующие церковные и религиозные организации. Наконец, в-третьих, религия оказывает воздействие на политический процесс через повседневную политическую деятельность церковных организаций» [13, с. 325–326]. Развивая данную мысль, можно утверждать, что религиозный фактор детерминировал появление особого психоментального типа западного и незападного человека. Если первый был «деятелем» (преобразователем) внешнего мира, то второй преобразовывал свой внутренний мир, следо-

вал всеобщему закону Рита (с санскрита: «порядок вещей»), ориентировался на циклическое время, что делало предсказуемым его социальное поведение, детерминировало патерналистскую модель как семейной, общественной, так и политической жизни.

Итак, на Западе новации, в том числе и политические, явились следствием активности индивида, гражданина-собственника, а на Востоке – общины, принимающей только те ценности, которые соответствовали патернам общинной жизни, традиционному хронотопу. Базовые структуры политической жизни в незападном обществе связаны с коммунитаризмом, с общиной, и, следовательно, политическое поведение зависит от общинной идентификации, от культурной / этнической / религиозной идентичности. В связи с этим и социальные / политические группы, и отдельные члены подобных сообществ сориентированы на конкретные аспекты общинных интересов, а не на политическую сферу.

Так, Л. Пай считает, что характер западного политического процесса детерминирован формами социальных и собственно личных взаимоотношений, а власть / авторитет / влияние больше связаны с социальным статусом. Именно это и определяет проблему влияния как главную в политической борьбе, выводя за «скобки» дискуссии об альтернативных политических курсах. Процесс рекрутирования политической элиты и участия ее в политике в большей степени связан с культурной социализацией [7, с. 109–122], а не с деятельностью политических партий. Отметим, что даже для современных восточных политических партий, если вообще данный термин подходит для восточных политических, а точнее «братства», стремясь одержать первенство в политической борьбе и реализовать свои интересы, ориентированы на насаждение своего мировидения, мировосприятия, мирочувствования, социокультурных патернов, основных элементов образа жизни своей группы / сообщества / клана и т.д.

Французский арабист П. Рондо, характеризуя политические партии в мусульманском мире, отмечает, что унитарные требования, выдвигаемые исламом, делали всегда подозрительными деление людей по кланам, фракциям, враждующим группировкам [5, с. 235–237]. Слово «хизб» (арабское обозначение «партии») обычно переводится в Коране как «раскольническая группировка», т.е. этому слову придается отрицательное значение (хотя в то же время в Коране содержится упоминание о «партии Аллаха» (хизбуллах) и «партии дьявола» (хизбушшайтан) [8, с. 15–17].

П. Рондо отмечает, что деление мусульман на три основные ветви нельзя считать партийным делением [5, с. 235–237]. В то же время в исламе задолго до появления современных партий религиозные братства нередко выражали определенные социально-политические тенденции.

«Религиозные братства представляли в классическом исламе наиболее прочную форму ассоциации», – считает П. Рондо [5, с. 235–237]. Это были группы людей, которые, следуя тому или иному мистическому учению, складывались вокруг духовного учителя, вырабатывая духовную иерархию. По-арабски братство обычно именуется «тарика» (путь), хотя иногда можно встретить и «хизб», что означает, с одной стороны, некоторую неправомерность существования братства в глазах наиболее правоверных мусульман, но с другой – свидетельствует о возможностях, которыми располагает братство в сфере общественно-политической жизни. П. Рондо подчеркивает существующую преобладающую в исламском мире тенденцию к однопартийному правлению [5, с. 235–237], что объясняется спецификой политических режимов восточных политий в исламской проекции.

Итак, политический процесс в современных восточных политиях – это не процесс овладения (производства) властью, а процесс ее сохранения и использования с целью поддержки имманентно присущего, сложившегося и устоявшегося, ставшего традицией в политической жизни. В основе восточных политий лежит религиозный фактор, позволяющий государству выступать в качестве перманентного мобилизатора и охранителя патернов поведения, социальных практик [8].

Помимо базовых параметров, одинаковых для всех стран периферии, на Востоке существуют специфические черты, детерминированные исламом [13, с. 130–134.].

Мусульманские теологи в качестве одной из коренных особенностей своего вероучения называют единство религии и политики. В качестве аргумента они приводят тезис о том, что Мухаммед был не только проповедником, но и непосредственным организатором общины мусульман – уммы [12, с. 69–77]. Так, иранский политолог Сайид Хади Хосровшахи пишет: «Бог, пророк и великие проповедники, видевшие осуществление принципов ислама в организации процветающего общества, никогда не отделяли религию от политики». По словам Хасана ал-Банна, «в исламе исключен характерный для Европы конфликт между духовным и светским началами, между религией и государством... Христиан-

ская идея «богу – богово, кесарю – кесарево» здесь отсутствует, поскольку все принадлежит всемогущему Аллаху» [11, с. 56].

Толкуемая таким образом связь политики и религии означает утверждение теократии как идеальной формы исламского государства.

Ислам с самого начала был социальным движением и служил идеологическим обоснованием создания мусульманского государства. Именно Мединское государство, основанное пророком Мухаммедом, является идеальной организацией и высшим достижением духовной культуры, образцом для всех современных мусульманских обществ. Хотя, следует подчеркнуть, что Мединская община не была государством в традиционном даже для средневековья смысле. Это, как отмечает Г.М. Керимов, была община-коммуна, члены которой занимались в основном сельским хозяйством и укреплением первых мусульманских военных подразделений [6, с. 9]. Мухаммед, как и другие руководители родов и племен, сам решал все вопросы: судебные, социально-экономические, бытовые. Он и его последователи особенно подчеркивали отличие общины от уже существующих государств.

Так как Коран является «важнейшим руководством для материальной и духовной жизни людей вплоть до страшного суда», а «малейшее отклонение от него есть начало упадка религии, исламских норм и крушение божественной справедливости», то трудно себе представить, что полная реализация всех регламентирующих позиций возможна в неисламском социальном и политическом окружении. Следовательно, главная задача, стоящая перед мусульманским миром, – объединение всей людской семьи для того, чтобы привести «человечество в состояние, которое оно должно достичь, спасти этого носителя божественных качеств от сатаны и деспотических правителей, установить справедливость в мире и передать власть в руки безгрешных духовных правителей, чтобы те передали ее достойным людям» [8, с. 4]. Ведь ислам и исламское правление положат конец несправедливости и жестокости, всем порокам и разложению, помогут людям достичь желаемого совершенства.

В исламе единственной определяющей нормой, в соответствии с которой может быть организована политическая жизнь сообщества, является выдвигаемая на первый план общность уз веры. Эти узы образуют основу политической интеграции, социальной солидарности, экономической помощи и духовного братства. Аллах является суверенным правителем всех государств [5, с. 120].

На протяжении последних десятилетий мир был свидетелем неуклонного усиления политической роли ислама как во внутреннем, так и во внешнем политическом развитии целого ряда стран. После революции в Иране (1979 г.) заговорили о «возрожденческом движении почти всемирного масштаба», о «регенерации исламского этоса», о том, что мусульманский мир вступил в «одну из наиболее решающих фаз своей религиозной и культурной истории».

Ученый мир пытается найти объяснение этому феномену. Так, к причинам относят: «извечность бунта» (М. Родинсон); «двойной крах либерального капитализма и огосударственного социализма» (Ж.-Ф. Канн, Ж. Жвийяр); «экспроприацию» религиозности широких мусульманских масс в пользу правящих группировок, использование идеи ислама для политической мобилизации в ущерб подлинному духовному обновлению (Х. Буларес); реакцию на имитацию западных партийно-государственных структур, системы образования, моделей экономического развития; чувство духовного и идеологического вакуума (А. Марун) [анализ проводится по: 12].

Р. Декмеджян считает, что причинами конкретного исламского возрождения могут быть [3, с. 37]: затянувшийся кризис мусульманских обществ, вызванный «дезориентирующим политическим, экономическим и социальным воздействием западного и советского империализма; императивы экономического развития; борьба народов за независимость; арабо-израильский конфликт; потеря арабами Палестины и Иерусалима; возникновение западного и марксистского секуляристских движений; продолжающиеся политические конфликты в арабских странах и в мусульманском мире вообще.

Г. Джемаль связывает революционализацию ислама с тем, что «энтропийные механизмы, действующие в человеческой субстанции, исказили единство воли к смерти и воли к власти. Жертвенная элита, построенная по пассионарно-героической модели, ушла из исламской практики и перестала быть действенной» [4, с. 112]. Поэтому, считает он, исламское сообщество занялось возрождением героической элиты, выделением из своих рядов людей воинской психологической и ментальной ориентации, которые должны составить костяк будущего правящего класса в исламской умме.

Политические и экономические кризисы перекатывались по мусульманскому миру, громяхая государственными переворотами

и псевдореволюциями. И все большей части мусульман казалось, что единственным выходом из тупика может служить обращение к исламу, исламская альтернатива, ибо «в руках продажных властей и прочих ахундов, которые были хуже деспотических правителей, Священный Коран использовался как инструмент для насаждения насилия, жестокости, коррупции, оправдания угнетателей и врагов Господа» [8, с. 4–5].

Движение за возвращение к первоначальному исламу представляется реакцией на неспособность элиты в исламских странах установить легитимный общественный порядок в рамках жизне-способной политической структуры. Корни кризиса легитимности в мусульманских странах профессор политических наук университета штата Нью-Йорк Р. Декмеджян видит в неудачной попытке их политических и интеллектуальных элит заменить традиционный исламский легитимизм светскими идеями легитимизма и социальной сплоченности [3, с. 36].

Политический исламизм резко активизировался не вдруг, а в «определенном социально-политическом контексте, отмеченном социальным крахом развития, который вовсе не обязательно связан с экономическим крахом» [5, с. 124], – отмечает Х. Буларес. Определенность этого социально-политического контекста проявляется двояко: в резком усилении неравенства, росте угнетения со стороны властвующих элит в подавляющем большинстве мусульманских стран и в отчуждении и утрате жизненных ориентиров, возникающих в результате подражательной, имитирующей модернизации.

Г.Х. Янден определяет возрождение ислама как феномен «политического оппозиционизма». По его мнению, вызов Запада 70-х годов XX в. получает политико-религиозный ответ, так как ислам в мусульманских странах является и религией, и политикой, и «не было другой силы или организации, которая оказалась бы способной руководить, вдохновлять и направлять борьбу» [5, с. 122].

Постколониальная стратегия экономического развития в большинстве мусульманских стран дискредитировала в глазах широких масс модернизацию как таковую, так как модернизация происходила за счет снижения уровня жизни громадной части населения. Зревший протест против такой модернизации нуждался в политико-идеологической форме, которая бы нашла, что противопоставить: 1) достаточно быстрому, неподконтрольному изменению условий жизни; 2) наступлению всего «чужого», «импортно-

го», навязанного извне и разлагающего «свое»; 3) резкому усилению и обнажению социального неравенства. Представляется справедливым утверждение о том, что своеобразным идеологическим обоснованием такого рода социальным ожиданиям стал ислам.

Основатель и лидер партии «Джамаат-и ислам» в Пакистане Абдул Ала Маудуди является признанным автором разработки в современных условиях концепции «исламского государства». Он считает: 1) верховная власть в исламском государстве принадлежит Богу, правительство выполняет функцию заместителя (халифа) Бога на Земле; 2) шариат есть основной закон страны; 3) действующее законодательство не должно противоречить шариату; 4) государство не должно преступать «границы», установленные исламом [11, с. 83].

Часть мусульманских теоретиков и идеологов и в настоящее время заявляют, что их вероучение не признает законодательства, вводимого рациональными человеческими аргументами. Так, лозунг «Братьев-мусульман» звучал: «Коран – наша конституция». За главой государства признаются функции административного регулирования исключительно в рамках шариата. Данная традиция уходит корнями в средневековую арабскую философию, в рамках которой и правители, и государственные деятели одновременно являются и судьями, и надзирателями. Их власть может быть исполнительной, административной, судебной, но не законодательной, ибо законодателем является сам Бог.

Одним из важных моментов в учении Ислама, по мнению Г.М. Керимова, который активно используется в современных условиях, является толкование нации и гражданства. Согласно Корану «исламская нация» – это умма (народ) – единая нация, сложившаяся в границах всех мусульманских государств. Так, Муаммар Каддафи писал, что «ислам – это фактор сохранения исламской нации, идейная основа арабского национализма» [6, с. 60], а Али Аскер Хекмет уточнял, что «у мусульман один национализм, и этот национализм – ислам, ибо для мусульман национализм – символ веры» [6, с. 55]. «Гражданство» определяется термином «джинсия» и соответствует государственному разделению (например, египтянин, алжирец, иранец и т.п.)

В рамках концепции исламского миропорядка, которая была озвучена в Декларации Международного семинара, прошедшего 3–6 августа 1983 г. в Лондоне, подчеркивается, что одной из политических целей уммы является объединение всех исламских движений в единое глобальное движение, «с тем, чтобы создать ис-

ламское государство» [5, с. 124]. Процесс создания исламского государства сопряжен, по мнению участников семинара, во-первых, с ликвидацией всех видов власти, находящихся в конфликте с Аллахом и Его Пророком, во-вторых, всякого политического, экономического, социального, культурного и философского влияния западной цивилизации. Конечной целью исламского варианта глобализации должно стать установление справедливости «во всех человеческих отношениях на всех уровнях в мире» [5, с. 124].

Исламский сценарий глобализации связан с превращением исламской традиции в политическую идеологию, стремящуюся, во-первых, к объединению всех мусульман в едином исламском государстве, и, во-вторых, к тотальной войне против всех неверных с целью их обращения в ислам для дальнейшего их включения в состав исламского государства. Современный автор Аль-Афгани разработал основополагающие принципы панисламизма: «во-первых, отказ от привнесенных концепций в силу их отчужденности от исламского общества и непригодности для него; во-вторых, подтверждение основного принципа (панисламизма) – ислам верен для любого места и времени» [5, с. 112].

Таким образом, на наш взгляд, политический процесс в восточных странах связан с вычленением и поддержкой в политической и социальной жизни имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного на основе религиозных ценностей.

Литература

1. Арабо-исламский мир на пороге XXI века. – М.: ИНИОН АН СССР, 1999. – 186 с.
2. Воскресенский А.Д. Незапад в дискурсе мирополитической компаравистики [Текст] / А.Д. Воскресенский // Международные процессы. – 2004. № 3. – С. 54–63.
3. Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. – М.: Высшая школа, 1993.
4. Вебер М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / АН СССР, ИНИОН, Всесоюз. межвед. центр наук о человеке при президиуме. Вып. 2. – М.: ИНИОН, 1991. – 186 с.
5. Декмеджян Р. Анатомия исламского возрождения: Кризис легитимности, этнический конфликт и поиски исламских альтернатив // Проблемы исламоведения. Вып. 1. – М.: ИНИОН АН СССР, 1982. – 198 с.
6. Джемаль Г. Освобождение ислама [Текст] / Г. Джемаль. – М., 2004. – 416 с.
7. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка [Текст] / Н.В. Жданов. – М.: Наука, 2003. – 568 с.

8. Керимов Г.М. Учение ислама о государстве и политике. – М.: Знание, 1986. – 64 с.
9. Косов Г.В. Специфика политического процесса в периферийных странах [Текст] / Г.В. Косов, Ю.Г. Ефимов // Социально-гуманитарные знания. – 2012. № 9. – С. 109–122.
10. Косов Г.В. Политическая концепция ислама: цивилизационный и политологический анализ [Текст] / Г.В. Косов. Ставрополь: Изд-во Возрождение, – 2008. – 220 с.
11. Косов Г.В. Становление гражданского общества в России: Цивилизационный и политологический анализ [Текст] / Г.В. Косов // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. – 2009. № 4. – С. 8–14.
12. Пай Л. Незападный политический процесс [Текст] / Л. Пай // Политическая наука. – 2003. № 2. – С. 66–85.
13. Плешаков О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане [Текст] / О.В. Плешаков. М.: Наука, 2003. 286 с.
14. Проблемы исламоведения. Вып. 1. – М.: ИНИОН АН СССР, 1982. – 198 с.
15. Угринович Д.М. Философские проблемы критики религии. – М.: Политиздат, 1965. – 349 с.

«Социум и власть», М., 2013 г., № 6, с. 67–72.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2014 – 9 (267)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 8/VIII-2014 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,75 Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 300 экз. Заказ № 108

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9